Л56
93

Д. И. Троицкій

ЛБ6 93

РУСЬ

ВЪ МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ

I

ИЗДАНІЕ
Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ

973

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сунодальная Типографія
1909

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
779928

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Нашествіе татаръ. Чингисханъ и битва на р. Калкѣ	1
Нравы и обычаи татаръ	12
Покореніе Руси татарами	19
Золотая орда	36
Св. Александръ Невскій	43
Преемники Александра Невскаго. а) Братья его—Ярославъ и Василій	90
б) Дѣти Невскаго—Димитрій, Андрей и Даніилъ	99
Первая борьба Москвы съ Тверью	106
Даніилъ Галицкій	118
Преемники братьевъ Романовичей, князей галицкихъ	165
Судьба Волынско-Галицкой земли	188

973

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

Чингисханъ и битва на р. Калкѣ.

Въ то время, какъ на Руси шли безконечныя княжескія междоусобія и борьба съ половцами, въ отдаленныхъ степяхъ Азіи произошло явленіе, которое должно было дать иное направленіе жизни нашихъ предковъ.

Въ Азіи—въ степяхъ Гоби и Алтайскихъ горахъ—съ незапамятныхъ временъ кочевали татары. Принадлежа къ монгольскому племени, они дѣлились на множество мелкихъ ордъ, управлявшихся своими старѣйшинами, или ханами. Занимаясь скотоводствомъ, они почти постоянно вели междоусобную борьбу изъ-за пастбищъ и стадъ. Занимаясь своими дѣлами, они были не опасны для своихъ сосѣдей. Но когда эти мелкія орды, оставивъ свои ссоры, соединялись въ одну громадную и сильную орду,—тогда татары становились страшны для сосѣднихъ государствъ. Руководимые предпріимчивымъ и мужественнымъ повелителемъ, они нападали на своихъ сосѣдей, грабили ихъ, мучили и убивали. Подобный азіатскій завоеватель наводилъ страхъ и ужасъ на самыя отдаленныя государства. Таковъ былъ и Чингисханъ, называвшійся сначала Темучиномъ. Составивъ громадную орду, онъ завоеваніями своими и безчеловѣчіемъ привелъ въ трепетъ Азію и восточную Европу.

Темучинъ родился въ 1154 году. Онъ былъ сынъ хана Есукая-Багадура, кочевавшаго съ своею ордою и подвластными родами при истокахъ Амура. Съ раннихъ поръ Темучинъ началъ испытывать горе и разныя превратности судьбы. Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Большая часть родовъ, подвластныхъ Есукаю, перестала платить дань его сыну. Мятежники откочевали отъ его юрта, и стали нападать на его кочевья. Они отгоняли скотъ и брали плѣнниковъ. Молодому Темучину волею-неволею приходилось защищать свое кочевье, свое имущество. Въ войнахъ съ сосѣдними племенами онъ не разъ терпѣлъ неудачи и измѣны.

Онъ не разъ попадалъ въ руки своихъ враговъ, отъ власти которыхъ всегда избавлялся почти чудеснымъ образомъ. Разъ враждебное племя тайджигутовъ, напавъ на кочевье Темучина и его братьевъ, потребовало отъ ихъ матери выдачи только его одного. Темучинъ спрятался въ недоступной пещерѣ, и провелъ тамъ девять сутокъ безъ пищи и питья. Наконецъ, голодъ и жажда заставили его выйти изъ своего убѣжища. Подстерегавшіе враги схватили его и отвели въ свое кочевье. Тамъ заключили его въ оковы, а на шею надѣли деревянную колодку. Одна старуха сжалилась надъ молодымъ плѣнникомъ и подложила ему кусокъ войлока на плечи, чтобы колодка не слишкомъ ихъ терла. Вскорѣ случился праздникъ, тайджигуты напились до-пьяна кумысу. Замѣтивъ это, плѣнникъ разбилъ ножныя оковы, нанесъ ими тяжкій ударъ своему сторожу, убѣжалъ и спрятался въ болотѣ. Враги стали искать его. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ его въ водѣ, рѣшился спасти его. Послалъ искавшихъ въ другую сторону, онъ далъ ему быструю кобылицу, и Темучинъ благополучно вернулся въ свое кочевье.

У Темучина всегда находились люди, которые помогали ему избавляться отъ опасностей. Щедростью и ласкою онъ пріобрѣталъ многихъ союзниковъ, которые способствовали его возвышенію. Выросши среди несчастій, закалившихъ характеръ его и мужество, Темучинъ зналъ, какъ съ кѣмъ надо обращаться. Съ одними онъ былъ ласковъ и щедръ, а съ другими жестокъ и свирѣпъ. Отличаясь очень высокимъ ростомъ, большимъ лбомъ, проницательными глазами и длинною бородой, Темучинъ однимъ видомъ своимъ, одною осанкою производилъ сильное впечатлѣніе на окружающихъ его полудикарей. Темучину было уже за сорокъ лѣтъ, когда судьба стала къ нему благосклонна. Тѣ же тайджигуты, соединившись съ сосѣдними племенами, пошли на него съ большимъ войскомъ. Онъ собралъ подвластные себѣ тринадцать родовъ, и мужественно встрѣтилъ враговъ. Произошла упорная битва. Непріятели были разбиты на голову. Семьдесятъ тайджигутскихъ бековъ [1]), захваченныхъ въ плѣнъ, Темучинъ бросилъ въ семьдесятъ кипящихъ котловъ. Это навело ужасъ на всѣхъ. Тайджигуты и союзники ихъ покорились Темучину. Стали ему покоряться и другія орды. Однѣ признавали власть его надъ собою по доброй волѣ, а другія—послѣ небольшого сопротивленія. Власть Темучина съ каждымъ годомъ все усиливалась. Орда его увеличивалась, все росла. Кончилось тѣмъ, что въ концѣ XII вѣка

---

[1]) Бекъ—титулъ, дававшійся важнымъ чиновникамъ и благороднымъ, знатнымъ лицамъ.

Темучинъ уже не имѣлъ соперниковъ между татарскими ханами. Всѣ почти татары подчинялись ему.

Въ 1203 году Темучинъ созвалъ большой *курилтай* [1]). Онъ угостилъ собравшихся роскошнымъ пиромъ и заставилъ себя провозгласить верховнымъ ханомъ всѣхъ татарскихъ ордъ. Тутъ одинъ шаманъ [2]) возвѣстилъ народу, что Темучину, по рѣшенію неба, предназначено овладѣть всей вселенной. Всѣ повѣрили этому, и Темучинъ сталъ называться Чингисханомъ, т. е. великимъ ханомъ.

Послѣ этого Чингисханъ поселился въ блестящемъ Каракорумѣ [3]). Онъ издалъ «Ясу»—книгу законовъ, которая вводила строгій порядокъ и единство между всѣми ордами. У него всѣ подданные были перечислены. Никто не смѣлъ проѣзжать по его странѣ безъ паспорта.

Чингисханъ, повѣрившій предсказанію шамана, рѣшилъ сдѣлаться властелиномъ всего міра. «Какъ солнце одно на небѣ»,—говорилъ онъ,—«такъ долженъ быть и одинъ владыка на всей землѣ». Чингисханъ назвалъ себя «бичемъ Божіимъ». Онъ сталъ все истреблять, что ни попадалось подъ руку. Онъ перебилъ десятки милліоновъ людей и разрушилъ цѣлыя богатыя и образованныя царства. Народы приходили въ ужасъ. Богатыри ихъ сами припадали къ землѣ, и татарки безпрепятственно рубили имъ головы. Завоеванія Чингисхана пошли очень быстро. Сначала онъ завоевалъ восточный Туркестанъ и южную Монголію, а потомъ проникъ въ Китай. Борьба съ послѣднимъ была нелегка. Онъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Китай, прежде чѣмъ овладѣлъ столицей его Пекиномъ. Весь сѣверный Китай подпалъ подъ его власть.

Въ концѣ китайской войны у Чингисхана начались непріятныя отношенія къ Ховарезму, или юго-западному Туркестану. Ховарезмейское царство было очень обширно: оно простиралось отъ Каспійскаго моря до рѣки Инда. Большая часть Персіи была въ рукахъ ховарезмейскаго султана Магомета. Этотъ государь былъ очень гордъ и заносчивъ. Сначала онъ и Чингисханъ заключили между собою дружескій и торговый договоръ. Но на-

---

[1]) Курилтай—собраніе знатныхъ лицъ. Курилтай собирался у татаръ въ важныхъ случаяхъ. Онъ иногда занимался избраніемъ самихъ хановъ или подтвержденіемъ ихъ наслѣдственныхъ правъ.

[2]) Шаманъ—жрецъ. Татары считали своихъ шамановъ посрадниками между небомъ и людьми. Они вѣрили въ ихъ предсказанія и питали къ нимъ глубокое уваженіе.

[3]) Каракорумъ—столица уйгуровъ, считавшихся тогда самымъ образованнымъ турецкимъ народомъ. Уйгуры жили у Байкала.

дменный султанъ скоро нарушилъ его: онъ отказался удовлетворить хана за татарскій караванъ, разграбленный въ его владѣніяхъ и за убійство его пословъ. Началась война. Она была продолжительна, жестока и кровопролитна. Пепелъ и сотни тысячъ труповъ покрывали тѣ мѣста, по которымъ проходили татары. Цвѣтущія дотолѣ страны обращались въ пустыни. Магометъ съ самаго начала войны оказался въ полѣ слабѣе своего противника. Онъ сталъ ограничиваться защитою укрѣпленныхъ городовъ. Татары брали ихъ и разрушали до основанія. Чингисханъ и его сыновья прошли опустошительнымъ потокомъ по непріятельской землѣ. Города одинъ за другимъ переходили въ ихъ руки. Бухара, Ходжентъ, Самаркандъ, Балкъ, Мервъ, Гератъ и другіе города и мѣстности, славившіяся своею торговлею и образованностію, были ими разгромлены и опустошены. Однихъ жителей, способныхъ носить оружіе, Чингисханъ присоединялъ съ своему войску, а другихъ обращалъ въ рабство или избивалъ. Но художниковъ и ремесленниковъ, какъ людей для него полезныхъ, онъ всегда щадилъ. Ужасъ, наведенный звѣрствомъ и непобѣдимостью татаръ, способствовалъ ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Многіе города сдавались на ихъ милость, считая безполезнымъ всякое имъ сопротивленіе.

Между тѣмъ Магометъ, разбитый не разъ своими врагами, отступалъ съ остатками своего войска изъ одной области въ другую. Не желая лично гоняться за нимъ, Чингисханъ отрядилъ на это двухъ своихъ лучшихъ полководцевъ—Джебе и Субудая Богадура. Послѣдніе съ нѣсколькими десятками тысячъ конницы занялись преслѣдованіемъ султана. Въ какую бы область своихъ владѣній Магометъ ни переходилъ, татары всегда шли по его пятамъ. Наконецъ султанъ, избѣгая плѣна, бросился къ берегамъ Каспійскаго моря, въ отдаленную область Мезандеранъ. Татары и сюда скоро явились. Тогда, удрученный горемъ и болѣзнію, Магометъ спасся на одинъ Каспійскій островъ, гдѣ въ 1221 году и скончался. Ховарезмейское царство вскорѣ послѣ этого все было завоевано и въ конецъ опустошено.

Во время преслѣдованія ховарезмейскаго султана, Джебе и Субудай далеко углубились на западъ, въ прикаспійскія страны, и вошли въ область Адербейжанъ. Воинственный и властолюбивый Чингисханъ велѣлъ имъ идти дальше на сѣверъ. Онъ приказалъ имъ взять страны, лежащія за Каспіемъ и Ураломъ. Онъ велѣлъ имъ подчинить себѣ кипчакскихъ кумановъ, или половцевъ.

Тогда Джебе и Субудай, усиленные вновь прибывшими под-

крѣпленіями, перешли рѣки Араксъ и Куру, и вторглись въ Грузію. Разбивъ грузинское войско, они направились къ Дербенту. У владѣтеля Шемахи они взяли десять проводниковъ. Они должны были провести ихъ чрезъ Кавказскія горы. Отрубивъ голову одному изъ нихъ, они сказали остальнымъ, что и съ ними поступлено будетъ такъ же, если они не поведутъ ихъ лучшими, путями.

Угроза однако произвела обратное дѣйствіе. Проводники, заведши татаръ въ невѣдомыя для нихъ горныя тѣснины, скрылись. Варвары очутились въ западнѣ. Всѣ проходы заняты были половцами и кавказскими горцами, знавшими уже о нашествіи татаръ. Послѣдніе были окружены врагами. Что было тутъ дѣлать, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія?... Татары пустились на хитрость. Они послали половцамъ богатые дары и сказали имъ, что они соплеменники ихъ, желаютъ съ ними жить въ дружбѣ и союзѣ. Они обѣщались дѣлить съ ними будущую добычу, если половцы не будутъ мѣшать имъ выйти изъ горныхъ тѣснинъ. Половцы дались въ обманъ—они повѣрили татарамъ и покинули своихъ союзниковъ—кавказскихъ горцевъ. Татары одолѣли послѣднихъ и выбрались изъ горъ на сѣверную сторону Кавказа. Тутъ, на степныхъ равнинахъ, они развернули свою конницу и начали грабить и разорять половецкія вѣжи. Половцы такимъ образомъ получили достойную награду за свое вѣроломство.

Напрасно половцы пытались противиться; они постоянно терпѣли пораженія. Татары распространили ужасъ и разореніе до самаго «Половецкаго вала», отдѣлявшаго половецкія степи отъ русскихъ предѣловъ. Многіе знатнѣйшіе ханы погибли въ битвахъ съ ними. Старѣйшій изъ нихъ, Котянъ, оставшійся въ живыхъ, бѣжалъ съ нѣсколькими своими подручниками въ Галичъ къ зятю своему, извѣстному Мстиславу Удалому.

Это было въ 1223-мъ году.

Прибѣжавшіе половцы были въ смятеніи, возбуждены и разстроены. Прежней дерзости, прежняго ихъ нахальства и высокомѣрія и признаковъ не было. Тихіе, смиренные, съ поклонами и дарами, они обратились за помощію къ галицкому князю.

— «Помогите намъ»,—говорили они униженно Мстиславу и его боярамъ,—«помогите! Напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то же. Помогите намъ!»

— «Кто погубилъ васъ? Кто враги ваши?»—стали спрашивать бѣглецовъ.

Тѣ не знали, кто ихъ враги, и толковали только о своемъ несчастіи, о своемъ пораженіи.

— «Враги наши пришли со стороны Каспійскаго моря»,— говорили половцы,—«числомъ ихъ очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше. Лицомъ они смуглы, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначала по предгорію Кавказскому побѣдили ясовъ, обезовъ, косоговъ. Половцы стали было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ своимъ княземъ Юріемъ Кончаковичемъ, но не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны за луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ «Половецкій валъ» въ Русскую землю»...

Больше этого половцы ничего не могли сказать о своихъ врагахъ.

— «Да какъ же, по крайней мѣрѣ, зовутся ваши враги?»— спрашивали ихъ галицкіе бояре.

— «Зовутъ ихъ татарами»,—отвѣчали прибѣжавшіе половцы.

Русскіе въ первый разъ услышали это зловѣщее, роковое имя!

Мстиславъ Удалой рѣшился помочь горю,—рѣшился помочь половцамъ и избавить Русь отъ новыхъ враговъ. Онъ порѣшилъ созвать русскихъ князей на совѣтъ въ Кіевъ, и сообща предпринять необходимыя мѣры. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны. Въ Кіевъ стали съѣзжаться князья. Кромѣ Мстислава Удалого, на совѣтѣ были Мстиславъ Романовичъ кіевскій съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій, молодой Даніилъ Романовичъ волынскій, Мстиславъ Нѣмой волынскій, Олегъ курскій и многіе другіе.

Туда же прибыли и знатные половцы. Они употребляли всѣ средства, чтобы подвинуть русскихъ къ участію и защитѣ. Они обходили князей отъ одного къ другому, кланялись, просили и дарили имъ коней, верблюдовъ, буйволовъ, красавицъ-невольницъ. Одинъ изъ хановъ, Бастѣй, даже христіанскую вѣру принялъ, чтобы расположить къ себѣ русскихъ. Котянъ больше всего старался повліять на зятя своего Мстислава Удалого, который и безъ того готовъ уже былъ идти на невѣдомаго врага. Воинственный, неустрашимый, ни кѣмъ еще не побѣжденный, Удалой горѣлъ желаніемъ перевѣдаться съ храбрымъ и лютымъ врагомъ, грозившимъ бѣдою Русской землѣ.

Князья долго думали и толковали между собою.

— «Если мы не поможемъ половцамъ», — убѣждалъ ихъ

Мстиславъ Удалой,—«то они передадутся татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападутъ на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше».

Князья положили помочь половцамъ. Они рѣшились идти навстрѣчу врагамъ.

— «Лучше намъ ихъ встрѣтить»,—порѣшили наши князья,— «въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей».

Половцы обрадовались, узнавъ о такомъ рѣшеніи князей. Они надѣялись отомстить врагамъ за свое пораженіе.

Князья разъѣхались по своимъ волостямъ собирать войска. Всѣ рѣшились сойтись весною на условленныхъ мѣстахъ. Послали просить помощи у великаго князя суздальского Юрія Всеволодовича. Онъ не отказалъ и отправилъ на югъ суздальскую дружину съ племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ ростовскимъ. Посылали и къ рязанскимъ князьямъ, но тѣ почему-то не подали никакой помощи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ русскія войска стали собираться къ Зарубу. Это былъ небольшой городокъ на правомъ берегу Днѣпра. Войска шли со всѣхъ сторонъ. Одни шли пѣшкомъ, другіе на коняхъ, а третьи плыли на судахъ. Судовъ набралось столько, что воины переходили по нимъ, какъ по суху, съ одного берега рѣки на другой. Здѣсь собрались князья кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе и волынскіе. Всѣ были съ своими дружинами и «воями». Сюда прибывали ежедневно и половцы. Услышавъ о сборахъ къ новой войнѣ, они какъ будто изъ земли выростали. Они стекались со всѣхъ сторонъ. Бодрые, и на этотъ разъ веселые, они готовы были вновь помѣриться съ своими врагами.

Всѣ отправились въ путь. Союзники шли по правому берегу Днѣпра и шли не особенно быстро. Лѣто въ тотъ годъ было очень жаркое. Дождей совсѣмъ не было. Солнце палило. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать.

Между тѣмъ татары, прозимовавъ въ половецкихъ степяхъ, узнали о движеніи противъ нихъ русскихъ силъ. Они рѣшили поступить съ ними такъ же, какъ поступили съ половцами въ Кавказскихъ горахъ. Своими ловкими переговорами они хотѣли разъединить союзниковъ.

— «Слышали мы»,—говорили татарскіе послы, явившись къ нашимъ князьямъ,—«слышали мы, что вы идете на насъ; мы же земли вашей не занимали, городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на половцевъ, нашихъ холоповъ

и конюховъ. Возьмите съ нами миръ: у насъ нѣтъ съ вами рати. Слышали мы, что половцы и вамъ много зла творятъ. Мы ихъ бьемъ отсюда, а если они къ вамъ побѣгутъ, то бейте ихъ отъ себя и забирайте ихъ имущество».

Хитрость не удалась. Русскіе князья не только не хотѣли слушать льстивыхъ татарскихъ рѣчей, но, вопреки обычаю, приказали убить самихъ пословъ. Это они сдѣлали по наущенію половцевъ.

Русскіе шли дальше. У пороговъ днѣпровскихъ, на устьѣ рѣки Хортицы, къ нимъ присоединились галичане, приплывшіе снизу на тысячѣ ладьяхъ [1]). Теперь все союзное ополченіе простиралось до ста тысячъ человѣкъ. Оно состояло изъ цвѣта русскаго племени—изъ самыхъ лучшихъ ратниковъ.

У Олешья [2]) къ нашимъ явились новые татарскіе послы.

— «Видимъ»,—сказали они князьямъ,—«что вы слушаетесь половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ; идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ. Пусть разсудитъ насъ Богъ».

Этихъ пословъ князья отпустили цѣлыми и невредимыми.

Русскіе пошли дальше... Вдругъ разнеслась вѣсть, что татары недалеко, что они высматриваютъ русскихъ. Молодой князь Даніилъ Романовичъ не вытерпѣлъ: переправившись черезъ рѣку, онъ вскочилъ на коня и понесся впередъ. Ему хотѣлось поскорѣе посмотрѣть на невиданныхъ имъ враговъ. За нимъ поскакало еще нѣсколько молодыхъ князей.

Татары-соглядатаи, увидѣвъ толпу русскихъ всадниковъ, скрылись.

Это ввело въ заблужденіе нашу молодежь. Она вообразила, что татары не сильны, что они хуже даже половцевъ. Вернувшись въ свой станъ, они стали уговаривать старшихъ князей поскорѣе перебираться черезъ Днѣпръ.

— «Княже Мстиславе и другій Мстиславе»,—говорили молодые князья,—«не стойте! Пойдемъ противу имъ! Мы ихъ побьемъ»!

Мстиславъ Удалой первый перешелъ черезъ Днѣпръ. Съ нимъ было не больше тысячи человѣкъ. Онъ вошелъ въ половецкое поле и пошелъ впередъ. Увидавъ сторожевой непріятельскій полкъ, онъ напалъ на него, разбилъ и захватилъ множество скота. Татарскій воевода Гемябекъ спрятался-было въ одномъ могиль-

---

[1]) Галицкая пѣхота, сѣвши на ладьи, спустилась по Днѣстру въ море, а потомъ по Днѣпру поднялась вверхъ до р. Хортицы.

[2]) Олешье находилось противъ нынѣшняго Херсона.

номъ курганѣ, но былъ найденъ. Половцы выпросили его у Мстислава и убили.

Первый успѣхъ обрадовалъ и ободрилъ союзниковъ. Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ.

Удалой межъ тѣмъ все шелъ впередъ по степи. Ему хотѣлось поскорѣе сразиться съ главною непріятельскою ратью. Татары были въ виду у него. Они отступали передъ нимъ. Только сторожевые ихъ отряды затѣвали иногда мелкія сшибки. Наконецъ, на десятый день союзники дошли до рѣки Калки, впадающей въ Азовское море.

Желаніе Удалого должно было скоро исполниться; за Калкою стояла вся сила татаръ. Съ ними были еще какіе-то русскіе бродники съ воеводою своимъ Плоскиней.

Удалой не сталъ раздумывать долго. Не посовѣтовавшись съ другими князьями, онъ велѣлъ своему зятю Даніилу Романовичу перебраться черезъ рѣку съ своими волынцами. Вслѣдъ за нимъ переправился за Калку и самъ Мстиславъ съ своими галичанами и половцами. Онъ велѣлъ немедленно готовиться къ бою. Мстиславъ кіевскій и Мстиславъ черниговскій стояли между тѣмъ съ своими полками поодаль. Они ничего не знали о томъ, что битва скоро начнется. Самонадѣянный Удалой не далъ имъ знать объ этомъ. Онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и хотѣлъ всю ея славу присвоить одному себѣ.

Даніилъ первымъ началъ битву. Неустрашимый и отважный, онъ врѣзался въ толпы враговъ и сталъ ихъ поражать направо и налѣво. Онъ получилъ ударъ въ грудь, но не почувствовалъ раны и не видалъ, какъ изъ нея сочилась кровь. Престарѣлый Мстиславъ Нѣмой, двоюродный дядя Даніила, увидя его раненымъ и бьющимся, поспѣшилъ къ нему на помощь: онъ былъ друженъ съ его отцомъ и любилъ его, какъ сына. Нѣмой и Олегъ курскій крѣпко поражали враговъ. О самомъ Мстиславѣ Удаломъ и говорить нечего. Татары, закрывавшіеся плетеными изъ хвороста щитами, стали какъ будто подаваться назадъ... Побѣда казалась уже близка... Но вдругъ татары стремительно ударили на половцевъ, начавшихъ тоже съ ними биться. Половцы дрогнули, замѣшались. Татары съ крикомъ надвинулись крѣпче,—передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ. Еще напоръ, еще ударъ,—и половцы побѣжали, побѣжали нестройными толпами. Они побѣжали прямо на станы русскихъ князей, которые, ничего не зная, не успѣли еще приготовить свои полки къ бою. Половцы смяли ихъ. Никто не понималъ, что происходитъ. Никто не зналъ, что ему дѣлать,

куда идти. Отчаянные крики бѣгущихъ заглушали все. Половцы метались во всѣ стороны. Конные, пѣшіе, телѣги—все перемѣшалось. Татары напирали все сильнѣе и сильнѣе. Они стрѣляли неудержимо и безъ промаха. Устоять было нельзя. Храброму Даніилу не стало мочи. Мучимый жаждою, онъ поворотилъ коня къ рѣкѣ и припалъ напиться воды. Тутъ только онъ почувствовалъ свою рану. Тутъ онъ оглянулся и увидѣлъ, что все бѣжитъ во всѣ стороны. Даніилъ понялъ, что дѣло проиграно, что ничего не остается и ему кромѣ бѣгства. И онъ побѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и Мстиславъ Удалой, бѣжалъ въ первый разъ отъ враговъ съ поля битвы.

Татары погнались за бѣгущими, но не всѣ. Многіе изъ варваровъ, оставшись на Калкѣ, напали на тѣ наши войска и на тѣхъ князей, которые не принимали участія въ битвѣ. Это были кіевляне съ своимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ. Этотъ князь стоялъ въ то время станомъ съ подручными князьями на каменной горѣ, неподалеку отъ мѣста битвы. Увидѣвъ съ высоты бѣгство русскихъ князей, Мстиславъ не тронулся съ мѣста, не помогъ имъ. Онъ думалъ, видно, одними своими силами отбиться отъ враговъ. Онъ укрѣпилъ свой станъ валомъ, телѣгами и кольями. Три дня отбивался Мстиславъ отъ татаръ. Видя, наконецъ, что силою не возьмешь русскихъ, татары пустились на хитрость. Они вступили съ ними въ переговоры, обѣщаясь отпустить ихъ на выкупъ. Князь не вѣрилъ имъ. Тогда начальникъ бродниковъ, Плоскиня, сталъ увѣрять князя, сталъ говорить ему, что татары не лгутъ. Онъ поклялся князю и поцѣловалъ крестъ, что они не причинятъ вреда русскимъ, что они отпустятъ ихъ за выкупъ. Мстиславъ Романовичъ поддался обману, повѣрилъ негодяю и вышелъ съ своимъ войскомъ изъ укрѣпленія. И поплатились же русскіе за довѣрчивость своего вождя! Едва только они покинули свой укрѣпленный лагерь, какъ татары ударили на нихъ и произвели безпощадное избіеніе. Кіевлянъ было убито болѣе десяти тысячъ. Самого Мстислава Романовича и находившихся при немъ двухъ младшихъ князей варвары связали по рукамъ и ногамъ и положили на землю. Наваливъ на нихъ доски, они сѣли на доскахъ пировать. Варвары со смѣхомъ слушали, какъ подъ досками хрустѣли кости плѣнныхъ. И «тако ту скончаша князи животъ свой». Плѣнники были раздавлены!

Эта несчастная битва на Калкѣ произошла 16-го іюня 1224 г.

Татары, погнавшись за разбитыми союзниками, преслѣдовали ихъ нѣсколько дней. Сколько ихъ тутъ погибло—одному Богу извѣстно! Весь путь отъ Калки до самаго почти Днѣпра густо по-

крытъ былъ трупами нашихъ предковъ. Однихъ князей было убито семеро. Среди общаго бѣгства и половцы не щадили нашихъ — своихъ союзниковъ. Одного они убивали изъ-за коня, другого — изъ-за одежды. Василько ростовскій, посланный своимъ дядею Юріемъ Всеволодовичемъ на помощь южнымъ князьямъ, опоздалъ. Услыхавъ въ Черниговѣ о Калкскомъ разгромѣ, онъ повернулъ назадъ съ своимъ войскомъ. Суздальцы на этотъ разъ нисколько не пострадали. Вся тяжесть перваго нашествія татаръ на Русь обрушилась на одно южное и юго-западное ея населеніе. Прибѣжавъ къ Днѣпру, остатки нашего войска кое-какъ перебрались на другой его берегъ. Переправились туда же благополучно и главный виновникъ несчастія Мстиславъ Удалой, и Даніилъ Романовичъ съ Мстиславомъ Нѣмымъ. Удалой послѣ переправы велѣлъ изрубить и сжечь всѣ лодки. Этимъ онъ хотѣлъ затруднить переправу татаръ черезъ рѣку.

Но варвары и не думали переходить за Днѣпръ. Дошедши до Новгорода Святополческаго [1]), они повернули назадъ, въ половецкія степи. Жители селъ и городовъ, лежавшихъ на ихъ пути, выходили имъ навстрѣчу съ крестами и иконами. Они хотѣли этимъ умилостивить татаръ, но напрасно. Злодѣи никому не давали пощады: они всѣхъ убивали, все уничтожали и разграбляли. Погибло безчисленное множество народа. Вздохи, плачъ и вопль раздавались по всѣмъ городамъ и волостямъ. Изъ половецкихъ степей татары направились къ Волгѣ. Прошедши по Уральскимъ степямъ, они обогнули Каспійское море и воротились въ Азію къ своему повелителю Чингисхану.

Татары такъ же быстро скрылись изъ Восточной Европы, какъ быстро и появились въ ней. Никого изъ нихъ не осталось. Ничего не стало слышно о нихъ. Все стихло, все успокоилось.

Русскимъ сперва не вѣрилось, что они избавились отъ враговъ, что татаръ нѣтъ уже около нихъ. Убѣдившись же наконецъ, что враги скрылись куда-то, наши предки стали разсуждать и допытываться на счетъ недавнихъ своихъ злодѣевъ. Имъ хотѣлось знать, что это были за люди, откуда они пришли и куда ушли, какой языкъ у нихъ и какая вѣра. Всѣ спрашивали объ этомъ другъ друга—и никто вѣрнаго не могъ отвѣтить. Одни говорили, что это прежніе печенѣги, которые нападали на Русь при св. Владимірѣ. Другіе называли ихъ таурменами, безбожными моавитянами. Наконецъ, нѣкоторые книжники толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ

[1]) Новгородъ Святополческій находился на Днѣпрѣ, близъ Вятичева, верстахъ въ ста отъ Кіева.

пустыню и которые предъ концомъ міра должны явиться и покорить всѣ страны.

— «Нѣтъ»,—заключали благочестивые люди, выслушавъ ученыя рѣчи,—«нѣтъ, Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а наслалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія».

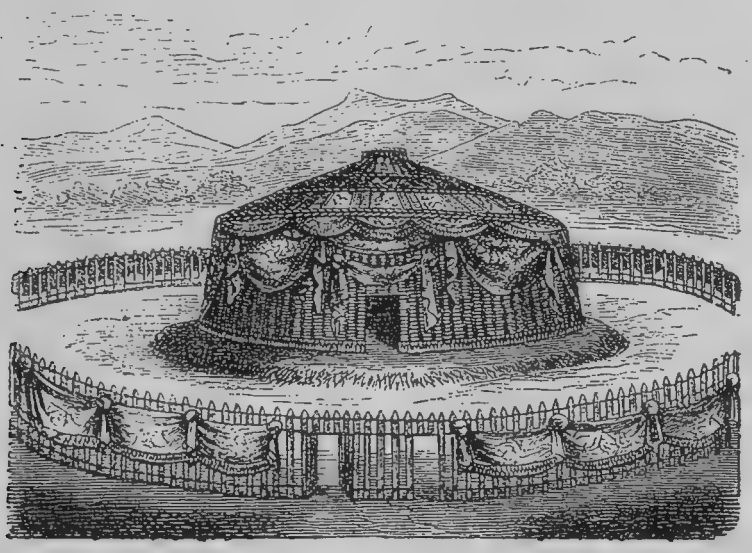
Нравы и обычаи татаръ.

Наши тогдашніе ученые и лѣтописцы, дѣйствительно, ничего не знали о варварахъ, разгромившихъ русскихъ на р. Калкѣ. Не знали про нихъ и западные европейцы. Никто тогда ничего не зналъ про нихъ. Впервые Европа узнала объ образѣ жизни татаръ по описаніямъ двухъ путешественниковъ. Путешественники эти были Плано Карпини и Рубруквисъ. Первый посѣтилъ татарскія земли въ 1245 году, а второй—въ 1253-мъ. Побывавъ у татаръ, они составили подробное описаніе образа жизни ихъ, занятій и привычекъ.

Судя по словамъ этихъ путешественниковъ, тогдашніе татары далеко были не похожи на нынѣшнихъ нашихъ татаръ. Тогдашніе татары были очень непривлекательны, невзрачны. Это были люди небольшого роста, коренастые, широкоплечіе, съ кривыми ногами. Лица у нихъ были широкія, плоскія, съ узенькими глазами, съ приплюснутымъ носомъ, выдающимися скулами и рѣдкой бородкой. Мужчины выстригали макушки, выбривали голову отъ одного уха до другого и подбривали на лбу. Оставшіеся напереди волосы отпускали до бровей, а позади отращивали ихъ, какъ женщины. Они заплетали ихъ въ косы и клали каждую за ухомъ.

Татары жили въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ. Въ каждой юртѣ было наверху отверстіе. Черезъ него проходилъ свѣтъ и дымъ; у нихъ огонь всегда разводился посрединѣ юрты. Двери ея были изъ войлока. У богатыхъ татаръ для каждой жены была отдѣльная юрта. У однихъ юрты были обширны, у другихъ малы. Онѣ были почти всегда грязны. Татары не особенно любили за ними ухаживать. Входившихъ въ татарскія жилища иностранцевъ поражалъ непріятный запахъ. Однѣ юрты легко разбирались, а другія, не разобранныя, ставились на телѣги (кибитка) и перевозились на другое мѣсто. Одинъ быкъ, два, три и больше, впрягались въ телѣгу, смотря по тяжести ея. Куда бы ни шли татары—на войну или не на войну,—они всегда все свое имущество имѣли при себѣ.

Живя въ грязныхъ юртахъ, татары не отличались роскошью и чистотою своей одежды. Мужчины и женщины носили платье одного покроя. Отличіе состояло только въ головномъ уборѣ. Мужчины носили войлочную шапку, которая имѣла небольшія поля, загнутыя спереди и съ боковъ, но опущенныя сзади. Женскій же головной уборъ представлялъ высокую, круглую корзину, которая къ верху постепенно расширялась и оканчивалась четыреугольникомъ съ воткнутымъ въ него металлическимъ прутикомъ или перомъ. Платья своего татары не любили перемѣнять; какъ бы оно ни было на нихъ сально и грязно, они не снимали его, пока оно не изнашивалось; не снимали его до новаго.



Юрта Чингисхана.

Татары занимались скотоводствомъ. У нихъ много было всякаго скота—верблюдовъ, лошадей, быковъ, овецъ и козъ. Свиней они не любили, и рѣдко кто ихъ разводилъ. Тѣмъ не менѣе эти варвары рѣдко употребляли въ пищу здоровый скотъ. Отъ чрезмѣрной скупости они большею частію ѣли хворую скотину, а то и просто падаль. Помимо лошадей, они ѣли собакъ, волковъ, лисицъ и т. п. По нуждѣ, они, говорятъ, не пренебрегали и человѣчьимъ мясомъ. Ѣли татары и жидкую кашу изъ проса. Куски мяса они рвали нечистыми руками и текшій изъ нихъ жиръ обтирали о платье или сапоги. Кто посильнѣе, тотъ хваталъ самые большіе и жирные куски. Старики и хилые подъѣдали уже то, что останется. Для приготовленія кушаній, они разводили огонь, пользуясь вмѣсто дровъ коровьимъ и конскимъ пометомъ. Пріобрѣтши эту привычку въ степяхъ, они не оставляли ее и въ мѣстахъ лѣсистыхъ. Кушанья, приготовленныя на такомъ огнѣ

считались у татаръ очень вкусными. Любимымъ напиткомъ ихъ было лошадиное молоко—кумысъ. Мужчины присматривали за стадами и дѣлали стрѣлы. Они охотились и упражнялись въ метаніи стрѣлъ. Они всѣ, отъ мала до велика, отличные стрѣлки, такъ какъ пріучаются къ стрѣльбѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Татарскія дѣти съ трехъ и двухъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ, учатся управлять лошадьми и скакать на нихъ. Имъ даютъ лукъ, соотвѣтствующій ихъ возрасту, и показываютъ, какъ надо стрѣлять. Они скоро научаются стрѣлять птицъ и крысъ. Татарскія дѣти очень ловки и смѣлы.

У татаръ было многоженство. Каждый имѣлъ столько женъ, сколько могъ содержать. У одного ихъ было больше, у другого меньше. Одинъ татаринъ имѣлъ десять женъ, другой—пятьдесятъ, третій—сто и больше. Татары брали себѣ въ жены дѣвицъ и женщинъ безъ всякаго различія, платя за нихъ очень дорого роднымъ. Они женились на самыхъ близкихъ родственницахъ. Исключеніе составляли только дочь, сестра отъ одной матери, мать, но не мачиха. Изъ многихъ женъ одна какая-нибудь всегда была главною, старшею. Несмотря на многоженство, женщины у татаръ пользовались почетомъ и уваженіемъ. Жены хана присутствовали при пріемѣ имъ иностранныхъ пословъ. Ханъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, а онѣ—по обѣ его стороны. За малолѣтствомъ хана или за смертью его, главная ханша управляла государствомъ. На татаркахъ лежало все хозяйство. Онѣ кормили дѣтей, приготовляли пищу, одежду, обувь. Онѣ нагружали телѣги и вьючили верблюдовъ. Онѣ вообще были очень быстры и неутомимы во всѣхъ своихъ трудахъ и работахъ. Татарки ѣздятъ верхомъ и скачутъ на лошадяхъ не хуже мужчинъ. Онѣ прекрасно стрѣляютъ изъ лука въ цѣль.

Татары очень почтительны и послушны своимъ властямъ. Они рѣдко говорятъ имъ неправду. Всякое распоряженіе, всякое приказаніе своего начальства они исполняютъ безъ разсужденій, безъ возраженій. Волненій между ними, возмущеній никогда не бываетъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ татары дружелюбны. Они не бранятся между собою, не ссорятся, не дерутся. Убійствъ и разврата между ними никогда почти не бываетъ. Воры и грабители у нихъ не встрѣчаются. Юрты ихъ днемъ и ночью отперты. Телѣгъ, нагруженныхъ ихъ добромъ, никто не тронетъ. Если потеряются животныя,—нашедшій ихъ возвращаетъ хозяину безъ всякаго вознагражденія. Татары уважаютъ другъ друга и, чѣмъ можно, помогаютъ одинъ другому. Нуждающійся всегда найдетъ помощь

у своего сосѣда. Они очень выносливы. Голодая цѣлый день или два, они не становятся отъ того мрачными, но поютъ и играютъ, какъ будто сытые. Сильный голодъ и сильный жаръ они переносятъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ.

Но такими татары были только между собою—по отношенію другъ къ другу. Въ отношеніи же къ чужимъ—это были самые несносные люди. Они были необыкновенно горды и высокомѣрны. Они презирали всѣхъ—и знатныхъ и незнатныхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ. «Мы видѣли при дворѣ татарскаго властителя»,—говоритъ Плано Карпини,—«благороднаго мужа Ярослава, великаго князя русскаго, сына царя и царицы Грузіи, многихъ знатныхъ султановъ, князя солангговъ. Никто изъ нихъ не получалъ почета, и татары, сопровождавшіе ихъ, хотя были изъ незнатныхъ, шли впереди, и занимали всегда лучшее и первое мѣсто, а имъ нужно было всегда садиться сзади». Въ завоеванной странѣ каждый татаринъ считалъ себя господиномъ. Онъ занималъ тамъ лучшій домъ и бралъ, что хотѣлъ. Взятаго онъ никогда не возвращалъ. Противиться насильнику не безопасно: придутъ, по его просьбѣ, другіе татары, и разорятъ несчастнаго въ пухъ и прахъ. Татары очень жадны и скупы; они любятъ брать, но не давать. Они вообще злобно смотрятъ на другихъ и по природѣ склонны къ гнѣву. Они лживѣе всѣхъ людей; у нихъ нельзя почти найти правды: сначала они льстятъ, а потомъ жалятъ, какъ скорпіоны. Лицемѣры и обманщики, они готовы всѣхъ надувать. Если другимъ желаютъ сдѣлать зло, — намѣреніе свое тщательно скрываютъ; они боятся, чтобы не провѣдали про него и не приняли мѣръ. Убить человѣка чужой народности татарамъ ничего не стоитъ.

Дозволяя все по отношенію къ чужимъ, татарскіе законы были очень строги къ своимъ. Они за всякое преступленіе наказываютъ, карающъ. Уличенные въ развратѣ мужчины и женщины наказывались смертію. Грабитель или воръ казнился безъ милосердія. За выдачу намѣренія, особенно когда собираются на войну, виновный получаетъ сто сильныхъ ударовъ палкою. Если кто-либо изъ меньшихъ совершитъ какой-либо проступокъ, то старшіе не щадятъ его, а сильно наказываютъ ударами палки. Въ случаѣ возмущенія подвергались избіенію не только виновники его, но и всѣ родственники ихъ, весь родъ.

Татары вѣрили въ одного Бога, творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастія и бѣдствій. Но они не молились ему и не чествовали его. Они обожали солнце, луну, воду и землю, и приносили имъ въ жертву часть своей пищи и питья. Татары поклонялись идоламъ и огню. Идолы у нихъ были не изображе-

ніями божества, а самимъ божествомъ. Они дѣлались изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей. У бѣдныхъ они были изъ войлока, у богатыхъ—изъ шелковыхъ тканей. Идолы ставились большею частію по обѣимъ сторонамъ двери юрты. Огонь у нихъ пользовался большимъ значеніемъ и уваженіемъ. Они думали, что огонь все очищаетъ. Всѣ являвшіеся къ хану на поклонъ должны были поэтому напередъ пройти между двумя горящими кострами. Не только втыкать ножъ въ огонь, но и прикасаться ножомъ или рубить топоромъ около огня считалось большимъ грѣхомъ. Татары боготворили умершихъ своихъ хановъ; изображеніямъ ихъ они приносили жертвы и творили поклоны, смотря на югъ. Они вѣрили въ будущую жизнь. Имѣя о ней самыя грубыя понятія, они думали, что и за гробомъ будутъ жить такъ же, какъ здѣсь—на землѣ. Поэтому знатнаго человѣка погребали съ его шатромъ, и ставили передъ нимъ чашу съ мясомъ и горшокъ съ кумысомъ. Они зарывали съ нимъ кобылу съ жеребенкомъ, коня съ уздою и сѣдломъ, серебряныя и золотыя вещи. При погребеніи одну лошадь съѣдали, а шкуру ея, набивъ соломой, развѣшивали на шестахъ надъ могилой. Иногда погребали съ покойникомъ и любимѣйшаго его слугу. Послѣ погребенія покойника, родственники умершаго и все его имущество очищались огнемъ. Это дѣлалось такъ: раскладывали два костра и подлѣ нихъ ставили два копья, соединенныя на верху веревкой съ привѣшенными къ ней полотняными лоскутами. Подъ этой веревкой проводили людей, скотъ и проносили самыя юрты. Въ это время двѣ колдуньи, стоя съ двухъ сторонъ, прыскали на нихъ водой и произносили какія-то заклятія. Вообще татары были очень суевѣрны. Колдовство и ворожба по крику и полету птицъ и особенно по бараньимъ лопаткамъ были между ними чрезвычайно распространены. Они строго запрещали прикасаться плетью къ стрѣламъ, бить лошадь уздою, выливать на землю молоко и т. п. Наступать на порогъ юрты—считалось большимъ преступленіемъ. Осмѣлившагося наступать на порогъ ставки воеводы—убивали безъ милосердія.

Всѣми религіозными дѣлами у татаръ заправляли шаманы. Они приносили общественныя жертвы. Они колдовали и предсказывали будущее. Но шаманы и татары отличались большою вѣротерпимостью. У нихъ жили языческіе жрецы, мусульманскіе муллы и христіанскіе проповѣдники. Христіане, жившіе среди татаръ, пользовались во всемъ полною свободою. Ханъ Гаюкъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священниковъ и давалъ имъ содержаніе. Предъ большою его палаткою находилась христіанская часовня, въ которой открыто и публично совершалось богослуженіе по пра-

вославному обряду. Въ самомъ семействѣ хана встрѣчались христіане.

У татаръ всѣ мужчины были воины. Чингисханъ далъ имъ строгое военное устройство. Они дѣлились на десятки, сотни и т. д. Надъ каждымъ десяткомъ человѣкъ былъ свой начальникъ—десятникъ. Надъ десятью десятками начальствовалъ сотникъ; надъ десятью сотниками—тысячникъ. Десять тысячъ человѣкъ составляли самый большой отрядъ войска подъ названіемъ «тумана». Надъ нимъ начальствовалъ «темникъ». Сторожевые отряды назывались караулами. Дисциплина была необыкновенно строгая. Бѣглецы съ поля битвы предавались смерти. Бѣгство съ поля битвы извинялось только всему войску. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные вяло, то послѣднихъ убивали. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько попали въ плѣнъ, то товарищи, не освободившіе ихъ, также предавались смерти.

Каждый татаринъ имѣлъ лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки. Послѣдними, въ случаѣ нужды, тащились осадныя машины. Богатые, помимо того, имѣли сабли, копья, брони, шлемы. Брони для себя и лошадей дѣлались большею частію изъ кожи. Щиты были хворостинные и тоже обтянутые кожею.

Татаринъ въ полномъ вооруженіи.

Вступая въ непріятельскую землю, татары посылали передовые легкіе отряды. Они не грабили, не жгли и скота не трогали, а только ранили и убивали людей. Если это имъ не удавалось, они обращались въ бѣгство, стараясь заманить непріятеля къ засадѣ. Если эта хитрость имъ удается,—если непріятель попадетъ въ засаду,—его окружаютъ со всѣхъ сторонъ и поражаютъ. За передовымъ отрядомъ шло уже главное войско. Это, наоборотъ, все грабило, жгло, а людей убивало или забирало въ плѣнъ. Татары стремительно, съ крикомъ и воплемъ, бросались на непріятелей. Они съ такою силою и искусствомъ дѣйствовали изъ лука, что длинныя стрѣлы ихъ съ желѣзнымъ наконечникомъ всегда почти пронизывали самые твердые панцыри. Если при этомъ встрѣчали мужественный отпоръ, то обращались въ притворное бѣгство. Замѣтивъ, что непріятель, преслѣдуя ихъ, разстроилъ свой боевой порядокъ, они ловко повертывали своихъ коней и вновь дѣлали дружный натискъ, по возможности, съ раз-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ныхъ сторонъ. Рукопашнаго боя татары не любили. Переранивъ и перебивъ сначала, какъ можно больше, лошадей и людей, они уже потомъ, увѣренные въ побѣдѣ, вступали съ непріятелемъ въ рукопашную схватку. Чтобы показать, что у нихъ много воиновъ, они иногда сажали человѣческія чучела на лошадей. На татарскихъ знаменахъ развѣвались хвосты коней и дикихъ буйволовъ. Эти знамена находились при начальникахъ войска, при воеводахъ. Эти послѣдніе не любили рисковать своею жизнью. Они сами не вступали въ сраженіе, но стояли вдали отъ непріятеля на какомъ-нибудь возвышеніи. Оттуда, окруженные своими слугами, дѣтьми и женами, они и управляли боемъ. Всѣ близкіе, всѣ приближенные воеводъ, были, конечно, на коняхъ.

Татары на своихъ степныхъ, малорослыхъ, но крѣпкихъ коняхъ совершали военные походы необыкновенно быстро. Они совершали переходы безъ отдыховъ почти, безъ остановокъ. Имѣя при себѣ по нѣскольку запасныхъ коней, они пересаживались на нихъ по мѣрѣ надобности. Непріятели ихъ часто поражались появленіемъ варваровъ въ то время, когда считали ихъ отъ себя еще очень далеко.

Татаръ при походахъ не задерживали большія рѣки. Они переправлялись черезъ нихъ при помощи лошадиныхъ хвостовъ. Это дѣлалось у нихъ такъ. Набивъ кожаные мѣшки платьемъ и вообще чѣмъ-нибудь легкимъ, они ихъ завязывали, и крѣпко-накрѣпко привязывали одинъ къ другому. Образовывался своего рода плотъ. Посрединѣ его кладутъ сѣдла и другія твердыя вещи. Посрединѣ же садятся и люди. Приготовленное такимъ образомъ судно привязывается къ хвосту лошади. На послѣднюю садится человѣкъ, управляющій ею. И судно съ татарами и ихъ пожитками переправляется на другой берегъ рѣки.

Въ непріятельской землѣ татары иногда дѣйствовали облавой. Къ ней они были привычны; ханскія охоты на дикихъ звѣрей производились всегда при помощи облавы. Татарскія полчища раздѣлялись на части, шли въ обхватъ и потомъ собирались къ заранѣе назначенному главному пункту. На пути они грабили, все сжигали, а жителей забирали въ плѣнъ.

Варвары-степняки умѣли, наконецъ, брать и укрѣпленные города. Этому они научились во время войнъ съ китайцами и ховарезмейцами. Осажденный городъ они обыкновенно окружали земляномъ валомъ. Если неподалеку былъ лѣсъ, то огораживали его тыномъ. Работа эта, подъ татарскимъ наблюденіемъ, всегда производилась плѣнными. Городъ лишался возможности сообщаться съ окрестностями. Затѣмъ ставились стѣнобитныя машины. Начи-

налась бомбардировка осажденнаго города. Большіе камни, бревна и зажигательныя вещества летѣли въ него изъ этихъ машинъ. Въ городѣ—пожаръ и смятеніе. Осыпая защитниковъ его тучею стрѣлъ, варвары приставляли лѣстницы и лѣзли на стѣны. Чтобы утомить защитниковъ города, они вели приступы безпрерывно днемъ и ночью; свѣжіе отряды у нихъ постоянно чередовались другъ съ другомъ. Взятый такимъ образомъ городъ подвергался полному разграбленію. Пощаду давали татары только разнымъ мастеровымъ, какъ людямъ для нихъ очень нужнымъ, а остальныхъ городскихъ жителей всѣхъ убивали. Сотники иногда раздавали плѣнныхъ своимъ людямъ по десяти человѣкъ на каждаго, и тѣ рубили несчастныхъ топорами или разстрѣливали стрѣлами. Безжалостны они были особенно къ знатнымъ; ни имъ, ни имѣнію ихъ никогда не давалось пощады.

Вообще татары, разгромившіе насъ на р. Калкѣ, были варвары въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Это, по словамъ одного персидскаго историка XIII вѣка, были люди, «имѣвшіе мужество львиное, терпѣнье собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи».

Что могли противопоставить этимъ азіатскимъ варварамъ наши предки первой половины XIII-го столѣтія? Могли ли они устоять противъ ихъ нападенія?

Вооруженіе нашихъ предковъ было лучше татарскаго. Наши дружины и «вои» не уступали татарамъ въ беззавѣтной своей храбрости. Но дружина у насъ была не многочисленна, а земская рать недостаточно знакома съ военнымъ искусствомъ. Взятая большею частію изъ-за плуга, изъ-за сохи и бороны, она не умѣла даже, какъ надо, владѣть своимъ оружіемъ. И это еще не все. Главное несчастье заключалось въ томъ, что у нашихъ предковъ не доставало единодушія, не было того единства въ военныхъ дѣйствіяхъ, которымъ были такъ сильны и страшны татары. Наши князья, защищая свои владѣнія отъ азіатскихъ варваровъ, дѣйствовали большею частію не сообща, а по-одиночкѣ. Князья при общемъ бѣдствіи не помогали другъ другу. Эта рознь и была не послѣднею причиною нашего порабощенія татарами.

Покореніе Руси татарами.

Послѣ Калкскаго пораженія, русскіе скоро успокоились. Узнавъ, что варвары, не дошедъ до Кіева, вернулись назадъ и

неизвѣстно куда скрылись, они начали хоронить убитыхъ и возстанавливать свои села и города. Князья принялись за прежнія свои ссоры и раздоры. Калкская битва ничему не научила ихъ. Никто—ни одинъ изъ нихъ—ничего не предпринималъ для защиты Руси на случай новаго появленія татарскихъ полчищъ. Они забыли про нихъ и занялись старыми дрязгами. Опять начались распри и междоусобія изъ-за волостей и особенно изъ-за Кіева и Галича. Опять стали вмѣшиваться въ эти ссоры поляки и венгры... Все пошло по старому. Новостью были только разныя бѣдствія, постигавшія тогдашнихъ нашихъ предковъ, да непонимаемыя ими необычайныя явленія природы. То сильные дожди, то засуха производили недороды хлѣба. Отъ засухи лѣса и болота воспламенялись. Густыя облака дыма закрывали солнце. Гарью былъ пропитанъ воздухъ. Птицы мертвыми падали на землю. Въ 1230-мъ году въ Новгородѣ былъ сильный голодъ и моръ. Четверть ржи стоила дороже гривны серебра. Люди ѣли липовую кору, мохъ, собакъ, кошекъ, мышей. Нѣсколько десятковъ тысячъ людей погибло отъ голода и болѣзней. На улицахъ, на площади, на мосту голодныя собаки терзали непогребенныя тѣла. Кто могъ, бѣжалъ въ другія области. Но и тамъ было не много лучше. Въ одномъ Смоленскѣ, тогда очень многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Въ томъ же 1230 году прошло землетрясеніе по всей Русской землѣ. Особенно оно сильно было въ Кіевѣ и южномъ Переяславлѣ. Третьяго мая въ Кіево-Печерской лаврѣ праздновалась память преподобнаго Ѳеодосія. Во время самой обѣдни, на которой присутствовали митрополитъ, великій князь, бояре и множество кіевлянъ, вдругъ всѣ почувствовали сильный подземный ударъ. Храмъ далъ большія трещины. Каменная трапезница разсѣлась. Кирпичи, попадавшіе изъ свода на столъ, уничтожили кушанья и напитки, приготовленные для монаховъ и гостей. Въ Переяславлѣ соборный храмъ св. Михаила разсѣлся на двѣ стороны. Часть храмового верха упала и попортила иконы и паникадила.

Десять дней спустя, произошло солнечное затменіе. Небывалыя разноцвѣтныя облака пробѣгали по небу. Показалось какое-то огненное облако... Народъ пришелъ въ ужасъ. Многіе плакали, молились, каялись въ грѣхахъ и просили другъ у друга прощенія. Многіе ждали смерти и прощались. Одни со дня на день стали ожидать свѣтопреставленія, а другіе—появленія антихриста.

Но не антихристъ, а прежніе злодѣи вновь появились на границахъ Русской земли. Это были татары. И теперь они надвигались на нее въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ прежде.

У Чингисхана было четыре сына—Джучи, Джаготай, Оготай и Тулуй. Раздавая имъ земли во владѣніе, онъ отдалъ старшему своему сыну всю страну на сѣверъ и западъ отъ Каспійскаго моря. Страна эта еще была не покорена татарами. Джебе и Субудай въ 1224 году только что начали было ее завоевывать. Джучи долженъ былъ покорить ее, но онъ за смертью не успѣлъ этого сдѣлать. Въ 1227-мъ году умеръ и самъ Чингисханъ. Тогда преемникъ его Оготай (Угедей) далъ Батыю, сыну Джучіеву, 300.000 татаръ и послалъ его завоевывать Восточную Европу. Въ руководители молодому своему племяннику онъ назначилъ уже извѣстнаго намъ Субудая Богадура и опытнаго воеводу Бурундая. Въ этомъ походѣ участвовали и Гаюкъ, сынъ самого Оготая, и Мангу, сынъ Тулуя. Оба они потомъ были великими ханами.

Собравшись у верховьевъ Иртыша, татарское полчище пошло на западъ. Оно шло по кочевьямъ разныхъ турецкихъ ордъ. Разрушая все направо и налѣво, татары забирали въ плѣнъ десятки тысячъ народа. Полчище ихъ все увеличивалось и увеличивалось. За р. Яикъ, или Уралъ, варвары перешли уже болѣе, чѣмъ въ полумилліонномъ числѣ ратниковъ. «Земля стонала отъ множества татарскихъ воиновъ; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы».

Этотъ походъ, дѣйствительно, не былъ похожъ на прежній, который закончился битвою на р. Калкѣ. Это уже не была прежняя отборная конница. Теперь медленно двигалась огромная орда съ своими семьями, стадами и кибитками. Это былъ не военный походъ, а переселеніе народа изъ одной страны въ другую. Орда постоянно перекочевывала. Она останавливалась тамъ, гдѣ находила достаточныя пастбища для своего скота.

Въ 1232-мъ году татары подошли къ берегамъ нижней Волги. Прокочевавъ въ тамошнихъ степяхъ болѣе трехъ лѣтъ, Батый въ 1236-мъ году поднялся вверхъ. Онъ напалъ на болгаръ и разгромилъ ихъ. Городъ «Великіе Болгары» былъ разрушенъ до основанія. Болгары частію были убиты, частію взяты въ плѣнъ. Немногимъ, впрочемъ, удалось спастись отъ истребленія и плѣна. Они прибѣжали къ русскому великому князю Юрію II-му Всеволодовичу и просили его дать имъ мѣсто для поселенія. Юрій обрадовался и разселилъ ихъ по своимъ городамъ.

Юрій Всеволодовичъ не придалъ этому особеннаго значенія. Онъ радъ былъ, что татары перебили болгаръ, которые иногда нападали на восточныя границы суздальскаго княжества. Великій князь ничего не предпринялъ для защиты русскихъ владѣній отъ татарскихъ полчищъ. Онъ думалъ, что варвары останутся въ

заволжскихъ степяхъ и не пойдутъ въ Русь... И Юрій II-й жестоко ошибся.

Въ началѣ зимы 1237 года татары появились въ южныхъ областяхъ рязанскаго княжества. Они расположились станомъ на берегахъ какой-то рѣки Онузы. Отсюда Батый послалъ къ рязанскимъ князьямъ «жену чародѣйку» и съ нею двухъ мужей. Они должны были требовать у нихъ покорности хану и дани.

— «Нашъ царь Батый велитъ тебѣ покориться»,—сказали они рязанскому князю, Юрію Игоревичу.—«Не покоришься, погибнешь, потому что у насъ рать несмѣтная. А покоришься,—Батый приметъ тебя съ любовію. Ты же дай ему дань: десятину (десятую часть) отъ князей и отъ простыхъ людей, десятину отъ коней бѣлыхъ и вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ».

Юрій Игоревичъ поспѣшилъ созвать на совѣтъ своихъ родичей—удѣльныхъ князей рязанскихъ, пронскихъ и муромскихъ. Потолковавъ между собою, они отказали татарамъ въ дерзостномъ ихъ требованіи. Они рѣшили защищаться до послѣдней капли крови.

— «Когда насъ никого не останется въ живыхъ»,—благородно отвѣтили князья посламъ Батыя,—«то все будетъ ваше».

Изъ Рязани татарскіе послы отправились во Владиміръ съ тѣми же требованіями. И тамошній князь на предложеніе ихъ: «мирись съ нами,» отвѣчалъ: «брань славная лучше мира постыднаго».

Рязанскіе князья, не надѣясь одними своими силами справиться съ врагами, отправили пословъ за помощью въ Черниговъ и Владиміръ. Они собрали свои дружины, земскую рать и пошли на встрѣчу татарамъ, къ Воронежу. Въ ожиданіи помощи, ополченіе шло медленно и избѣгало битвъ. Съ дороги князья попробовали было вступить въ переговоры съ врагами. Юрій послалъ къ Батыю единственнаго своего сына Ѳеодора съ большими дарами и съ мольбою не воевать рязанской земли. Батый принялъ дары ласково и потребовалъ у Ѳеодора супруги его, прекрасной Евпраксіи. Князь съ негодованіемъ отвернулся отъ Батыя. Ѳеодоръ тотчасъ же былъ убитъ. Тѣло его было брошено собакамъ. Узнавъ о гибели любимаго своего мужа, княгиня Евпраксія не захотѣла пережить его и покончила самоубійствомъ; вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ она бросилась съ высокаго терема и убилась до смерти.

Помощь ниоткуда не являлась. Князья черниговскіе не прислали ее потому, что рязанцы не были на Калкѣ, хотя ихъ въ ту пору просили тоже о помощи. Черниговцы, вѣроятно, думали, что татары далеко отъ нихъ и что они врядъ ли когда доберутся

до нихъ. Юрій же Всеволодовичъ потому не присылалъ помощи рязанцамъ, что хотѣлъ «особь брань сотворити». Что было тутъ дѣлать?... И рязанскіе князья, не имѣя возможности бороться съ татарами въ открытомъ полѣ, повернули назадъ и стали укрываться за укрѣпленіями своихъ городовъ.

Татары пошли за ними. Они вошли въ рязанскую землю и стали, по обычаю, все грабить, жечь и избивать. Пронскъ, Бѣлгородъ, Изяславль, Борисоглѣбскъ были разорены ими до основанія. Кромѣ Пронска имена другихъ городовъ уже не упоминаются потомъ въ нашей исторіи.

Шестнадцатаго декабря татары подошли къ самому городу Рязани. Они обступили его и окружили тыномъ, или острогомъ. За послѣднимъ варвары скрывались отъ русскихъ стрѣлъ. Князья затворились. Началась осада города. Она продолжалась пять дней. Дружина и граждане оборонялись отчаянно; они все время, не смѣняясь, стояли на стѣнахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Падало множество, но никто и не думалъ о сдачѣ. На шестой день начался общій приступъ. Татары бросали огонь на крыши домовъ и громили городскія стѣны бревнами изъ своихъ стѣнобитныхъ орудій. Двадцать перваго декабря варвары пробили стѣны и ворвались въ городъ. Рязань была разграблена и запалена. Жители всѣ перебиты: одни разстрѣляны стрѣлами, другіе посѣчены мечами и потоплены въ рѣкѣ. Женщины преданы поруганію, дѣти брошены въ огонь. Въ городѣ никого не осталось въ живыхъ. Некому было скорбѣть о погибшихъ, некому было стонать и плакать; всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. На мѣстѣ Рязани и окрестныхъ монастырей валялись только непогребенные трупы людей да груды развалинъ и пепла.

Татары, не останавливаясь, пошли впередъ, пошли въ суздальскую землю. Уже они выходили изъ рязанской области, какъ на задніе ихъ ряды напали русскіе. Это, по преданію, были ратники рязанскаго боярина Евпатія Коловрата. Евпатій былъ въ Черниговѣ, когда варвары громили рязанскую землю. Услыхавъ объ этомъ, онъ поспѣшилъ на помощь къ своимъ землякамъ, но опоздалъ; онъ нашелъ свою родину совершенно опустошенною. Собравъ кое-какъ 1700 человѣкъ, которыхъ «Богъ соблюде», Евпатій погнался за татарами, настигъ ихъ и неожиданнымъ нападеніемъ смялъ ихъ задніе ряды. Татары всполошились. Нѣкоторымъ изъ нихъ почудилось, будто мертвые рязанцы возстали и напали на нихъ.

— «Кто вы такіе?»—спросилъ Батый взятыхъ въ плѣнъ.

— «Мы слуги князя рязанскаго»,—отвѣчали они:—«полку

Евпатіева. Намъ велѣно съ честью проводить тебя, какъ русскіе провожаютъ отъ себя иноплеменниковъ,—стрѣлами и копьями!»

Не мало труда стоило татарамъ управиться съ Евпатіемъ и его ратниками. Онъ былъ настоящій богатырь. Высокій ростомъ, страшный силачъ, Евпатій тяжелымъ своимъ мечомъ много избилъ враговъ: однихъ онъ перерубилъ пополамъ, другихъ разсѣкалъ вдоль до самаго сѣдла. Не одна тысяча татаръ побита была имъ и его ратниками. Удальцы въ концѣ концовъ все же погибли. Уцѣлѣли только немногіе, попавшіе въ плѣнъ. Но Батый, уважая ихъ рѣдкое мужество, отпустилъ ихъ на свободу [1]).

---

[1]) Этотъ герой Евпатій Коловратъ воспѣтъ въ стихахъ поэта Языкова. Вотъ эти стихи:

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?—
Въ рязанскія стѣны вломились татары;
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь,
Но все побѣдили Батыевы рати:
Нашъ градъ—пепелище, и князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ обхватило,
Какъ башня, спрямилось,—какъ буря, завыло;
На стогнахъ [1]) смертельный свирѣпствовалъ бой,
И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
Въ дыму заглушали звенящій булатъ.
Все пало... и небо стерпѣло весь адъ!»
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана:
То грозная рать побѣдителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой,
Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ
Иль, вздрогнувъ, безмолвный подниметъ свой щитъ,
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
«На битву, на битву!»—взываютъ татары.
Откуда-жь свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительный мести.

---

[1]) Стогна—площадь.

Узнавъ о судьбѣ рязанскаго княжества, Юрій Всеволодовичъ увидѣлъ, что сдѣлалъ большую ошибку, не оказавши помощи рязанцамъ. Онъ наконецъ рѣшился послать войско навстрѣчу татарамъ. Онъ отправилъ его съ сыномъ своимъ Всеволодомъ къ Коломнѣ. Произошло сраженіе. Великокняжеское войско было разбито. Татары взяли Коломну и зажгли ее. Жители были ограблены и перебиты. Но Всеволодъ Юрьевичъ уцѣлѣлъ; онъ убѣжалъ въ свой Владиміръ.

Изъ Коломны варвары двинулись къ Москвѣ. Это въ ту пору былъ еще маленькій городъ. Москвичи не могли долго защищаться. Батый легко взялъ Москву и сжегъ ее. Захвативъ въ плѣнъ князя Владиміра, сына Юрія Всеволодовича, онъ всѣхъ москвичей истребилъ.

Татары повернули къ Владиміру. Юрій Всеволодовичъ страшно испугался. И не мудрено; у него почти не было войска. Что было тутъ дѣлать? Великій князь рѣшился отправиться на Волгу для сбора ратниковъ. Онъ разсчитывалъ, что скоро вернется назадъ съ большимъ войскомъ. Онъ думалъ, что Владиміръ за своими крѣпкими стѣнами устоитъ во всякомъ случаѣ до его прибытія. Великій князь такъ и сдѣлалъ. Поручивъ защиту своей столицы молодымъ своимъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу, самъ Юрій съ небольшой дружиною отправился въ ярославскую область. На дорогѣ къ нему присоединились съ своими дружинами три племянника Константиновичи. Это были ростовскіе удѣльные князья. Собирая по пути ратниковъ, Юрій подошелъ къ рѣкѣ Сити, впадающей въ Мологу. Тутъ онъ остановился и сталъ поджидать

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя внезапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана;
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ,
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,
Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;
Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ..
И пало геройство подъ силой Батыя.
Рѣдѣетъ ночного тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій:
Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ [1]),
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы—Евпатій!

---

[1]) Латы—желѣзная или стальная броня, покрывающая станъ, руки и ноги воиновъ.

своихъ братьевъ, Святослава юрьевскаго и Ярослава новгородскаго. Они должны были придти къ нему съ большимъ войскомъ.

Между тѣмъ татары 3-го февраля явились подъ Владиміромъ. Они окружили его со всѣхъ сторонъ и потребовали сдачи города. Владимірцы отказали.

— «Чада!»—увѣщавалъ народъ епископъ Митрофанъ,—«не убоимся смерти, не пріимемъ себѣ во умѣ сего тлѣннаго, скоро минующаго житья, но о томъ нескоро минующемъ житьѣ попечемся, еже ангелы жити. Поручникъ я вамъ, еже и градъ нашъ копіемъ возьмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога».

Владимірцы рѣшили защищаться до послѣдней капли крови.

Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ.

— «Великій князь Юрій въ городѣ ли?»—закричалъ одинъ изъ нихъ.

Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили въ нихъ нѣсколько стрѣлъ.

— «Не стрѣляйте!»—закричали татары.—«Посмотрите, кто съ нами».

Въ толпѣ ихъ владимірцы увидѣли человѣка, одѣтаго по-русски. Вглядѣвшись, они узнали въ немъ князя Владиміра Юрьевича, попавшаго въ плѣнъ татарамъ въ Москвѣ. Онъ похудѣлъ и страшно былъ блѣденъ. Князь едва держался на ногахъ; его поддерживали. Всеволодъ и Мстиславъ, увидавъ брата въ такомъ положеніи, залились слезами.

— «Ударимъ»,—сказалъ Мстиславъ Юрьевичъ Всеволоду и дружинѣ,—«лучше умереть за Святую Богородицу и правую вѣру, чѣмъ быть въ плѣну у поганыхъ. Ударимъ на нихъ, и выручимъ Владиміра».

Всеволодъ согласился, но воевода Петръ Ослядюковичъ остановилъ ихъ.

— «Посмотрите»,—сказалъ онъ,—«какая сила у татаръ. За стѣнами мы, можетъ быть, еще отсидимся, а въ чистомъ полѣ они насъ задавятъ».

Но скоро владимірцы увидѣли, что и за стѣнами имъ будетъ трудно отсидѣться. Татары обложили городъ и на виду у жителей стали готовиться къ приступу. Сила ихъ все увеличивалась. Къ нимъ присоединились здѣсь и тѣ варвары, которые только что покончили съ Суздалемъ.

Приготовленія къ приступу кончились. Татары поставили лѣса и пороки [1]) и огородили весь городъ тыномъ. Владимірцы

[1]) Пороки—стѣнобитныя машины.

увидѣли, что имъ не отстоять своего города, что имъ не спастись отъ татаръ. Многіе стали приготовляться къ смерти.

—«Отче святый»,—сказалъ Всеволодъ епископу Митрофану,—«мы желаемъ съ братомъ причаститься святыхъ Таинъ и принять ангельскій образъ, постриженіе и схиму».

— «Да благословитъ васъ Господь и сподобитъ св. Таинъ»,—отвѣчалъ епископъ,—«а постриженіемъ и схимою не помедлить-ли? Велики обѣты схимника. Онъ все равно, что мертвый для міра».

— «Скоро мы и будемъ мертвые.»

Причастивъ ихъ 6-го февраля, Митрофанъ совершилъ надъ ними обрядъ постриженія. Примѣру князей послѣдовали многіе бояре.

Утромъ слѣдующаго дня начался рѣшительный приступъ. Татары ломали городскія стѣны, бросали на дома огонь и жиръ убитыхъ людей. Владимірцы упорно защищали проломы. Они поражали враговъ стрѣлами, бревнами, обливали ихъ варомъ и смолой. Но когда городъ запылалъ въ разныхъ мѣстахъ, нѣкоторые изъ владимірцевъ отошли отъ стѣнъ и побѣжали тушить пожаръ. Татары воспользовались этимъ и ворвались въ Новый или внѣшній городъ. Князья, бояре и народъ побѣжали въ Печорный городъ, т. е. въ Кремль. Великая княгиня съ дочерьми, снохами и внучатами и многія боярыни заперлись въ церкви Пресвятой Богородицы на полатяхъ [1]). Въ этомъ же храмѣ находились епископъ Митрофанъ и многіе простые граждане. Владыка всѣхъ пріобщилъ Святыхъ Таинъ.

Видя, что невозможно бороться съ татарами, Всеволодъ рѣшился прибѣгнуть къ ханской милости.

— «Братъ»,—сказалъ онъ Мстиславу,—«отбиться мы не можемъ, уйти тоже нельзя. Хочу сдѣлать послѣднюю попытку. Пойду съ дарами къ Батыю. Дѣлать нечего, надо покориться. Если же онъ не помилуетъ, продолжайте биться до послѣдняго.»

И князь съ небольшою дружиною вышелъ къ татарамъ. Они тотчасъ же его окружили, обезоружили и привели къ Батыю.

Со стыдомъ и слезами, первый разъ въ жизни, Всеволодъ преклонилъ колѣно предъ человѣкомъ.

— «Помилуй, царь»,—вымолвилъ онъ сквозь слезы,—«пощади насъ». Варваръ только сдѣлалъ знакъ рукой, и Всеволода зарѣзали передъ глазами Батыя.

Началась отчаянная битва. Владимірцы шагъ за шагомъ отступали, изнемогая подъ непріятельскими ударами... Наконецъ,

---

[1]) Полати—хоры.

варвары ворвались въ Кремль и бросились къ храму Пресвятой Богородицы. Они выломали церковныя двери и разграбили храмъ. Они обобрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоцѣнности, сосуды, кресты, оклады съ книгъ, ризы и проч. Узнавъ, что великая княгиня съ семействомъ на полатяхъ, татары звали ихъ сойти, обѣщая помиловать. Тѣ не сошли. Тогда варвары натаскали лѣсу въ церковь и зажгли его. Скоро отъ дыма всѣ стали задыхаться Владыка Митрофанъ, уже объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ.

— «Боже!»—воскликнулъ онъ,—«простри руку Твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ».

Всѣ, находившіеся въ храмѣ, погибли отъ дыма и пламени.

Ограблены были и другіе храмы и монастыри владимірскіе. Ничему и никому не было пощады.—Множество жителей подверглось избіенію. Уцѣлѣвшіе отъ плѣна бродили босыми по лѣсамъ и тамъ гибли отъ холода и голода.

Изъ Владиміра татары пошли дальше. Раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, они разсѣялись по суздальской землѣ. Одни пошли на сѣверъ, взяли Ярославль и поплѣнили Поволжье до самаго Галича Мерскаго. Другіе разграбили Юрьевъ, Дмитровъ, Переяславль, Ростовъ, Волоколамскъ, Тверь. За одинъ февраль мѣсяцъ они взяли и разграбили 14 городовъ, кромѣ многихъ селъ и погостовъ.

Между тѣмъ великій князь Юрій Всеволодовичъ все еще стоялъ на берегахъ р. Сити, поджидалъ своихъ братьевъ—Святослава юрьевскаго и Ярослава новгородскаго. Первый, дѣйствительно, пришелъ къ нему съ ратью, а второго онъ такъ и не дождался. Но за то онъ дождался здѣсь страшныхъ вѣстей изъ Владиміра.

Узнавъ о разореніи своей столицы и гибели всего своего семейства, услыхавъ о разгромѣ суздальскихъ городовъ, Юрій Всеволодовичъ горько заплакалъ.

— «Господи!»—воскликнулъ онъ, обливаясь слезами,—«такъ ли судишь Ты? Буди воля Твоя святая, готовъ умереть и я; одному что дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?»

Юрій послалъ трехтысячный отрядъ для развѣдокъ. Развѣдчики вскорѣ вернулись съ извѣстіемъ, что татары не далеко, что они уже обходятъ русское войско. И точно: едва великій князь съ своимъ братомъ и племянниками сѣли на коней и начали устраивать полки, какъ татары ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ. Это было 4-го марта 1238 года.

Началась жестокая сѣча. Она была продолжительна и крово-

пролитна... Наконецъ лѣвое крыло русскихъ дрогнуло. Средина держалась, пока былъ живъ князь Юрій. Но когда онъ палъ, русскіе побѣжали. Упорнѣе всѣхъ держалось правое крыло, во главѣ котораго былъ мужественный князь Василько Константиновичъ. Предводимое послѣднимъ, оно долго отбивалось отъ враговъ и много положило ихъ на мѣстѣ. Но многочисленность татаръ взяла свое. Дружина Василька стала рѣдѣть Нѣкоторые стали убѣгать съ поля битвы. Замѣтивъ это, татары, съ крикомъ и завываніемъ, громадною толпою обрушились на русскихъ. Послѣдніе не выдержали этого натиска и побѣжали. Варвары погнались за ними. Однихъ они били, другихъ забирали въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Василько Константиновичъ.

Красивый, высокій и храбрый, Василько понравился татарскимъ военачальникамъ. Они стали склонять его принять ихъ обычаи и за одно съ ними воевать Русскую землю.

— «Темникъ Бурундай очень хвалитъ тебя, князь,»—сказали татары Василько,—«онъ говоритъ, что и между татарами рѣдко найдешь такую храбрость, какъ у тебя. Царь Батый, навѣрно, тебя помилуетъ. Только тебѣ надо принять татарскіе обычаи и воевать вмѣстѣ съ нами.»

— «Не подружусь съ врагами Христа и Руси»,—отвѣчалъ князь.—«Ваше темное царство погибнетъ, когда исполнится мѣра вашихъ злодѣйствъ».

Бурундай разсмѣялся, когда ему передали отвѣтъ Василька. Князю предложили ѣсть и пить. Онъ отказался, не желая осквернняться пищею поганыхъ. Татары убѣждали его послушаться ихъ. Онъ на все отвѣчалъ укоризнами. Раздосадованные варвары наконецъ убили его и бросили его около какого-то Шеренскаго лѣса [1]).

Отъ Сити татары пошли къ юго-западу и осадили Торжокъ. Граждане двѣ недѣли оборонялись мужественно. Они надѣялись, что новгородцы помогутъ своему пригороду и спасутъ его отъ варваровъ... Напрасно... Въ это несчастное время всякій думалъ только о себѣ. Ужасъ охватилъ всю Русь. Всѣ говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ мѣръ для его спасенія. Татары, наконецъ, 23-го марта, взяли Торжокъ и никого не пощадили. Всѣ жители были истреблены. Всякое сопро-

[1]) Епископъ ростовскій Кириллъ, спасшійся во время нашествія татаръ въ отдаленный Бѣлозерскъ, воротясь, отыскалъ тѣло великаго князя. Оно было безъ головы. Нашедши потомъ тѣло Василька, онъ перенесъ ихъ въ Ростовъ и положилъ въ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы. Впослѣдствіи нашли также голову Юрія и положили въ гробъ его.

тивленіе себѣ варвары называли вопіющею дерзостію и мстили за него смертью.

Татарскія полчища пошли дальше. Села исчезали. Люди гибли тысячами. Уже варвары были въ ста верстахъ отъ Новгорода, какъ вдругъ повернули на юго-востокъ, въ степи. Что за причина—отчего Батый не дошелъ до Великаго Новгорода, гдѣ онъ могъ получить громадную добычу? Всего вѣроятнѣе, татары побоялись наступившей распутицы. Былъ конецъ марта. На дворѣ таяло. Скоро должно было наступить полноводье. Разлитіе рѣкъ озеръ и болотъ, которыми такъ богата была новгородская область, могло задержать, могло остановить движеніе ихъ. Непривычная для нихъ сырость могла развить среди нихъ болѣзни. Избѣгая того и другого, варвары и повернули въ дорогія ихъ сердцу степныя пространства.

Во время обратнаго движенія въ степь татары опустошили восточную часть смоленской земли и разгромили Козельскъ.

Этотъ городъ обошелся имъ очень дорого. Княземъ въ немъ въ ту пору былъ малолѣтній Василій, изъ рода Ольговичей, князей черниговскихъ. Услыхавъ о приближеніи татаръ, жители города Козельска собрались на вѣче. Потолковавъ, поговоривъ между собою, они рѣшили защищаться до послѣдняго человѣка и не сдаваться ни на какія льстивыя предложенія варваровъ.

— «Нашъ князь малъ»,—говорили они,—«но мы, какъ вѣрные россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія».

Какъ сказали, такъ и сдѣлали.

Подступивши къ Козельску, татары прежде всего предложили жителямъ его сдаться. Козельцы отказали.

— «Такъ мы и повѣримъ»,—отвѣтили они,—«что вы насъ помилуете;—слыхали мы о вашей то правдѣ да милости. Нѣтъ, идите, другихъ обманывайте».

Началась безпримѣрная осада. Окруживши городъ со всѣхъ сторонъ, татары били въ его стѣны пороками и бросали огонь на крыши домовъ. Чуть не каждый день они дѣлали приступы, но козельцы всегда отбивали ихъ. Этого мало. Они, по временамъ, дѣлали внезапныя вылазки, дорого стоившія варварамъ.

Семь недѣль тянулась осада. Наконецъ, татары пробили стѣны и бросились на приступъ. Они ворвались въ городъ. Началась отчаянная рѣзня. Козельцы защищались, чѣмъ могли: кто дубиной, кто ножомъ, а кто и просто зубами и кулакомъ. Но въ ту пору, когда татарамъ приходилось брать съ боя домъ за до-

момъ, улицу за улицей, вдругъ нѣсколько сотенъ козельцевъ выбѣжали изъ города. Они съ остервенѣніемъ бросились на враговъ, ошеломленныхъ неожиданностію. Они били ихъ направо и налѣво, хватали за горло, рвали зубами, душили и вмѣстѣ съ ними умирали. Удальцы, конечно, всѣ погибли, но не задаромъ; они убили 4.000 непріятелей.

За такую геройскую оборону Батый приказалъ избить въ городѣ всѣхъ—и мужчинъ и женщинъ, и стариковъ и дѣтей. Кровь лилась потоками. Малолѣтній князь Василій пропалъ безъ вѣсти. Говорили, будто онъ утонулъ въ крови.

Татары прозвали Козельскъ злымъ городомъ.

По взятіи Козельска, Батый съ своими полчищами двинулся въ половецкія степи. Престарѣлый ханъ Котянъ встрѣтилъ ихъ и вступилъ съ ними въ битву, но былъ разбитъ. Съ 40.000 половцевъ онъ ушелъ въ Венгрію, гдѣ и получилъ отъ тамошняго короля земли для поселенія. Остальные же половцы частью были перебиты, частью добровольно покорились татарамъ.

Съ тѣхъ поръ половецкая орда, подобно Камской Болгаріи, перестала существовать.

Покоривъ окрестности Волги и Дона, татары въ слѣдующемъ 1239-мъ году снова двинулись въ сѣверо-восточную Русь. Ужасъ охватилъ суздальскую область. Уцѣлѣвшіе отъ прежняго разгрома, жители бросали свои дома и бѣжали, куда глаза глядятъ. Впрочемъ, страхъ ихъ былъ непродолжителенъ. Татары на этотъ разъ не пошли далѣе Клязьмы. Завоевавъ мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, они повернули въ южные предѣлы нашего отечества. Тутъ одна часть татаръ бросилась на южный Переяславль, а другая—на Черниговъ. Первый варвары разрушили совершенно. Они разграбили соборный храмъ св. Михаила, великолѣпно украшенный серебромъ и золотомъ, и сравняли его съ землею. Убивъ епископа Симона и большую часть жителей Переяславля, они остальныхъ забрали въ плѣнъ.

Подъ Черниговомъ татарамъ пришлось не мало постоять. Онъ не легко имъ достался. Городъ стоялъ на высокомъ берегу рѣки Десны. Къ черниговцамъ явился на помощь Мстиславъ Глѣбовичъ рыльскій. Предводительствуя ими, онъ отчаянно бился съ врагами въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Но татары сильнѣе ихъ. Они поставили метательныя орудія, и бросали такіе огромные камни, которые съ трудомъ поднимали четыре человѣка. Черниговъ палъ. Онъ былъ разграбленъ и сожженъ. Жители истреблены... Но Мстиславъ Глѣбовичъ сумѣлъ спастись и убѣжать въ Венгрію.

По взятіи Чернигова, Батый отправилъ двоюроднаго своего брата Менгу-хана осмотрѣть Кіевъ. Батый давно уже слышалъ о красотѣ, величіи и богатствѣ нашей древней столицы. Кіевъ въ ту пору славился не только въ Европѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Азіи.

Менгу увидѣлъ Кіевъ съ лѣвой стороны Днѣпра. Онъ остановился у городка Песочнаго [1]) и долго оттуда любовался «матерью городовъ русскихъ». По словамъ нашей лѣтописи, онъ не могъ надивиться красотѣ его. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы церквей въ густой зелени садовъ, высокая бѣлая стѣна съ высокими воротами и красивыми башнями могли дѣйствительно удивить и не степного варвара. Менгу захотѣлъ сохранить Кіевъ въ цѣлости. Онъ отправилъ пословъ къ тамошнему князю и горожанамъ склонять ихъ къ добровольной сдачѣ своего города. Тѣ отказали и пословъ убили.

Кіевскимъ княземъ въ ту пору былъ Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій. Опасаясь татарской мести за убійство пословъ, онъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ бѣжалъ въ Венгрію. Кіевъ достался Даніилу Романовичу галицкому. Но и этотъ мужественный князь, герой Калкской битвы, не остался въ немъ. Поручивъ защиту древней нашей столицы храброму тысяцкому Димитрію, онъ самъ, подобно Михаилу и другимъ, отправился въ Венгрію. Зная уже по опыту, каковы эти татары, онъ боялся вступить съ ними въ битву. Отправившись въ Венгрію, онъ надѣялся склонить тамошняго короля къ ревностному содѣйствію противъ жестокихъ варваровъ. Южно-русскіе князья, издавна славившіеся военною удалью, на этотъ разъ — во время нашествія Батыя показали меньше храбрости, чѣмъ родственники ихъ сѣверо-восточные владѣтели. Князья рязанскіе и суздальскіе грудью встрѣчали варваровъ, отчаянно дрались съ ними и клали головы свои за отечество. Эти, напротивъ, личное благополучіе предпочитали общему благу. Услыхавъ о приближеніи татаръ, они покидали свои земли. Поручивъ защиту ихъ своимъ воеводамъ, они сами удалялись въ мѣста, болѣе или менѣе безопасныя..

Боязнь Михаила Всеволодовича была не напрасна: зимою 1240 года татары подошли къ Кіеву. Переправившись черезъ Днѣпръ, они обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Татаръ было видимо-невидимо. Самъ Батый былъ тутъ. Отъ скрипа татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и воловъ, отъ ржанія коней и свирѣ-

---

[1]) На мѣстѣ этого городка нынѣ находится селеніе Пески.

паго крика непріятелей, кіевляне едва могли слышать другъ друга въ разговорахъ. Тысяцкій Димитрій бодрствовалъ и распоряжался хладнокровно.

Осада города началась приступомъ къ Лядскимъ воротамъ. Тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь безъ перерыва. Враги не убывали; на мѣсто раненыхъ и убитыхъ становились новые. Наконецъ татары разбили ворота и сдѣлали проломъ въ стѣнѣ... Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался ужасный бой: «стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались». Раненыхъ, умирающихъ и мертвыхъ попирали ногами. Но варвары взяли верхъ своею многочисленностію;—къ вечеру они овладѣли стѣной. Кіевляне отступили къ Десятинной церкви. Ночью они выстроили около нея новыя деревянныя укрѣпленія. Граждане спѣшили спастись съ имѣніемъ своимъ на крышу церкви, но стѣны церковныя рухнули подъ нимъ отъ тяжести. Отдохнувши за ночь, татары утромъ возобновили бой. Они взяли новое деревянное укрѣпленіе и разрушили Десятинный храмъ до основанія.

Отчаянная борьба ожесточила варваровъ: мечъ и огонь ничего не щадили. Жители были перебиты. Раненаго Димитрія Батый оставилъ въ живыхъ «ради его мужества». Церкви и дома были ограблены и разрушены. Татары неистовствовали въ Кіевѣ нѣсколько дней. Отъ красиваго, величественнаго и многолюднаго города осталось небольше 200 жалкихъ домишекъ. Древній Кіевъ исчезъ.

Та же участь постигла и Кіево-Печерскую лавру. Монахи и кіевляне, усердные къ святынѣ этого мѣста, не хотѣли впустить варваровъ въ ограду его. Татары разломали ворота и ворвались въ монастырь. Они похитили всѣ монастырскія сокровища и даже сняли златокованный крестъ съ главы храма. Разломавъ послѣдній до самыхъ оконъ, они сравняли съ землею кельи и монастырскія стѣны.

Изъ Кіева Батый пошелъ дальше,—на юго-западъ Руси. На пути своемъ онъ, по обыкновенію, все истреблялъ, уничтожалъ. Гдѣ не брала сила, тамъ онъ дѣйствовалъ лестью и обманомъ. Городъ Ладыжинъ на Бугѣ татары никакъ не могли взять. Они поставили двѣнадцать пороковъ противъ него,—и всетаки не могли пробить его стѣнъ. Тогда татары стали уговаривать его жителей сдаться. Они поклялись не трогать ихъ. Тѣ повѣрили, сдались и были всѣ истреблены. Варвары не знали правилъ чести. Обманывая непріятелей, они всегда смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ затѣмъ Каменецъ, они отступили отъ Кременца.

Послѣдній стоялъ на высокой горѣ и окруженъ былъ крѣпкими стѣнами. Татары взяли Владиміръ Волынскій, Галичъ и много другихъ городовъ. Грабя и уничтожая все попадавшееся на пути, они оставили нетронутыми только владѣнія князей Болоховскихъ. Эти послѣдніе, сберегая свою землю отъ разоренія, добровольно, безъ сопротивленія, признали надъ собою власть Батыя. Ханъ пощадилъ эту землю, но обязалъ жителей ея сѣять просо и пшеницу для татаръ.

Тысяцкій Димитрій, все время находившійся при Батыѣ, не разъ уговаривалъ его идти поскорѣе на Венгрію. Желая спасти юго-западную Русь отъ окончательнаго разоренія, онъ хотѣлъ поскорѣе выпроводить враговъ изъ ея предѣловъ.

— «Будетъ тебѣ здѣсь воевать»,—говорилъ онъ Батыю;— «время идти на венгровъ. Если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее».

Батый послушался и направилъ путь къ венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда тамъ узнали о движеніи татаръ къ польско-венгерскимъ границамъ. Разсказы объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ нихъ, разсказы объ ихъ происхожденіи и свирѣпости приводили въ трепетъ западноевропейцевъ. Одни говорили, что татары не похожи на обыкновенныхъ людей, что они вышли прямо изъ ада. Другіе утверждали, что татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину.

Германскій императоръ Фридрихъ II-ой разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ.

— «Время пробудиться отъ сна», — писалъ онъ, — «время открыть глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго врага».

Но это воззваніе не имѣло успѣха. Въ Германіи не тронулись на призывъ ко всеобщему вооруженію. Тамъ въ ту пору происходила жестокая борьба у императора съ папою, считавшимся тогда первымъ лицомъ въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Папы римскаго всѣ боялись. Безъ благословенія его никто изъ германскихъ князей и бароновъ, подчиненныхъ Фридриху II-му, не хо-

тѣлъ идти въ походъ. Германія въ бездѣйственномъ страхѣ ждала враговъ...

Весною 1241 г. татары перешли Карпаты. Разбивъ венгерскаго короля, они опустошили всѣ его владѣнія. Венгры частію были избиты, частью обращены въ рабство. Немногимъ изъ нихъ удалось спастись отъ татарскаго меча и плѣна. Разгромивъ Венгрію и поразивъ двухъ польскихъ князей, татары вторглись въ Силезію. Тутъ они пробыли недолго. Разбивъ силезскаго герцога, они намѣревались идти въ Германію. Путь въ нее былъ открытъ. Спасли ее войска чешскаго короля. Въ Моравіи, при осадѣ города Ольмюца, татары въ первый разъ потерпѣли пораженіе. Ихъ разбилъ здѣсь чешскій воевода Ярославъ изъ Штенберга. Послѣ этого татары, узнавъ о смерти великаго хана Оготая, повернули назадъ и пошли въ юговосточныя наши степи.

Западная Европа была спасена. Она поплатилась только разореніемъ Венгріи и небольшой части Польши. Но нашимъ предкамъ нашествіе татаръ обошлось необычайно дорого. Мѣста, по которымъ прошли татарскія орды, представляли ужасное зрѣлище. Словно пожары, землетрясеніе и моровая язва, словно все это вмѣстѣ свирѣпствовало здѣсь. Города и села лежали въ развалинахъ. Мертвыя тѣла валялись непогребенными; некому было хоронить ихъ. Птицы клевали имъ глаза, хищные звѣри терзали ихъ. Поля заросли сорной травой. Некому было почти ихъ обработывать. Едва десятая часть жителей уцѣлѣла отъ татарскаго меча и плѣна...

«Когда мы проѣзжали по Русской землѣ,»—говоритъ Плано-Карпини, видѣвшій ее черезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго нашествія,—«то видѣли въ степи безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ. Кіевъ былъ прежде и великъ и многолюденъ, а теперь въ немъ едва ли 200 домовъ».

«Батый»,—говоритъ лѣтописецъ,—«какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки; храбрѣйшіе князья русскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ и искали заступниковъ между невѣрными и не находили; они славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ конями татарскими. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ».

Западноевропейцы отдѣлались однимъ испугомъ. Они не видали потомъ у себя татаръ. Но русскимъ долго, очень долго пришлось страдать и терпѣть отъ нихъ. Они болѣе двухъ сотъ лѣтъ находились подъ владычествомъ этихъ азіатскихъ варваровъ.

*

Золотая орда.

По возвращеніи изъ Моравіи, татары расположились въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ Россіи. Они смѣшались съ остатками печенѣговъ, половцевъ и камскихъ болгаръ и составили царство «Золотой орды». Такъ оно называлось за золотыя украшенія на ханскомъ шатрѣ [1]). Лѣтомъ татары кочевали въ сѣверныхъ частяхъ степей, а на зиму спускались ближе къ морямъ Черному и Каспійскому. И Батый сначала не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, но потомъ построили для него городъ Сарай или «притонъ». Послѣдній находился на лѣвомъ берегу Ахтубы, притокѣ Волги, у нынѣшняго Царева. Въ Сараѣ жили Батый и его преемники. Это была столица хана—главы татаръ. Ханъ,—земной богъ, по мнѣнію татаръ,—жилъ въ ней почти невидимкой. Его окружала масса царедворцевъ, во главѣ которыхъ стояли конюшій, сокольничій и казначей. Простому смертному рѣдко удавалось лицезрѣть татарскаго властителя. Если кому выпадало это счастье,—онъ припадалъ къ его стопамъ, съ непокрытою головой, босикомъ и въ распояску. Ханъ сарайскій жилъ великолѣпно: онъ ѣлъ на золотѣ, пилъ изъ серебра. Вокругъ него раздавались пѣніе и игра на цитрѣ. Выѣзжалъ онъ,—надъ нимъ держали зонтикъ на копьѣ. Ханъ выбиралъ женъ себѣ и своимъ приближеннымъ изъ всѣхъ дѣвицъ Золотой орды, созываемыхъ на показъ, въ опредѣленные сроки. Онъ назначалъ каждому мѣстожительство. Онъ бралъ изъ имущества подданныхъ все, что ни понравится ему. Онъ наказывалъ и казнилъ, кого хотѣлъ, безъ суда и слѣдствія. Особенно ханъ любилъ тѣлесныя наказанія. Кнута, плетей и пытокъ никто не избѣгалъ—ни жены его, ни первые сановники. Передъ нимъ всѣ были холопы—и простые воины, и дворянство, распадавшееся на много степеней (мурзы, беки, тарханы и др.). Но это дворянство въ свою очередь пользовалось большимъ значеніемъ въ ордѣ: оно составляло совѣтъ подлѣ властителя, было свободно отъ податей и имѣло безграничную власть надъ низшимъ классомъ. Дворянство отличалось почетными титулами, собственными печатями, гербами и орденами. Послѣдніе въ видѣ золотыхъ, серебряныхъ и деревянныхъ дощечекъ носились на шеѣ. Дворяне занимали всѣ высшія должности. Чиновничество было очень развито въ Сараѣ. Помимо

[1]) Золотая орда называлась еще Кипчакской ордой и Сарайской. Кипчакской она называлась за то, что татары заняли кипчакскія или половецкія степи, а Сарайской—по городу Сараю.

множества придворныхъ сановниковъ, было много воеводъ. Это были темники—начальники «темъ», тысяцкіе, сотники, десятскіе, есаулы, атаманы. И гражданскихъ должностей было не менѣе 30-ти. Среди нихъ первое мѣсто принадлежало финансовому вѣдомству. Во главѣ его стояли сборщики податей.—Духовенство, съ принятіемъ магометанства татарами, стало играть важную роль въ Золотой ордѣ. Оно пользовалось почетомъ и свободою отъ податей. Муллы были законниками, судьями и врачами. Остальное населеніе орды состояло изъ свободныхъ холоповъ хана и изъ рабовъ. Первые занимались скотоводствомъ, ремеслами, торговлей и войной, а вторые—чѣмъ прикажутъ ихъ господа. Рабы состояли изъ плѣнниковъ. Ими торговали, какъ всякимъ скотомъ.

Золотоордынскіе повелители считали себя выше всѣхъ владыкъ земныхъ. Исключеніе дѣлалось только для великаго хана, отъ котораго они находились въ зависимости до 1260 года. Въ Золотой ордѣ на всѣхъ смотрѣли высокомѣрно, съ пренебреженіемъ. Отъ какого-бы европейскаго государя ни приходили къ татарамъ послы,—ихъ заставляли проходить между двухъ огней и исполнять нѣкоторые унизительные обряды.

Въ 1245 году къ татарамъ отправилось папское посольство съ предложеніемъ мира и съ проповѣдью христіанской вѣры. Во главѣ этого посольства былъ извѣстный уже намъ монахъ Плано-Карпини. Лишь только послы—монахи вступили въ татарскія владѣнія, какъ уже начали испытывать непріятности. За Каневомъ [1]), гдѣ находилась первая татарская застава, пословъ остановили. Допросивъ, кто они и зачѣмъ пришли, начальники стражи отправили ихъ къ Куремсѣ. Это былъ воевода или темникъ, начальствовавшій 60,000 войскомъ. Онъ оберегалъ предѣлы орды на правой сторонѣ Днѣпра. У порога воеводскаго шатра монаховъ заставили три раза преклонить колѣно и запретили имъ наступать ногою на порогъ. На послѣднемъ, по мнѣнію татаръ, находятся духи. Въ шатрѣ монахи представились воеводѣ и его свитѣ, стоя на колѣняхъ. На каждомъ шагу требовали отъ нихъ подарковъ. Раздавъ не мало послѣднихъ, послы отправились дальше. Они ѣхали по половецкимъ степямъ около береговъ Азовскаго моря.

— «Когда мы прибыли къ Батыю»,—говоритъ Плано-Карпини,—«насъ помѣстили въ разстояніи одной мили отъ жилища его. Прежде чѣмъ идти къ нему, намъ сказали, что мы должны проходить между двухъ огней. Мы не хотѣли на это согласиться

---

[1]) Каневъ въ настоящее время уѣздный городъ кіевской губерніи.

по нѣкоторымъ причинамъ, но намъ сказали слѣдующее: «не бойтесь: мы требуемъ, чтобы вы проходили между двухъ огней лишь затѣмъ, чтобы огонь уничтожилъ зло, если вы имѣете таковое въ намѣреніи вашемъ по отношенію къ нашему повелителю, или если несете съ собою ядъ». Мы отвѣчали: «мы готовы проходить, чтобы не дать повода подозрѣвать себя въ чемъ либо подобномъ.» Когда мы пришли въ орду, насъ спрашивалъ чиновникъ Батыя, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т. е. какіе несемъ подарки. Мы отвѣчали, что государь-папа подарковъ не шлетъ, но мы хотимъ отъ себя принести подарки изъ тѣхъ средствъ, которыя получили на расходы по милости Бога и государя-папы. Когда подарки были даны и приняты, тотъ же чиновникъ спросилъ насъ о причинѣ нашего прибытія. Послѣ этихъ переговоровъ мы были введены въ юрту, сдѣлавъ прежде поклонъ и выслушавъ опять предостереженіе не наступать на порогъ. Войдя и ставъ на колѣни, мы сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ, которые могли бы перевести письмо. Эту нашу просьбу исполнили, и мы внимательно перевели письмо на русскій, сарацинскій и татарскій языки. Переводъ былъ представленъ Батыю, который разсматривалъ и читалъ его внимательно».

«Этотъ Батый держитъ себя съ великолѣпіемъ, имѣя тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ. Садится онъ на возвышенномъ мѣстѣ, какъ бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія же, какъ братья и сыновья, такъ и прочіе младшіе, садятся ниже на скамьяхъ; остальные люди—за ними на землѣ: мужчины вправо, женщины влѣво. Палатки Батыя изъ холста; онѣ просторны и очень красивы, и принадлежали венгерскому королю. Въ его палатку никто изъ постороннихъ, кромѣ родственниковъ, какъ бы знатенъ и могущественъ онъ ни былъ, не смѣлъ войти безъ позволенія Батыя. Среди палатки, ближе къ двери, ставится столъ съ напитками, въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни самъ Батый, ни татарскіе вельможи, особенно въ собраніи, никогда не пьютъ безъ пѣнія и музыки. Когда Батый ѣздитъ на лошади, надъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ. Такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами и даже женами ихъ. Этотъ Батый къ людямъ своимъ довольно добръ, хотя они его и сильно боятся. Въ битвѣ онъ очень жестокъ; онъ очень находчивъ и очень хитеръ въ войнахъ, такъ какъ съ давнихъ поръ привыкъ къ нимъ.»

Тѣ униженія, которыя испытали папскіе послы въ Батыевой ордѣ, переносили тамъ и наши князья и бояре и переносили въ

большей еще мѣрѣ. Являясь въ Сарай, они приходили туда съ большими подарками. Наши князья и бояре дарили хана, женъ его, сановниковъ и чиновниковъ. Жадные татары выпрашивали, выманивали, требовали и вымогали себѣ подарки. Всѣ, отъ сановника до послѣдняго полицейскаго, брали съ нихъ безбожныя взятки. Наши дарили, кланялись имъ, унижались предъ ними. Предъ представленіемъ хану князья проходили между двухъ огней, кланялись на югъ тѣни великаго хана, кланялись идоламъ, стоявшимъ у двери ханскаго шатра. Войдя въ послѣдній, они становились на колѣни передъ ханомъ и кланялись ему до земли. Стоя на колѣняхъ, они внимали рѣчамъ своего повелителя, если только онъ самъ соблаговолялъ говорить съ ними. Иныхъ изъ нихъ ханы плѣняли, мучили и убивали. У другихъ брали сыновей или братьевъ въ заложники. Третьихъ принуждали къ многоженству и кровосмѣсительству... Положеніе обидное и унизительное! Но что было дѣлать? Татары за ослушаніе, за неисполненіе ихъ требованій наказывали очень жестоко, казнили даже.

Первымъ русскимъ княземъ, отправившимся въ орду на поклонъ хану, былъ Ярославъ Всеволодовичъ. Узнавъ о гибели брата своего Юрія II-го на берегахъ Сити, узнавъ, что татары оставили суздальское княжество, Ярославъ прибылъ въ разоренный Владиміръ, сюда же явились братья его и племянники. Раздавъ имъ въ управленіе города, Ярославъ приказалъ поскорѣе погребать разлагавшіяся мертвыя тѣла. Онъ вызывалъ людей, убѣжавшихъ отъ татаръ въ лѣса и отдаленныя мѣста. Онъ старался о возстановленіи города и водвореніи порядка. То же самое дѣлали и рязанскіе князья, уцѣлѣвшіе отъ татарскаго меча и возвратившіеся на прежнія свои мѣста.

Но скоро наши князья увидѣли, что время уже не то, что они уже не могутъ, по прежнему, свободно распоряжаться своими собственными землями. Скоро они узнали, что у нихъ есть господинъ, котораго они не могутъ не слушаться.

Возвратившись изъ Моравіи и расположившись станомъ на берегахъ Волги, Батый послалъ звать русскихъ князей въ орду. Ослушникамъ его приказа онъ грозилъ лишеніемъ удѣловъ и самой жизни. И страхъ, наведенный татарскимъ погромомъ, былъ еще такъ силенъ, что никто не думалъ о новомъ сопротивленіи варварамъ. Гордые, вольнолюбивые русскіе князья и бояре смиренно склонили свою выю подъ татарское ярмо. Ярославъ Всеволодовичъ показалъ примѣръ: съ нѣкоторыми своими сыновьями и боярами онъ отправился въ орду въ 1243 году.

За Ярославомъ поспѣшили въ орду и другіе русскіе князья—

суздальскіе, рязанскіе и сѣверскіе. Всѣ они явились туда съ подарками. Они кланялись тамъ и подвергались тѣмъ унизительнымъ обрядамъ, о которыхъ говорено выше. Батыю это понравилось и онъ далъ имъ ярлыки на владѣніе наслѣдственными ихъ удѣлами.

Однако не всѣ русскіе князья смиренно перенесли тѣ униженія, которымъ подвергали ихъ въ Золотой ордѣ. Нашелся ослушникъ, не исполнившій приказаній своего повелителя. То былъ Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій—тотъ самый, который, передъ нашествіемъ Батыя на Кіевъ, ушелъ изъ него за границу.

Возвратившись послѣ татарскаго разгрома въ свой Черниговъ, Михаилъ, по примѣру другихъ князей, долженъ былъ ѣхать въ орду за ярлыкомъ. Духовникъ князя, благословляя его въ путь, увѣщевалъ Михаила не слѣдовать примѣру другихъ князей—не кланяться въ ордѣ огню и идоламъ въ угоду хану. Онъ совѣтовалъ ему лучше претерпѣть мученія и самую смерть за вѣру Христову, чѣмъ исполнять языческіе обычаи и обряды. Къ тому же убѣждалъ онъ и боярина Ѳеодора, вмѣстѣ съ княземъ отправлявшагося къ Батыю. Тотъ и другой обѣщались исполнить завѣтъ своего духовнаго отца.

И они сдержали свое слово. Когда они прибыли въ орду,—отъ нихъ потребовали, чтобы они прошли между огнями и поклонились изображеніямъ умершихъ хановъ. Михаилъ воспротивился.

— «Недостойно христіанамъ», сказалъ онъ,—«исполнять языческіе обряды и поклоняться идоламъ, которымъ кланяются язычники. Вѣра христіанская заповѣдуетъ не кланяться ни тварямъ, ни идоламъ, но чтить святую Троицу—Отца, Сына и Святаго Духа».

Дали знать объ этомъ Батыю. Ханъ разгнѣвался.

— «Если ты исполнишь волю мою,»—велѣлъ онъ сказать Михаилу,—«то и живъ останешься, и всю область свою получишь. Если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью!»

— «Тебѣ, царю, кланяюсь»,—отвѣтилъ на это князь,—«такъ какъ Богъ далъ тебѣ царство и славу міра сего; но тому, чему кланяются язычники, не поклонюсь».

— «Но знай»,—говорили ему находившіеся около него татары:—«неминуемая смерть ждетъ тебя».

— «Хочу я пострадать за Христа и за истинную вѣру кровь свою пролить!»—отвѣчалъ твердо Михаилъ.

Въ ту пору въ ордѣ находился молодой ростовскій князь, Борисъ Васильковичъ. Онъ по матери своей былъ внукъ Михаила.

Борисъ сталъ упрашивать дѣда, чтобы онъ послушался и исполнилъ царскую волю. Съ тѣмъ же приступили къ нему и ростовскіе бояре, бывшіе при Борисѣ Васильковичѣ.

— «Всѣ за тебя эпитимію примемъ, князь,»—умоляли они,— «примемъ со всею областью своею; подчинись волѣ хана!»

— «Нѣтъ, не послушаю васъ, не погублю своей души. Не хочу быть христіаниномъ только по имени».

И, снявъ съ себя верхній княжескій плащъ, бросилъ его ростовскимъ боярамъ.

— «Возьмите славу міра сего»,—сказалъ онъ имъ,—«я не хочу ея».

Татарскій чиновникъ пошелъ доложить Батыю о непреклонной рѣшимости русскаго князя.

Михаилъ Всеволодовичъ и бояринъ Ѳеодоръ достали запасные Дары, которые отпустилъ съ ними духовный ихъ отецъ. Причастившись св. Таинъ, они стали читать молитвы и пѣть псалмы. Они приготовлялись къ смерти.

И она не замедлила. Подъѣхали ханскіе тѣлохранители, соскочили съ коней и схватили Михаила за руки и за ноги. Растянувъ его на землѣ, они принялись бить кулаками подъ сердце. Этого мало. Перевернувъ ницъ, стали топтать его ногами. Наконецъ, одинъ изъ отступниковъ, перешедшихъ въ татарскую вѣру, родомъ изъ Путивля, отсѣкъ голову умирающему князю. Вслѣдъ за Михаиломъ точно такимъ же образомъ замученъ былъ и вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ. Это случилось 20 сентября 1246 года. Тѣла мучениковъ брошены были на съѣденіе псамъ, но они остались цѣлы. Въ числѣ ордынскихъ христіанъ нашлись благочестивые люди, которые тайно ихъ схоронили. Наша Церковь обоихъ мучениковъ признала святыми.

Наказывая нашихъ князей за ослушаніе и непокорность, сарайскіе ханы требовали отъ нихъ военной помощи. Въ случаѣ войны, князья, по требованію хана, должны были приходить къ нему на помощь съ своими дружинами. Куда бы ханъ ни приказывалъ имъ идти съ своимъ войскомъ, хоть бы противъ своего родича русскаго же князя,—они не смѣли отказываться. И русскіе князья громили поэтому иногда своихъ же.

Ханъ по всѣмъ почти русскимъ городамъ поставилъ своихъ чиновниковъ, «баскаковъ». Въ стольномъ Владимірѣ жилъ «великій баскакъ» владимірскій. Баскаки [1]) наблюдали за покорностью

---

[1]) Баскаками называются притѣснители, сборщики даней; но татары называли этимъ именемъ и намѣстниковъ ханскихъ.

жителей. Замѣтивъ въ поведеніи послѣднихъ что-либо противное ханской власти, они призываютъ татаръ и подвергаютъ извѣстную мѣстность новому разоренію и убійствамъ. Наглость поработителей была возмутительна. Каждый татаринъ, пріѣхавши въ русскую землю, смотрѣлъ господиномъ. Онъ жилъ, гдѣ хотѣлъ, бралъ, что ему нравится, всѣхъ билъ и развратничалъ. На него суда нѣтъ. Никто ему не перечилъ, никто не останавливалъ и не давалъ отпора его насилію;—опасно. Узнаютъ объ этомъ другіе татары,—налетятъ и все разгромятъ, многихъ перебьютъ. Лучше ужъ терпѣть... И наши предки терпѣливо переносили самыя кровныя обиды отъ своихъ поработителей.

Но всего тяжелѣе была дань. Подати были безчисленны и тяжки. На первыхъ порахъ сборщики дани, по приказу Батыя, отъ каждаго отца, имѣвшаго троихъ сыновей, брали по одному. Неженатыхъ мужчинъ, незамужнихъ женщинъ и нищихъ они уводили въ орду. Каждый русскій, большой и малый, богатый и бѣдный, долженъ былъ давать по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька. Кто не могъ заплатить такой дани, того уводили въ неволю. Потомъ обыкновенною данью стала десятина отъ всего, даже съ юношей и дѣвицъ, которыхъ обращали въ рабство. Затѣмъ брали пошлину со всякихъ промысловъ и занятій. Татары требовали подводъ и корма для служителей хана, требовали даровъ, поминокъ и прочихъ податей. Татарскія подати были невыносимы; сборщики ихъ дѣйствовали безотчетно и сами наживались безбожно. Жители прятали, что у нихъ было, въ землю, а сами бѣжали въ лѣса. Но баскакъ настигалъ несчастныхъ съ толпой свирѣпыхъ татаръ, и вымучивалъ у нихъ дань. У нищихъ брали дѣтей. Малѣйшее ослушаніе, малѣйшее противодѣйствіе приводило къ гибели цѣлыя деревни и города. Баскакъ жаловался въ ордѣ—и оттуда присылались отряды съ приказаніемъ все опустошать. Сборъ податей нерѣдко отдавался на откупъ бесерменскимъ купцамъ [1]). Это было еще хуже для нашихъ предковъ, еще тяжелѣе. Заплативъ въ ханскую казну сумму денегъ, они старались взять съ русскихъ вдесятеро. Не плативщихъ дань подвергали правежу: несчастныхъ неплательщиковъ выводили въ базарный день на торгъ, привязывали тамъ къ столбу и иногда били палками. Этотъ правежъ продолжался нерѣдко нѣсколько базарныхъ дней. Бесерменскіе купцы собирали дань подъ защитою ханскихъ баскаковъ, сопровождаемыхъ отрядами татаръ. Отъ податей избавлялись только женщины, дѣти до десятилѣтняго воз-

[1]) Бесерменскими купцами назывались тогда хивинскіе и бухарскіе торговцы.

раста да духовныя лица. Считая послѣднихъ своими молитвенниками передъ Богомъ, татары относились къ нашему духовенству съ почетомъ и уваженіемъ. Не только сами духовныя лица, но и всѣ, живущіе съ ними подъ одною кровлею, освобождены были отъ дани и всякихъ поборовъ. Въ мирное время татаринъ не смѣлъ оскорблять наше духовное лицо, не смѣлъ трогать его имущество. Наши предки впервые свободно вздохнули только тогда, когда ихъ князьямъ дозволено было самимъ собирать дань и доставлять ее въ Сарай.

Тяжелы были подати, наложенныя татарами на русскій народъ. Не легко было нашимъ князьямъ и боярамъ переносить обиды, униженія и оскорбленія, которымъ они подвергались въ Золотой ордѣ. Но все это можно назвать благомъ въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась бы Россія, если бы варвары сами стали управлять ею. Что сталось бы съ нею, если бы они, разставивъ свои войска по ея городамъ и устранивъ ея князей, стали бы чинить въ ней судъ и расправу!.. Но этого, къ счастію, не случилось. Золотоордынскіе татары не трогали нашей внутренней жизни. Они не вмѣшивались въ наше управленіе, не стѣсняли нашей православной вѣры. Они не измѣняли нашихъ законовъ, обычаевъ и языка. Предоставивъ русскимъ управляться своими князьями и жить по своимъ законамъ, они требовали отъ нихъ только покорности и дани. Не стѣсняя образа жизни нашихъ предковъ, сарайскіе татары не лишали ихъ возможности стремиться къ будущему возрожденію самобытности,—къ возвращенію себѣ прежней свободы и независимости... И сѣверо-восточная Русь немедленно пошла къ этой цѣли.

Св. Александръ Невскій.

Послѣ смерти великаго князя Юрія II-го Всеволодовича, погибшаго на берегахъ рѣки Сити, старшій по немъ братъ Ярославъ занялъ великокняжескій столъ. Въ 1239-мъ году онъ прибылъ во Владиміръ и нашелъ его разореннымъ татарами и сожженнымъ. Вездѣ валялись убитые. Смрадъ отъ гніющихъ труповъ былъ невыносимый.

За Ярославомъ Всеволодовичемъ стали возвращаться на свои мѣста и другіе наши князья.

По разореннымъ городамъ, селамъ и деревнямъ закипѣла работа. Всѣ, уцѣлѣвшіе отъ татарскаго погрома, возвращались теперь на свои пепелища. Очищая ихъ отъ гніющихъ труповъ, они занялись возобновленіемъ и постройкою себѣ жилищъ. Лѣсу было

много. Онъ былъ подъ бокомъ. Черезъ годъ—другой всѣ обстроились и принялись за прежнія свои занятія. Русскіе стали было уже понемногу забывать про татаръ, про ихъ разгромъ, какъ вдругъ разнеслась молва, что варвары опять пришли на Русь.

Татары, дѣйствительно, опять появились у насъ,—но на этотъ разъ они пришли не громадными полчищами, какъ прежде, а небольшими кучками, съ баскаками во главѣ. Они пришли теперь переписывать народъ, перечислять его. Они пришли за данью.

Русскіе, уцѣлѣвшіе отъ Батыева разгрома, не могли сопротивляться этому;—они были очень слабы. И сборщики дани занялись своимъ дѣломъ. Они брали у каждаго отца, имѣвшаго троихъ дѣтей, по одному изъ нихъ. Они забрали холостыхъ мужчинъ, незамужнихъ женщинъ и нищихъ. «Нищіе»,—говорили татары, «только объѣдаютъ васъ, а у насъ они пойдутъ въ дѣло». Все остальное населеніе обложено было тяжелою данью. Богатый и бѣдный, большой и малый должны были давать имъ по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька. Не могшіе этого дать, становились татарскими невольниками. Съ одного только духовенства сборщики дани ничего не взяли. Татары относились съ почетомъ и уваженіемъ къ духовнымъ лицамъ всѣхъ религій, кромѣ еврейской. Они считали ихъ своими молитвенниками передъ Богомъ.

Татары во всѣхъ почти городахъ покоренной Руси поставили своихъ намѣстниковъ, или баскаковъ. Въ стольномъ Владимірѣ сталъ жить «великій баскакъ». Намѣстники должны были наблюдать за покорностью жителей.

Этого мало. Остановившись, по возвращеніи изъ Венгріи, на низовьяхъ Волги, Батый потребовалъ къ себѣ русскихъ князей. Онъ пригрозилъ имъ отнятіемъ у нихъ земель, если они къ нему не явятся.

Это озадачило нашихъ князей. Но что было дѣлать?.. Не ѣхать,—не исполнить повелѣніе татарскаго хана?.. Этого допустить нельзя. Батый не только можетъ отнять у нихъ удѣлы, но можетъ произвести новое нападеніе на Русь, новое нашествіе. И гордые русскіе князья смирились и поѣхали на поклонъ новому своему повелителю.

Первымъ поѣхалъ въ татарскую орду великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Съ нѣкоторыми сыновьями и боярами онъ прибылъ туда въ 1243 году. Ярославъ безпрекословно исполнилъ всѣ татарскіе обычаи. Онъ прошелъ между двухъ огней, кланялся на востокъ, становился на колѣни передъ ханомъ. Онъ далъ большіе подарки ханскимъ женамъ, вельможамъ и чиновникамъ.

Своею покорностью Ярославъ Всеволодовичъ понравился въ ордѣ. Батый принялъ его ласково и нзначилъ великимъ княземъ всей Русской земли. Онъ далъ ему «ярлыкъ», или грамоту, на великокняженіе кіевское и владимірское.

Черезъ годъ Ярославъ, по приказанію Батыя, отправился на поклонъ къ великому монгольскому хану, жившему у Байкала, въ Каракорумѣ. Великій монгольскій ханъ былъ повелителемъ всѣхъ монголо-татарскихъ ордъ.

Путь былъ далекъ и труденъ. Сопровождавшіе князя бояре и слуги много терпѣли отъ зноя и жажды. Русскимъ приходилось переѣзжать по безпріютнымъ и безводнымъ средне-азіатскимъ степямъ. Многіе изъ нихъ не вынесли зноя и умерли отъ жажды.

Ярославъ Всеволодовичъ прибылъ въ главную монгольскую орду въ то время, когда тамъ готовились къ выбору новаго великаго хана. Тамъ въ ту пору происходилъ великій курилтай. Выбранъ былъ Гаюкъ, сынъ умершаго великаго хана [1]).

---

[1]) Самый выборъ великаго хана не безынтересенъ. Онъ происходилъ такъ. Для великаго хана была устроена палатка изъ пурпура. Она была очень обширна. Въ ней могло помѣститься болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Палатка была обнесена деревянною стѣною. Украшенная картинами и разными изображеніями, она имѣла двое большихъ воротъ. У однихъ воротъ стояла вооруженная стража. Въ нихъ входили придворные, князья и старѣйшины. Другія ворота были открыты настежъ. Караула у нихъ не было, но входить въ нихъ не могъ никто, кромѣ великаго хана. Подходить къ этимъ воротамъ и, безъ позволенія, приближаться къ пурпуровой палаткѣ строго на-строго запрещалось. Всѣ нарушители этого запрещенія подвергались смертной казни.

Собравшіеся на курилтай князья и старшины выказывали всю свою роскошь. Одинъ день они были въ бѣлыхъ платьяхъ, другой—въ красныхъ, третій—въ алыхъ, четвертый—въ фіолетовыхъ.

24-го августа 1246 года собрались всѣ мелкіе ханы, князья и старшины. Ставъ лицомъ къ югу, они долго читали молитвы. Потомъ посадили на возвышенный стулъ Гаюка, сына умершаго великаго хана.

— «Мы молимъ»,—сказалъ старшій изъ хановъ,—«просимъ и повелѣваетъ, чтобы ты имѣлъ надъ всѣми нами могущество и власть».

— «Если вы хотите»,—отвѣчалъ Гаюкъ,—«чтобы я былъ вашимъ великимъ ханомъ, то намѣренъ ли и расположенъ ли каждый изъ васъ дѣлать то, что я повелю: пріѣзжать, когда я позову и прикажу, идти, куда мнѣ хочется васъ послать, и предавать смерти всѣхъ, кого повелю».

— «Исполнимъ!»—закричали всѣ ханы, князья и старшины.

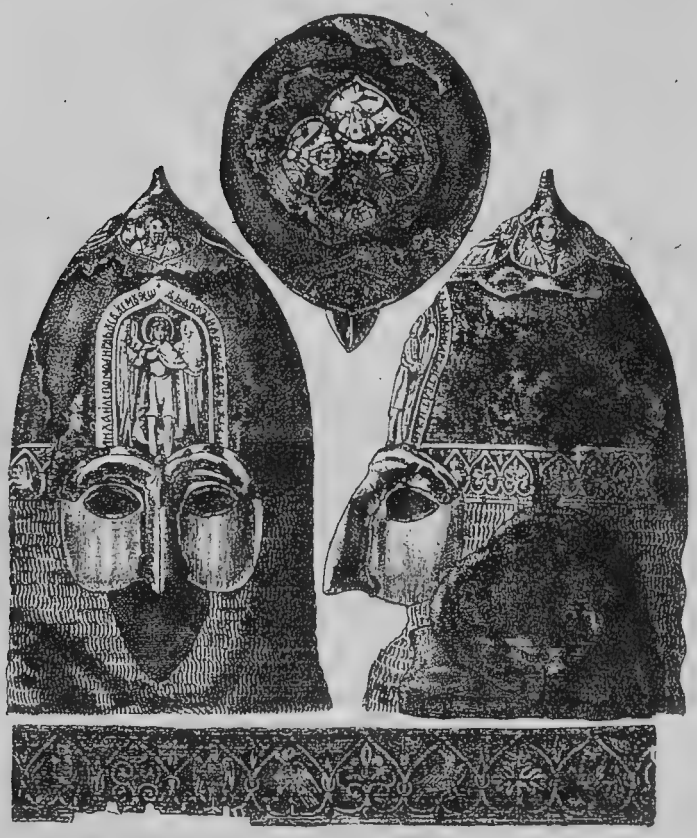
— «Такъ пусть съ этого времени»—отвѣчалъ Гаюкъ,—«мое слово послужитъ мнѣ вмѣсто меча».

Затѣмъ постлали на землѣ войлокъ и посадили на него Гаюка.

— «Смотри вверхъ»,—сказалъ ему старшій изъ хановъ,—«и призывай Бога и смотри внизъ на войлокъ, на которомъ ты посаженъ. Если ты будешь хорошо управлять государствомъ, если будешь щедръ, благотворителенъ и водворишь правосудіе, если будешь почитать князей и сановниковъ, каждаго по достоинству и сану, то будешь владычествовать со славою, вся земля покорится тебѣ и Богъ даруетъ все, что твое сердце

Начались пиры. Нашъ великій князь всегда присутствовалъ на нихъ. Ему вездѣ давали первое мѣсто между подвластными монголо-татарамъ князьями. Но сами монголы высокомѣрно держали себя передъ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Приставленные къ нему татары важничали передъ нимъ и всегда на пирахъ старались сажать его ниже себя.

Передъ отъѣздомъ домой, великій князь былъ въ гостяхъ у матери великаго хана. Она была очень любезна съ нимъ. Какъ бы оказывая ему особую честь, она угощала его изъ своихъ рукъ. Ярославъ, ничего не подозрѣвая, ѣлъ, пилъ и благодарилъ ханшу. Довольный вниманіемъ послѣдней, онъ возвратился въ свою ставку, но тотчасъ же почувствовалъ себя дурно. Ярославъ Всеволодовичъ захворалъ и на седьмой день Богу душу отдалъ. Все тѣло его посинѣло. Говорили, что ханша отравила великаго князя. Какой-то измѣнникъ Ѳедоръ Яруновичъ оклеветалъ его въ чемъ-то передъ великимъ ханомъ.



Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невскаго.

Такъ это или нѣтъ,—но только Ярославъ Всеволодовичъ не возвратился домой живымъ. Онъ умеръ на далекой чужбинѣ.

пожелаетъ; но если ты будешь дѣлать противное тому, то сдѣлаешься низокъ, подлъ, въ презрѣніи и не будешь имѣть въ своей власти даже войлока, на который посаженъ».

Наконецъ, Гаюка и его жену посадили на престолъ, подняли вверхъ и провозгласили его избраніе.

Всѣ поклонились новоизбранному хану и стали подносить ему разныя сокровища. Новый великій ханъ Гаюкъ благодарилъ и самъ раздавалъ подарки ханамъ, князьямъ и старшинамъ. Всему народу, собравшемуся въ громадномъ количествѣ на это торжество, раздавали говядину и похлебку съ солью.

Онъ умеръ, но политика его по отношенію къ татарамъ не умерла съ нимъ, не осталась безъ подражанія. Продолжателемъ ея явился сынъ его Александръ. Старшій изъ четырехъ его дѣтей, прозванный Невскимъ, онъ своими подвигами на пользу Руси пріобрѣлъ славную извѣстность.

Александръ Ярославичъ родился 30-го мая 1219-го года. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ сталъ жить въ Великомъ Новгородѣ. Тамъ совершены были надъ нимъ «постриги» [1]). Тамъ протекла вся почти молодость его.

Живя въ Новгородѣ, Александръ съ малыхъ лѣтъ познакомился съ вольностью этого города и волненіями въ немъ. Онъ еще въ юныхъ лѣтахъ испыталъ непостоянство новгородцевъ. Они не разъ прогоняли Ярослава съ нимъ изъ своего города и опять приглашали къ себѣ. Съ 1230 года молодой князь надолго, впрочемъ, не покидалъ Новгорода.

Въ 1236-мъ году Александръ Ярославичъ «сѣлъ на столѣ» Великаго Новгорода. Съ этого года онъ сталъ жить тамъ уже безъ отца, который уѣхалъ въ Кіевъ. Съ этого времени онъ начинаетъ свою самостоятельную дѣятельность.

Спустя два года (1238), онъ женился на княжнѣ Александрѣ, дочери Брячислава, князя полоцкаго. Молодой князь по этому случаю «чинилъ двѣ каши [2])—одну въ Торопцѣ, гдѣ происходило его вѣнчаніе, а другую—въ Новгородѣ.

Александръ Ярославичъ въ эту пору уже былъ вполнѣ сформировавшимся молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, статенъ, мужественъ и очень красивъ. Голосъ имѣлъ громкій, звучный. Когда онъ говорилъ передъ народомъ,—голосъ его «гремѣлъ, какъ труба».

Александръ былъ добръ, ласковъ, обходителенъ, но гдѣ нужно,—настойчивъ, требователенъ и даже суровъ. Характеромъ

---

[1]) На «постриги» въ древней Руси смотрѣли, какъ на посвященіе дитяти Богу, какъ на выраженіе преданности волѣ Божіей. Остриженные его волосы были какъ бы первою жертвою, которую приносилъ Богу непосредственно самъ постригаемый. Обрядъ постриженія обыкновенно происходилъ въ храмѣ. Четырехлѣтняго отрока ставили передъ царскими вратами. Княжескія дѣти постригались всегда почти епископами. При совершеніи обряда, архіерей произносилъ молитву, призывая на постригаемаго Божіе благословеніе. По окончаніи обряда, отрока сажали на коня и давали ему въ руки оружіе со стрѣлами. Это указывало на обязанность князя защищать отечество отъ враговъ. Затѣмъ слѣдовалъ домашній пиръ. Родители постриженнаго княжича угощали родственниковъ, съѣзжавшихся на это семейное торжество и дарили имъ коней, золотые и серебряные сосуды и проч. Послѣ постриговъ за княжичами смотрѣли уже не женщины—няньки, а мужчины—бояре.

[2]) Кашею тогда назывался у насъ свадебный пиръ.

онъ походилъ немного на отца своего и дѣда, отличавшихся крутымъ нравомъ.

Александръ Ярославичъ одаренъ былъ рѣдкими способностями. Онъ былъ великій полководецъ и искусный, дальновидный государственный дѣятель. Съ одними врагами онъ дрался, воевалъ и побѣждалъ ихъ, а передъ другими, которые были сильнѣе насъ, смирялся, кланялся, раболѣпствовалъ. Онъ умѣлъ и повелѣвать и подчиняться. Благо народа, интересы отечества онъ всегда ставилъ выше всѣхъ личныхъ интересовъ, выше своего самолюбія. Александръ умѣлъ прекрасно пользоваться обстоятельствами. Онъ всегда извлекалъ изъ нихъ пользу для Русской земли, онъ былъ самымъ виднымъ, самымъ лучшимъ представителемъ своего вѣка. Послѣ Владиміра Святого и Владиміра Мономаха, никто лучше его не понималъ нуждъ Россіи и никто больше его не сдѣлалъ для нея добра.

Незадолго до Невской битвы, въ Новгородъ приходилъ для переговоровъ съ Александромъ магистръ ливонскаго ордена Андрей Вильвенъ. Онъ былъ отъ князя въ восхищеніи. Возвратившись домой, Вильвенъ не зналъ, какъ похвалить нашего князя. «Прошедъ» —говорилъ онъ своимъ,—«многи страны и языки, и видѣхъ многи цари и князи, и нигдѣже такова красотою и мужествомъ не обрѣтохъ ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, якоже великій князь Александръ».

Общественно-государственная дѣятельность Александра Ярославича началась очень рано. Она началась борьбою его съ врагами сѣверо-западной Руси. Черезъ два года послѣ своей женитьбы, онъ уже совершилъ подвигъ, который сдѣлалъ его извѣстнымъ и дома — на Руси, и за-границей. Въ 1240-мъ году онъ одержалъ знаменитую Невскую побѣду.

Въ ту пору, когда южная и сѣверо-восточная Русь лежала въ развалинахъ отъ Батыева разгрома, сѣверо-западные русскіе славяне вели борьбу съ нѣмцами, шведами и литовцами. Нѣмцы были исконными врагами славянскаго племени. Поселившись въ началѣ XIII-го вѣка въ нынѣшнихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, ливонскіе рыцари сначала покорили и поработили тамошнихъ финскихъ туземцевъ, а потомъ обратили свое вниманіе и на славянъ, жившихъ къ востоку отъ послѣднихъ. Нѣмцы и шведы старались завоевать ихъ и окатоличить. Они смотрѣли на нашихъ псковичей и новгородцевъ не лучше, чѣмъ на язычниковъ. Они ненавидѣли нашихъ за то, что они мѣшали имъ порабощать финскія племена. Они терпѣть не могли новгородцевъ, которые протоводѣйствовали имъ, которые мѣшали имъ обра-

щать въ католичество какъ финскихъ язычниковъ, такъ и тѣхъ изъ нихъ, которые уже были православными христіанами.

Нѣмцы и шведы жаловались на нашихъ римскому папѣ. Святѣйшій отецъ, считавшійся тогда первымъ между западноевропейскими государями, приказалъ имъ завоевать ихъ. Папа благословилъ нѣмцевъ и шведовъ на крестовый походъ противъ новгородцевъ и псковичей. Они должны были покорить сѣверозападныхъ русскихъ славянъ, обратить ихъ въ католичество и подчинить главѣ римской церкви.

Первыми поднялись шведы. Они столкнулись съ новгородцами изъ-за Финляндіи. И шведы и русскіе распространяли тамъ христіанство. Шведы, обращая финновъ въ католичество, порабощали ихъ. Они въ этомъ случаѣ не пренебрегали никакимъ средствомъ. Не крестившихся по доброй волѣ они обращали въ католичество силою, обманомъ. Финны роптали, волновались, возставали противъ своихъ просвѣтителей-поработителей. Абоскій епископъ Томасъ своею алчностью и жестокостью довелъ новообращенныхъ финновъ до крайней степени озлобленія. Подстрекаемые новгородцами, финны-язычники вступили въ борьбу съ епископами. Они стали совершать страшныя неистовства. Однимъ проповѣдникамъ католичества, посылаемымъ Томасомъ, они выкалывали глаза и забивали гвозди въ голову. Другимъ—заливали горло растопленнымъ свинцомъ. Третьихъ миссіонеровъ озлобленные финны бросали въ пропасти и на съѣденіе звѣрямъ.

Папа, узнавъ объ этихъ ужасахъ, велѣлъ упсальскому архіепископу (1237 г.) проповѣдывать крестовый походъ противъ финновъ и русскихъ. Онъ обѣщалъ прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ этого похода, а падшимъ въ бою — вѣчное блаженство.

Начались приготовленія къ крестовому походу. Они продолжались больше двухъ лѣтъ. Въ храмахъ, при богослуженіи, стали раздаваться горячія проповѣди, призывающія къ участію въ походѣ. Священники указывали народу на яркую комету, явившуюся на востокѣ отъ Швеціи.

— «Туда спѣшите, братья!»—взывали они къ своимъ пасомымъ.—«Вотъ вамъ небесная путеводительница къ славѣ, къ вѣчному блаженству».

И проповѣдь пастырей, призывъ ихъ къ походу не остался безъ успѣха. Собралось многочисленное крестовое ополченіе. Оно состояло изъ шведовъ, норвежцевъ и порабощенныхъ финновъ. Въ ополченіи немало было также и искателей приключеній и до-

бычи. При войскѣ находились священники, монахи и нѣсколько епископовъ. Во главѣ всего крестоваго ополченія сталъ знаменитый тогдашній шведскій государственный мужъ, ярлъ [1]) Биргеръ.

Это былъ человѣкъ большого ума, крѣпкой воли, трудолюбивый и честолюбивый. За слабостью тогдашняго короля Эриха-Эрихсона, онъ управлялъ всѣми шведскими государственными дѣлами. Биргеръ преобразовалъ Швецію и основалъ Стокгольмъ. Онъ мечталъ быть преемникомъ своему королю. Пользуясь расположеніемъ и любовью шведовъ, онъ надѣялся легко достигнуть этого. Нужно было только, помимо всего сдѣланнаго имъ для Швеціи, прославить себя еще какимъ-нибудь важнымъ подвигомъ. Этого Биргеръ надѣялся достигнуть при помощи крестоваго похода, собраннаго противъ русскихъ. Этимъ походомъ онъ надѣялся и себя прославить и расширить шведскія владѣнія. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ затѣяннаго предпріятія. Биргеръ былъ убѣжденъ, что онъ съ своимъ войскомъ покоритъ новгородскую землю и обратитъ русскихъ въ латинство.

Многочисленное крестовое ополченіе, при пѣніи священныхъ гимновъ, съ крестомъ впереди, взошло на корабли. При общемъ сочувствіи шведовъ, при пожеланіи ему полнаго успѣха, ополченіе отправилось въ путь-дорогу.

Переходъ черезъ Балтійское море до устья рѣки Невы совершился благополучно.

Гордый и самонадѣянный Биргеръ съ дороги послалъ въ Новгородъ къ князю Александру объявленіе войны.

— «Я пришелъ»,—сказалъ онъ черезъ своего посла нашему князю,—«посѣтить твою землю. Если можешь сопротивляться мнѣ, то знай, что я уже въ твоей землѣ».

Александръ Ярославичъ, услышавъ этотъ заносчивый вызовъ, не смутился, не палъ духомъ. Рѣшивши неожиданному нападенію врага противопоставить рѣшительный отпоръ, онъ быстро приготовился къ походу. Онъ не сталъ ждать, когда шведы подойдутъ къ Новгороду, а рѣшился поскорѣе идти имъ навстрѣчу. Быстрота и внезапное нападеніе на врага—главное дѣло въ этомъ случаѣ. Медлить было нельзя. Непріятели были уже недалеко отъ Новгорода. И князь не медлилъ. Не дожидаясь ни откуда помощи, Александръ съ одною своею дружиною и нѣсколькими новгородцами рѣшился идти навстрѣчу грозному врагу.

Выстроивъ свое небольшое войско на соборной площади, Александръ Ярославичъ пошелъ помолиться въ храмъ Св. Софіи.

---

[1]) Ярлъ—приближенный шведскаго короля, намѣстникъ его, правитель государства.

Тамъ владыка Спиридонъ благословилъ его на святую брань. Архіепископъ благословилъ и воиновъ его, идущихъ защищать православную вѣру и новгородскую землю.

— «Братья»!—сказалъ князь Александръ своему войску по выходѣ изъ храма.—«Не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ! Вспомните слова псалмопѣвца: сіи во оружіи, и сіи на конѣхъ,—мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ... Не убойтесь множества ратныхъ, яко съ нами Богъ»!

Воодушевленные рѣчью князя, русскіе вышли изъ Новгорода и пошли къ Ладогѣ. Одни плыли на лодкахъ, а другіе шли по берегу на коняхъ. Въ Ладогѣ къ нимъ пристали ладожане, подручники Новгорода.

Наши шли торопливо. На дорогѣ къ Александру явился вожанинъ Пелгусій съ тайнымъ донесеніемъ. Онъ доложилъ князю о движеніи непріятелей и разсказалъ ему о о своемъ видѣніи.

Древнее вооруженіе русскихъ во время св. Александра Невскаго.

Новгородцы ставили на взморьѣ стражу. Она поручалась жителямъ водской земли [1]). Стоя при впаденіи Невы въ Финскій заливъ, стража обо всемъ видѣнномъ ею на морѣ доносила Новгороду. Надзирать за такимъ важнымъ дѣломъ поручалось пре-

[1]) Водь—финское племя. Она жила въ нынѣшней петербургской губерніи.

имущественно крещенымъ вожанамъ. Начальникомъ приморской стражи былъ тогда Пелгусій. Онъ былъ христіанинъ и назывался Филиппомъ. Онъ былъ добръ и справедливъ. Земляки его, язычники, среди которыхъ онъ жилъ, любили его и уважали. Новгородцы во всемъ довѣряли ему. Пелгусій былъ очень благочестивъ и постникъ. По средамъ и пятницамъ онъ ничего не ѣлъ. Онъ былъ очень набожный человѣкъ и удостоился чудеснаго видѣнія.

— «Мнѣ было видѣніе»,—сказалъ Пелгусій Александру Ярославичу,—«когда я стоялъ на взморьѣ. Я караулилъ, всю ночь не спалъ. Только что стало восходить солнце, какъ услышалъ я страшный шумъ по морю. Глянулъ,—плыветъ лодка. Однако еще далеко. Думаю, еще ничего, если шведы; успѣю нашихъ кликнуть. Сталъ всматриваться. Посреди лодки стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ. Одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ. На краю лодки сидѣли гребцы и работали веслами; ихъ одѣвала мгла, и нельзя было различить лика ихъ; но я услышалъ, какъ сказалъ Борисъ-мученикъ брату своему св. Глѣбу: «братъ Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу». И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба, и мнѣ стало страшно, такъ что я трепеталъ; и лодка отошла изъ глазъ у меня».

— «Бываютъ видѣнія отъ Бога»,—сказалъ князь, выслушавши Пелгусія,—«бываютъ и отъ врага рода человѣческаго. Притомъ иной услышитъ, приметъ съ вѣрою, а есть и такіе люди, что посмѣются. Только въ грѣхъ введешь ихъ разсказомъ. Такъ лучше же никому другому не говори объ этомъ видѣніи».

Между тѣмъ, непріятели, ничего не зная о нашемъ походѣ, спокойно плыли вверхъ по Невѣ. Дошедши до устья рѣки Ижоры, они остановились и бросили якорь. Вышедши на берегъ, они раскинули свои многочисленныя палатки. Шатеръ Биргера, стоявшій посединѣ лагеря, выдѣлялся изъ другихъ;—онъ былъ выше другихъ и имѣлъ золотой верхъ. Шведы разсчитывали хорошенько здѣсь отдохнуть. Они хотѣли отсюда идти на Ладогу, а оттуда уже къ Великому Новгороду. Имъ и въ голову не приходило, что русскіе могутъ быть вблизи ихъ. Не ожидая нападенія нашихъ, они размѣстились по шатрамъ и предались отдыху.

Было утро 15-го іюля 1240 года. Туманъ, покрывавшій окрестность, съ восходомъ солнца, сталъ разсѣиваться. Наступилъ день яркій и жаркій. Враги ничего не подозрѣвали... Выспавшись, они стали поджидать обѣда... и не дождались. Вмѣсто обѣда они увидѣли передъ собою русскихъ.

Появившись передъ непріятелями въ одиннадцать часовъ

утра, наши ударили на нихъ съ трехъ сторонъ. Наши стали рубить ихъ топорами и мечами. Они ворвались въ лагерь и поражали враговъ направо и налѣво.

Пораженные неожиданностью нападенія русскихъ, шведы пришли въ ужасъ. На нихъ напалъ столбнякъ, и они не знали, что дѣлать. Одни изъ нихъ бросились къ своимъ кораблямъ, а другіе, пришедши въ себя, стали защищаться. Началась битва. Она происходила тутъ и тамъ—въ разныхъ мѣстахъ непріятельскаго стана. Воюющіе разбились на кучки. Александръ Ярославичъ, вооруженный мечомъ, хладнокровно распоряжался боемъ. Онъ то въ одно мѣсто посылалъ подкрѣпленіе, то въ другое. Дѣйствуя мечомъ, онъ самъ то и дѣло появлялся въ разныхъ мѣстахъ боя. Столкнувшись съ самимъ Биргеромъ, Александръ ударилъ его мечомъ по головѣ и «возложилъ ему печать на лицо».

Воевода временъ Александра Невскаго.

Шведы дрались отчаянно, но ничего не могли подѣлать съ хладнокровною храбростью русскихъ. Наши съ самаго начала боя взяли верхъ надъ врагами и вездѣ ихъ поражали. Многіе наши храбрецы покрыли себя тутъ неувядаемою славою. Одинъ новгородецъ—Гаврило Олексичъ увидѣлъ, что шведы, всполошенные неожиданнымъ нашимъ нападеніемъ, уводили подъ руки на корабль какого-то знатнаго юношу. То былъ сынъ самого Биргера. Гаврило, верхомъ на конѣ, погналъ за ними и вскочилъ на доски, брошенныя съ корабля на берегъ. Шведы оттолкнули корабль, Гаврило съ конемъ полетѣлъ въ воду. Враги избавились отъ него, но не надолго. Выскочивъ изъ воды, Олексичъ поскакалъ по берегу, налетѣлъ на воеводу Спиридона, схватился съ нимъ и убилъ его. Подвернулся ему подъ руку шведскій епископъ,—онъ и тому не спустилъ,—и его уложилъ на мѣстѣ.—Другой новгородецъ—Сбыславъ Якуновичъ «много разъ въѣзжалъ въ самыя густыя полчища непріятелей съ однимъ только топоромъ и такъ безстрашно разсѣкалъ толпы противниковъ, что всѣ дивились его силѣ и храбрости». Третій новгородецъ—Миша

былъ не послѣдній удалецъ. Съ небольшою пѣшею дружиною онъ бросился на непріятельскіе корабли и три изъ нихъ пустилъ ко дну.—Лѣтописецъ, слышавшій о подробностяхъ этого боя отъ самого князя Александра, упоминаетъ и о другихъ тогдашнихъ нашихъ герояхъ. Онъ сохранилъ имя Якова Полочанина. Это былъ княжескій ловчій. «Съ своимъ мечемъ онъ одинъ ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ князь похвалилъ его за то».—Ратмиръ, слуга князя, показалъ необыкновенную удаль. Онъ пѣшій ворвался въ толпу непріятелей и поражалъ ихъ направо и налѣво. Многихъ онъ погубилъ, и самъ палъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему шведами.—Незабытъ былъ лѣтописцемъ и новгородецъ Савва. Онъ былъ младшій воинъ, но прославился не меньше старшихъ. Онъ бросился на златоверхій шатеръ Биргера и подсѣкъ столпъ у него. Онъ уронилъ шатеръ «и тѣмъ возвѣстилъ побѣду полкамъ Александровымъ, которые, видя паденіе шатра непріятельскаго, возрадовались».

Схватки нашихъ съ непріятелями продолжались до самаго вечера. Съ наступленіемъ сумерекъ, шведы, уцѣлѣвшіе отъ русскаго топора и меча, ушли на свои корабли. Зарывши въ большихъ ямахъ трупы простыхъ воиновъ, они тѣла знатныхъ товарищей взяли съ собою на суда. Они нагрузили ими цѣлыхъ три корабля. Ночью шведы снялись съ якоря и внизъ по Невѣ—поплыли домой.

На другой день на мѣстѣ побоища виднѣлись разорванные шатры, неподобранные непріятельскіе трупы и наскоро вырытыя ямы, наполненныя убитыми.

Непріятели въ этой битвѣ потеряли очень много воиновъ, а у насъ было убито всего только двадцать человѣкъ. Такъ дешево обошлась намъ эта славная Невская побѣда! Приписывая ее небесной помощи, всѣ въ ту же пору хвалили мудрую сообразительность новгородскаго князя. Всѣ превозносили Александра за его хладнокровную распорядительность во время боя—за геройскую его отвагу. Не даромъ современники князя и потомство дали ему имя *Невскаго*.

Невская побѣда обратила на Александра Ярославича всеобщее вниманіе—и своихъ и иноземцевъ. Она доставила ему громкую славу.

Всѣ русскіе были рады этой славной побѣдѣ, но новгородцы—больше всѣхъ. Они знали, какъ незначительно было войско Александра въ сравненіи съ большими непріятельскими силами. Новгородцы встрѣтили князя съ восторгомъ. Всѣ ликовали,

всѣ веселились, пировали. Они не знали, какъ и чѣмъ угодить своему герою... Но это продолжалось не долго. Зимою того же 1240 года Александръ Ярославичъ ушелъ изъ Новгорода. Разсорившись изъ-за чего-то съ безпокойными новгородцами, онъ съ женою, дворомъ своимъ и дружиною уѣхалъ въ суздальскую землю—въ Переяславль.

Новгородцы скоро стали жалѣть объ Александрѣ Невскомъ. Имъ грозила новая бѣда, на нихъ надвигалась новая туча. Ихъ стали тѣснить нѣмцы. Ливонцы намѣревались завоевать и самый Новгородъ.

Русскихъ считали тогда въ Западной Европѣ врагами римскаго папы и католической церкви. За защиту непокорныхъ рыцарямъ финскихъ язычниковъ [1]), за возбужденіе новообращенныхъ къ отступничеству отъ латинства, они считались тамъ врагами даже самаго христіанства. Какъ и шведы, ливонскіе рыцари, по благословенію папы, рѣшили за все это покорить псковичей и новгородцевъ, поработить ихъ и окатоличить.

На первыхъ порахъ дѣла рыцарей пошли очень удачно. Они взяли Изборскъ, находящійся близъ Пскова, и разгромили его. Они тамъ никого не щадили. Однихъ жителей они убивали, а другихъ забирали въ плѣнъ.

Псковичи пошли на рыцарей. Они хотѣли отнять у нихъ Изборскъ. Русскіе вступили съ ними въ битву и проиграли ее. Нѣмцы разбили ихъ на голову. Восемьсотъ человѣкъ легли на мѣстѣ, а остальные побѣжали домой. Рыцари погнались за ними и подступили къ Пскову. Они разбили свои шатры. Началась осада. Враги жгли окрестныя деревни, села и монастыри.

Во Псковѣ нашлись измѣнники. Они завели переговоры съ нѣмцами и сдали имъ городъ. Псковъ со всею своею землею очутился въ рукахъ ливонскихъ рыцарей. Это было въ 1240-мъ г.

Нѣмцы стали хозяйничать во Псковѣ. Упоенные легкою побѣдою, они стали готовиться къ покоренію и самого Великаго Новгорода. Псковскіе измѣнники помогали имъ тутъ своими совѣтами.

Начались набѣги на новгородскую землю. Вожане были по, корены. Копорье—взято и укрѣплено. Рыцари взяли новгородскій пригородокъ Лугу. Они грабили все и всѣхъ. Они отнимали у туземцевъ лошадей, коровъ, свиней,—все, что имъ нравилось. Вопль распространился по всей землѣ: рыцари носились въ разныя стороны. Они появлялись вблизи самого Новгорода. Въ

---

[1]) Эти финны жили по восточнымъ границамъ нынѣшней Эстляндіи и Лифляндіи.

тридцати верстахъ отъ него новгородскимъ купцамъ уже опасно было появляться. Нѣмцы хватали ихъ, грабили и убивали. Изъ Пскова, Луги и другихъ захваченныхъ ими мѣстъ народъ толпами бѣжалъ въ Новгородъ, прося крова и защиты.

Что было тутъ дѣлать новгородцамъ? Какъ помочь горю другихъ и самимъ избавиться отъ надвигавшейся опасности?... Новгородцы ясно видѣли, чего хотятъ нѣмцы, къ чему они стремятся. Они видѣли, что рыцарямъ хочется захватить Новгородъ, поработить его и окатоличить. Какъ же тутъ быть? Какъ прогнать ихъ изъ новгородской земли, какъ отнять у нихъ Псковъ?.. У нихъ въ ту пору былъ князь Андрей, второй сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича. Но этотъ князь не могъ помочь имъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ. И умомъ и характеромъ онъ былъ не изъ особенно выдающихся князей. Новгородцамъ могъ тутъ помочь одинъ только Александръ Невскій. Это они знали, въ этомъ они были убѣждены... Нужно его звать къ себѣ. Нужно просить, чтобы онъ поскорѣе прибылъ къ нимъ... И вотъ посольство изъ лучшихъ людей, во главѣ съ архіепископомъ, отправилось къ великому князю съ просьбою о возвращеніи въ Новгородъ старшаго его сына.

Александръ Невскій не заставилъ себя упрашивать. Забывъ свои нелады съ новгородцами, онъ отправился къ нимъ на помощь. Онъ видѣлъ, что тутъ дѣло идетъ не объ одномъ Новгородѣ, а касается всей Русской земли.

Въ 1241-мъ году Александръ Ярославичъ прибылъ въ Новгородъ. Народъ встрѣтилъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Сейчасъ же собралось около него небольшое ополченіе. Александръ двинулся съ нимъ на Копорье. Онъ отнялъ его у нѣмцевъ и разрушилъ. Одни изъ враговъ погибли въ битвѣ, а другіе отведены плѣнниками въ Новгородъ. Наказавши русскихъ измѣнниковъ, Александръ, «милостивый паче мѣры», нѣкоторыхъ плѣнныхъ нѣмцевъ помиловалъ и отпустилъ на свободу.

Теперь надо было освободить Псковъ. Александръ поѣхалъ къ отцу своему во Владиміръ, взялъ у него войско и привелъ его въ Новгородъ. Составивъ ополченіе изъ суздальской рати, новгородцевъ и ладожанъ, онъ повелъ его на Псковъ. Городъ не долго сопротивлялся. Нѣмцы были выгнаны изъ него. Два нѣмца, намѣстники Пскова, были закованы въ цѣпи и отправлены въ Новгородъ. Русскіе вторгались въ нѣмецкія земли и стали ихъ опустошать. Они жгли селенія и избивали жителей. Много тутъ погибло нѣмцевъ, не ожидавшихъ нашего нападенія.

Новгородцы опустошали нѣмецкія владѣнія, но самъ Але-

ксандръ Невскій не двигался съ мѣста. Онъ жилъ во Псковѣ и ждалъ войны съ ливонскими рыцарями. Онъ былъ увѣренъ, что они захотятъ возвратить Псковъ, захотятъ отнять его у русскихъ.

И онъ не ошибся. Пораженные вѣстью о потерѣ Пскова, ливонскіе рыцари рѣшились, во что бы то ни стало, снова отнять его у насъ. Вся Ливонія поднялась на ноги. Быстро составилось громадное ополченіе изъ рыцарей и чуди. Магистръ ливонскаго ордена и епископы были увѣрены въ успѣхѣ предпріятія. —«Пойдемъ»,—хвастались нѣмцы,—«погубимъ великаго князя русскаго, возьмемъ Александра живымъ въ плѣнъ. Не мы будемъ, если этого не сдѣлаемъ».

Нѣмецкое ополченіе шло по льду Чудскаго озера. Оно хотѣло дойти до Пскова по льду. Но Александръ Невскій, узнавши объ этомъ, самъ выступилъ на встрѣчу ему изъ Пскова по льду же. Онъ остановился съ своимъ войскомъ у скалы Вороній Камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское [1]). Мѣсто это названо за то, что тамъ постоянно кружатся во́роны.

Нѣмцы шли стройными рядами. Сверкая издали своими доспѣхами, они стѣною двигались на нашихъ.

Съ высоты уступа Александръ внимательно слѣдилъ за движеніями непріятелей. Что́ онъ думалъ тогда, что чувствовалъ?!.. Онъ стоялъ молча, никому ничего не говорилъ. Только уже съ приближеніемъ врага, онъ прервалъ свое молчаніе.

— «Суди мнѣ, Боже»,—произнесъ князь громкимъ голосомъ, поднявъ руки вверхъ,—«и разсуди споръ мой съ этимъ велерѣчивымъ народомъ! Помоги мнѣ, Господи, какъ Ты нѣкогда помогалъ прародителю моему, Ярославу, противъ окаяннаго Святополка!»

— «Мы всѣ положимъ за тебя свои головы, князь!»—раздались въ отвѣтъ на его слова восклицанія среди войска.—«Мы всѣ готовы умереть за тебя!»

Александръ Невскій двинулъ свое войско навстрѣчу приближавшемуся врагу.

Было пятое апрѣля 1242 года. Ледъ на озерѣ уже не вездѣ былъ крѣпокъ. На дворѣ было раннее утро. Солнце только что восходило.

Русскіе, приблизившись къ непріятелямъ, стремительно бро-

---

[1]) Чудское озеро, или Пейпусъ, находится въ псковской губерніи. Оно соединяется проливомъ, или, такъ называемымъ, Теплымъ озеромъ, съ малымъ Пейпусомъ, или Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90, ширина 47 верстъ. Длина озеръ Теплаго и Псковскаго 50 верстъ. Ширина Теплаго—9, Псковскаго—20 верстъ.

сились на нихъ. Началась непродолжительная, но отчаянная битва. «Поднялся»,—по словамъ очевидца,—«трескъ отъ ломки копій и звукъ отъ мечнаго сѣченія. Казалось, двинулось замерзшее озеро, и великая сталась сѣча нѣмцевѣ и чуди съ нами, и льду не видно было; все покрылось кровью».

Александръ, слѣдившій за боемъ, сдѣлалъ искусное обходное движеніе. Онъ ударилъ на непріятеля съ отборными войсками съ той стороны, откуда онъ вовсе не ожидалъ нападенія. Ударъ этотъ смутилъ враговъ. Они дрогнули, стали мѣшаться и попятились назадъ. Наши замѣтили это и усилили нападеніе. Они ожесточеннѣе прежняго стали рубить ихъ мечами и топорами. Враги не выдержали этого натиска, обернули тылъ и побѣжали назадъ. Русскіе—за ними. Преслѣдуя ихъ по пятамъ, они били непріятелей, колотили и убивали. Наши гнались за ними по льду цѣлыхъ семь верстъ. До самаго Суболическаго берега озеро было покрыто непріятельскими трупами. Рыцарей было побито болѣе пятисотъ человѣкъ, а чуди пропало безчисленное множество». Многіе провалились подъ ледъ и утонули. Другіе изъ бѣжавшихъ умирали отъ ранъ на дорогѣ. Въ плѣнъ было взято очень много.

Грозное непріятельское войско болѣе не существовало.

Съ торжествомъ возвращался Александръ Невскій во Псковъ, освобожденный имъ отъ нѣмцевъ. Близъ коня его вели плѣнныхъ знатныхъ ливонскихъ рыцарей. За нимъ гнали толпу простыхъ плѣнниковъ. Духовенство съ крестами и иконами и псковичи вышли ему навстрѣчу. Всѣ издавали радостные крики, всѣ пѣли хвалебныя, торжественныя пѣсни.

— «Богъ, пособивый Давиду на иноплеменниковъ»,—восклицали одни,—«освободилъ нашъ городъ Псковъ отъ иноязычниковъ рукою великаго князя Александра Ярославича».

— «Прославилъ Богъ великаго князя Александра Ярославича»,—говорили другіе псковичи,—«передъ всѣми полками, яко Іисуса Навина у Ерихона! Вотъ говорили нѣмцы: возьмемъ великаго князя Александра руками... Но Богъ предалъ ихъ въ руки его, и не нашлось ему противника въ брани!»

Псковичи праздновали побѣду на Чудскомъ озерѣ нѣсколько дней. Они радушно угощали побѣдителей. Современники прекрасно понимали важность побѣды надъ ливонскими рыцарями. «О, псковичи!»—восклицаетъ авторъ біографіи Александра Невскаго,—«если забудете великаго князя Александра Ярославича или отступите отъ его рода и не примете къ себѣ кого-либо изъ его потомковъ, кто изъ нихъ въ несчастіи прибѣгнетъ къ вамъ, то уподобитесь жидамъ («наречетесь вторая жидова»), которые

забыли Бога, изведшаго ихъ изъ работы египетской и пропитавшаго ихъ въ пустынѣ манною и печеными коростелями».

Отдохнувши во Псковѣ, Александръ отправился въ Новгородъ. Онъ повелъ туда своихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ледовомъ побоищѣ.

И въ Новгородѣ встрѣтили Александра съ честію. И тамъ славили Невскаго и превозносили.

Но самъ герой не превозносился своими славными побѣдами. Онъ былъ очень скроменъ и не славолюбивъ. Но его «прослави Богъ». Со времени Ледового побоища «имя великаго князя Александра Ярославича прославилось отъ моря Варяжскаго до моря Понтежскаго и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратскихъ объ ону страну моря Варяжскаго, и горъ Аравитскихъ, даже до Рима великаго; имя его стало извѣстнымъ тьмамъ темъ и тысячамъ тысячъ людей».

Ледовое побоище сильно напугало нѣмцевъ. Они думали, что Александръ Ярославичъ пойдетъ внутрь ихъ владѣній и будетъ громить ихъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Нашъ князь не любилъ захватывать чужихъ владѣній. Онъ только отбивался отъ враговъ, но не нападалъ,—не завоевывалъ ихъ земель. Нѣмцы поспѣшили заключить съ нами миръ. Они отказались отъ Пскова, Луги, Води и всего того, на что покушались. Обѣ стороны размѣнялись плѣнными.

Эти двѣ побѣды Чудская и Невская имѣли важное значеніе въ нашей исторіи. Онѣ остановили напоръ нѣмцевъ на востокъ Европы. Подчинивши себѣ прибалтійскихъ славянъ, нѣмцы, послѣ этихъ двухъ несчастныхъ для себя битвъ, оставили мысль о порабощеніи себѣ русскихъ славянъ. Они увидѣли, что русскіе— не ливь или какая-то тамъ водь. Завоеванные татарами, они все-же были настолько сильны, что дали и всегда могутъ дать нѣмцамъ сильный отпоръ. Въ этомъ нѣмцы и шведы убѣдились, и въ своихъ завоеваніяхъ на востокѣ Европы не пошли дальше Ливоніи и западной Финляндіи.

Послѣ этихъ двухъ нашихъ побѣдъ и папы оставили мысль объ окатоличеніи русскихъ силою. Наученные горькимъ опытомъ, они перестали собирать и посылать крестовые походы противъ нашихъ предковъ. Съ этихъ поръ они стали прибѣгать къ другому средству въ этомъ дѣлѣ—къ переговорамъ. Римскіе папы стали убѣждать нашихъ предковъ къ переходу въ католичество, уговаривать. Съ этихъ поръ на Руси стали появляться посольства отъ главы римской церкви. Но всѣ они не достигали своей цѣли. Всѣ старанія папъ ни къ чему не приводили.

По заключеніи мира съ нѣмцами, Александру Невскому не пришлось долго отдыхать. Въ томъ же 1242-мъ году ему пришлось вести борьбу съ литовцами.

Литовское племя, родственное славянамъ по языку и религіи, обитало по восточному берегу Балтійскаго моря. Оно жило по нижнему теченію З. Двины, по Нѣману съ его притоками и въ области нижней Вислы. Литовцы дѣлились на нѣсколько племенъ, управлявшихся своими князьями. Это былъ народъ свирѣпый, полудикій. Живя въ лѣсахъ и дебряхъ, они выходили изъ нихъ только для грабежа сосѣдей. Они нападали на русскихъ и грабили ихъ. Они жгли деревни, села и уводили жителей въ плѣнъ. Доставалось и литовцамъ отъ нашихъ. Прогоняя ихъ изъ своей земли, русскіе иногда забирались вглубь ихъ лѣсовъ и брали дань съ нихъ лыками и вѣниками.

Въ XIII-мъ вѣкѣ литовцы усилили свои набѣги на русскія земли. Они нерѣдко нападали на юго-западныя новгородскія владѣнія. Лѣтомъ 1242 года они сдѣлали большой набѣгъ на новгородскую землю. Раздѣлившись на семь отрядовъ, они стали сильно опустошать ее. Литовцы надѣялись, пограбивъ ее, безнаказанно возвратиться домой. Но это имъ не удалось. Александръ Ярославичъ, узнавъ объ этомъ набѣгѣ, выступилъ имъ на встрѣчу съ небольшимъ войскомъ. Онъ въ одинъ походъ разбилъ всѣ эти отряды. Одни литовскіе князья, находившіеся при войскѣ, были избиты, а другіе взяты въ плѣнъ. Раздраженные опустошеніями враговъ, новгородцы не щадили плѣнныхъ. Они привязывали ихъ къ лошадинымъ хвостамъ и безпощадно били. Они гнали ихъ за собою, какъ скотъ, нестройными толпами.

Литовцы присмирѣли послѣ этого, но не надолго. Оправившись отъ понесеннаго пораженія, они въ 1245-мъ году сдѣлали новое нападеніе на новгородскія владѣнія. Проникши до Торжка и Бѣжецка, они жестоко опустошали окрестности этихъ городовъ. Съ награбленной добычей они собирались уже домой, какъ подъ стѣнами Торопца были настигнуты новгородцами, тверичами и дмитровцами. Произошла схватка. Литовцы были разбиты. Они засѣли въ Торопцѣ, и засѣли на свою бѣду. На другой день, утромъ, явился подъ стѣнами города непобѣдимый Александръ Невскій. Торопецъ въ тотъ же день былъ взятъ. Литовцы въ ужасѣ бросились бѣжать изъ города. Они надѣялись на быстроту своихъ коней, но русскіе догоняли ихъ и сѣкли топорами и мечами. Однихъ князей было убито восемь человѣкъ. Вся награбленная литовцами добыча досталась побѣдителямъ.

Довольные побѣдой, новгородцы не стали дальше преслѣ-

довать враговъ. Но Александръ Ярославичъ думалъ иначе. Онъ зналъ, что съ полудикарями—литовцами нельзя заключать прочныхъ договоровъ. Они, при первомъ удобномъ случаѣ, нарушаютъ ихъ. Князь былъ убѣжденъ, что одна только боязнь передъ силою можетъ удерживать ихъ отъ новыхъ набѣговъ. Чтобы проучить хорошенько литовцевъ, онъ рѣшился дать имъ такой урокъ, который они долго бы не забыли. Поэтому, не теряя времени, Александръ Ярославичъ съ одною своею дружиною погнался за врагами, успѣвшими спастись бѣгствомъ. Онъ настигъ ихъ у озера Жизца [1]), гдѣ бѣглецы—литовцы расположились было отдохнуть. Онъ всѣхъ ихъ тутъ перебилъ до послѣдняго человѣка. Никто изъ литовцевъ не остался живымъ.

Послѣ этого Александръ Ярославичъ прибылъ въ Витебскъ, гдѣ въ то время княжилъ тесть его Брячиславъ. Погостивши у него нѣсколько дней, онъ отправился домой. Идя съ своей дружиной въ Новгородъ, онъ вдругъ на дорогѣ встрѣтился съ нѣсколькими отрядами литовцевъ. Это было близъ мѣстечка Усвята [2]). Неожиданное появленіе небольшой кучки русскихъ привело въ ужасъ литовцевъ. Несмотря на свою многочисленность, они бросились бѣжать. Александръ погнался за ними и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе.

Такимъ образомъ Александръ Невскій защитилъ сѣверо-западную Русь отъ нападавшихъ на него сосѣдей. И шведовъ онъ разбилъ, и нѣмцевъ разгромилъ, и Литвѣ немало отъ него досталось. Хотя нѣмцы и производили иногда послѣ него нападенія на псковскія земли, но уже мысль о подчиненіи себѣ сѣверо-западной Руси они оставили навсегда.

Совсѣмъ иначе Александръ Невскій относился къ врагамъ остальной Руси—къ татарамъ, ее поработившимъ. Тутъ онъ держался совершенно другихъ правилъ. Онъ не ссорился съ ними, а во всемъ угождалъ имъ. Онъ понималъ, что тогдашней Руси бороться съ ними было еще нельзя, не подъ силу. Когда въ 1242-мъ году позвали его въ орду,—онъ безъ промедленія отправился туда. Какъ князь Великаго Новгорода, не завоеваннаго татарами, онъ могъ бы, конечно, и не ѣхать,—но онъ этого не сдѣлалъ.

Слава о военныхъ подвигахъ Александра Ярославича, распространившаяся по всей Руси и за границей, дошла и до Батыя. Самъ храбрый воинъ, татарскій ханъ захотѣлъ посмотрѣть на

---

[1]) Это озеро находилось въ торопецкой области.

[2]) Это мѣстечко находится въ витебской губерніи, сурожскаго уѣзда, при озерѣ того же имени.

русскаго героя. Онъ захотѣлъ взглянуть на русскаго князя, разбившаго нѣмецкихъ рыцарей, кичившихся своею храбростью и ловкостью. Батый послалъ за Александромъ Невскимъ.

— «Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы»,—сказалъ онъ новгородскому князю черезъ своего посла,—«ты ли одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Но если хочешь сохранить за собою землю свою,—прійди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего».

Александръ поѣхалъ. Путь былъ далекій. Проѣхавъ благополучно русскія земли, онъ вступилъ въ волжскія степи. Тутъ князю стали попадаться табуны татарскихъ лошадей, стада разнаго скота и наѣздники. Онъ проѣзжалъ татарскія селенія, состоявшія изъ грязныхъ юртъ, но городовъ не встрѣчалъ. Тогда на Волгѣ не было еще татарскихъ городовъ. Были города, но не постоянные, а, такъ сказать, подвижные. Татары были кочевники. Они не любили долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Понравится Батыю какое-нибудь мѣсто, и онъ приказываетъ раскинуть тутъ палатки. Начинается торговля, появляются мастеровые. Жизнь идетъ, какъ въ городѣ. Проходитъ недѣля, другая, мѣсяцъ,—Батыю наскучило, надоѣло жить на одномъ мѣстѣ. Онъ приказываетъ сниматься. И, вотъ, всѣ начинаютъ укладываться. Огромный обозъ въ нѣсколько тысячъ телѣгъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ, съ табунами лошадей, двигался нѣсколько дней, двигался затѣмъ, чтобы, по приказанію хана, снова расположиться станомъ.

Въ такой станъ прибылъ и Александръ Ярославичъ. Его не сразу допустили къ хану. Онъ долженъ былъ, по татарскому обычаю, напередъ пройти «сквозь огнь и поклонитися кусту и огневи и идоломъ ихъ».

Александръ, по преданію, отказался исполнить эти обряды.

— «Я христіанинъ»,—сказалъ онъ,—«и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я покланяюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо и землю и все, что въ нихъ».

Пошли доложить о поступкѣ русскаго князя Батыю. Всѣ думали, что ханъ прикажетъ умертвить Александра, всѣ ожидали этого. Но ожиданіе ихъ не исполнилось. Батый, къ удивленію всѣхъ, приказалъ не принуждать Невскаго къ исполненію обрядовъ.

Наконецъ Александръ Ярославичъ предсталъ предъ лицо Батыя. Невскій герой сталъ на колѣни и поклонился хану.

— «Царь!»—произнесъ онъ,—«я покланяюсь тебѣ потому, что Богъ почтилъ тебя царствомъ, но твари не стану кланяться... Я служу единому Богу, Его чту и Ему покланяюсь».

Александръ поднялся. Величественный видъ, мужественная осанка и красота его поразили татарскаго хана. Поговоривши съ нимъ, Батый увидѣлъ, что передъ нимъ—князь, далеко превосходящій другихъ князей своимъ умомъ и достоинствомъ.

— «Все, что мнѣ ни говорили объ немъ»,—сказалъ ханъ, обращаясь къ окружающимъ,—«все правда: нѣтъ подобнаго этому князю».

Въ ордѣ Александръ Ярославичъ познакомился съ чиновниками и вельможами ханскими. И ихъ и женъ ханскихъ онъ щедро одарилъ. Ко всѣмъ онъ былъ тамъ почтителенъ, со всѣми любезенъ. Въ ордѣ полюбили нашего князя. При отъѣздѣ Александра домой, его тамъ, говорятъ, одарили даже.

Въ 1246-мъ году умеръ великій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Его мѣсто занялъ братъ его Святославъ. Это было по старинѣ, по обычаю. Святославъ Всеволодовичъ былъ старшій въ родѣ. Ставши великимъ княземъ, поселившись во Владимірѣ, онъ роздалъ удѣлы своимъ племянникамъ, роздалъ ихъ согласно завѣщанію ихъ покойнаго отца.

Новый великій князь былъ человѣкъ слабый, вялый, непредпріимчивый. Въ способностяхъ онъ уступалъ своимъ племянникамъ, Ярославичамъ. Двое изъ нихъ,—Александръ и Андрей Ярославичи,—вскорѣ послѣ похоронъ своего отца, отправились въ волжскую орду. Батый очень ласково встрѣтилъ Невскаго героя. По волѣ хана, Ярославичи отправились въ великую орду, за Байкалъ. Они должны были тамъ поклониться великому хану, отъ котораго въ небольшой зависимости находился Батый.

Путь былъ далекій и небезопасный. Батый далъ Ярославичамъ въ проводники своихъ чиновниковъ. Они доставляли имъ перемѣнныхъ лошадей. Путь нашимъ князьямъ лежалъ черезъ необозримыя средне-азіатскія степи. Они проѣзжали по странамъ, нѣкогда цвѣтущимъ, а теперь разореннымъ монголами. За исключеніемъ Ташкента и еще немногихъ городовъ, всѣ остальные города лежали въ развалинахъ. Груды человѣческихъ костей и громадныя кучи мусора обозначали мѣста прежнихъ селеній и городовъ. Наши князья немало голодали. Имъ не разъ приходилось спать подъ открытымъ небомъ, безъ пищи и питья. Селенія были рѣдки, да и въ тѣхъ была крайняя нищета. Немало терпѣли князья и отъ холода и жары. Ночью былъ холодъ, а днемъ—невыносимая жара. Солнце пекло ихъ отъ своего восхода до самаго заката. Ни капли дождя, ни даже вѣтерка, дающаго небольшую прохладу. Тихо кругомъ, пустынно. Впереди и по сторонамъ ихъ играли обманчивые миражи...

Измученные трудною и продолжительною дорогою, братья Ярославичи добрались наконецъ до Монголіи и прибыли въ Каракорумъ,—столицу великаго хана.

Каракорумъ—громадный городъ. Онъ былъ обнесенъ толстою глиняною стѣной съ четырьмя воротами. Въ немъ были большія зданія для ханской свиты, вельможъ, чиновниковъ и прислуги... Населеніе города было самое разнообразное. Тамъ толпились представители всѣхъ народовъ, порабощенныхъ монголами. Тамъ встрѣчались французскіе и нѣмецкіе художники и ремесленники. Вездѣ и повсюду слышался разнорѣчивый говоръ. Въ разныхъ мѣстахъ столицы виднѣлись мечети, языческія кумирни и христіанскіе храмы. Католики и православные свободно отправляли свое богослуженіе въ Каракорумѣ. Самъ великій ханъ жилъ за городомъ въ громадномъ и богато украшенномъ дворцѣ. Самъ онъ принималъ пословъ, возсѣдалъ съ одною изъ своихъ женъ на возвышеніи, украшенномъ массою золота и серебра. И самъ великій ханъ и вельможи его всегда одѣвались богато и роскошно. Одежды ихъ украшались золотомъ и дорогими камнями. Конская сбруя—и та блистала золотомъ и драгоцѣнными камнями. Но всѣ эти украшенія носили печать варварства, смѣшаннаго съ нелѣпою роскошью. Все у монголовъ было безвкусно, грубо, неизящно. Безобразные, нечистоплотные, считавшіе опрятность даже порокомъ, варвары питались такою пищею, одно описаніе которой возбуждаетъ отвращеніе. Гордые и высокомѣрные, монголы считали себя, по волѣ Бога, обладателями всей вселенной.

Великій ханъ не любилъ долго жить на одномъ мѣстѣ. Какъ и волжскіе ханы, онъ проводилъ жизнь, переѣзжая съ одного мѣста на другое. Гдѣ ему нравилось, тамъ раскидывались палатки. Одна изъ нихъ, обитая внутри листовымъ золотомъ и украшенная драгоцѣнностями, отнятыми у побѣжденныхъ народовъ, служила помѣщеніемъ для самого великаго хана. Вокругъ этого обширнаго стана паслись громадныя стада лошадей, верблюдовъ, козъ, овецъ и рогатаго скота. Возникалъ многолюдный городъ и исчезалъ, появляясь снова въ другомъ мѣстѣ.

Гдѣ именно—въ какомъ мѣстѣ наши князья, братья Ярославичи представились и поклонились великому хану,—неизвѣстно, но они были приняты имъ радушно, ласково. Проживъ немало времени въ великой ордѣ, наши князья стали собираться домой. Передъ отъѣздомъ они получили отъ великаго хана ярлыки на владѣнія въ своей землѣ. Александру Невскому отданъ былъ Кіевъ съ Южною Русью, Новгородъ и Переяславль Залѣсскій, а младшему князю Андрею Ярославичу—Владиміръ съ остальною

Русью. Старшему брату оказано было предпочтеніе передъ младшимъ, но Александръ врядъ ли былъ доволенъ этимъ. Кіевъ—мать русскихъ городовъ—былъ старше Владиміра, но онъ послѣ нашествія татаръ скорѣе походилъ на деревню, чѣмъ на городъ. Онъ въ ту пору былъ несравненно хуже какого-нибудь нынѣшняго захудалаго Городища. Вся Южная Русь до того была разорена варварами, такъ была малолюдна, что Александръ могъ быть великимъ княземъ только по имени. Между тѣмъ, Владиміръ еще со временъ Андрея Боголюбскаго возвысился надъ Кіевомъ. Теперь онъ былъ средоточіемъ всей Русской земли. Владиміръ въ ту пору былъ сильнымъ и, сравнительно, богатымъ и многолюднымъ городомъ.

Такимъ образомъ Святославъ Всеволодовичъ, великій князь владимірскій, долженъ былъ, по волѣ великаго хана, уступить свое мѣсто племяннику своему Андрею Ярославичу. Святославъ и уступилъ его безъ всякаго возраженія.

Этотъ несчастый Святославъ уже во второй разъ лишается великокняжескаго стола. Въ первый разъ у него отнялъ его младшій племянникъ, Михаилъ Ярославичъ, князь московскій. Умный, бойкій, храбрый и рѣшительный, онъ задумалъ воспользоваться слабостью своего дяди. Не надѣясь на благополучное возвращеніе домой своихъ старшихъ братьевъ, отправившихся въ великую орду, онъ, не разсуждая долго, выгналъ Святослава изъ Владиміра и сѣлъ на его мѣсто. Никто изъ князей не возражалъ противъ этого. Напротивъ, когда этотъ самозванный великій князь сталъ въ 1248 году собирать войско противъ литовцевъ,—многіе удѣльные князья стали подъ его знамена. Походъ былъ удаченъ: русскіе, на берегахъ рѣки Протвы [1]), разбили литовцевъ, но лишились своего Хоробрита [2]), предводителя. Великій князь былъ убитъ. Тѣло его привезли во Владиміръ и «съ великою честью» положили въ соборномъ храмѣ. Покойный князь въ короткое время пріобрѣлъ всеобщее расположеніе. Князья, бояре, духовенство и народъ сожалѣли о безвременной кончинѣ храбраго князя. «Плакашеся братья его и бояре надъ нимъ». По смерти Хоробрита великимъ княземъ сталъ опять Святославъ Всеволодовичъ, но, какъ мы видѣли, не на-долго.

Братья-князья Александръ и Андрей Ярославичи возвратились домой благополучно.

Эти поѣздки въ волжскую орду и Монголію многому научили Александра Невскаго. Поживши среди татаро-монголовъ, онъ по-

[1]) Рѣка Протва въ смоленской землѣ.

[2]) Михаила Ярославича современники звали этимъ именемъ за его храбрость.

знакомился съ ихъ нравами, стремленіями и политическими взглядами. Онъ подмѣтилъ, что варвары лѣнивы, что они не любятъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь завоеванныхъ ими народовъ. Онъ замѣтилъ, что они не намѣрены трогать и нашей вѣры, нашихъ обычаевъ, языка, нашего управленія. Кочевники—плохіе государственные дѣятели. Они хотѣли довольствоваться одною данью и безусловною покорностью. Требуя послѣдней, они полагались лишь на одну грубую матеріальную силу. Монголы-татары были свирѣпы съ тѣми, которые возставали противъ нихъ, которые хотѣли освободиться изъ-подъ ихъ зависимости. Они жгли ихъ селенія и города и самихъ безпощадно избивали. Къ покорнымъ же народамъ, завоеваннымъ ими,—къ тѣмъ, которые исправно платили имъ дань, которые имъ были во всемъ послушны,—къ этимъ они всегда были снисходительны. Татары были сильны своею численностью, сплоченностью, сильны своимъ безусловнымъ подчиненіемъ одной ханской власти. Съ ними трудно было тогда бороться.

Александръ Ярославичъ все это понялъ и пришелъ къ убѣжденію, что съ татарами надо жить намъ въ ладу, что нужно имъ покоряться, кланяться. Угодливостью имъ и данью не только можно избавить Русь отъ новыхъ татарскихъ вторженій, но, при помощи самихъ же этихъ варваровъ, и самую великокняжескую власть можно сдѣлать болѣе сильною, могущественною.

И Невскій герой такому своему взгляду на отношеніе Руси къ татарамъ не измѣнилъ до конца своей многотрудной жизни. Ставши великимъ княземъ, онъ неуклонно проводилъ его въ жизнь.

Прибывши домой изъ великой орды, Александръ Невскій не поѣхалъ въ Кіевъ. Погостивши во Владимірѣ у брата своего Андрея, онъ отправился въ Новгородъ.

Новгородцы давно уже съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда любимаго своего князя. Они встрѣтили его съ восторгомъ. Они радовались благополучному его возвращенію изъ далекаго и опаснаго путешествія. Они не знали, чѣмъ ему угодить. Когда Александръ хотѣлъ-было отправиться въ Кіевъ,—новгородцы упрашивали его остаться, умоляли его не ѣздить туда. Они представляли ему тѣ опасности, которымъ онъ могъ подвергнуться на югѣ отъ близкаго сосѣдства татаръ. И Александръ, тронутый такою привязанностью къ себѣ новгородцевъ, исполнилъ ихъ просьбу.

Радовались благополучному возвращенію Александра Невскаго изъ дальней Монголіи не одни только новгородцы, а и всѣ

русскіе люди. Самъ тогдашній митрополитъ кіевскій и всея Руси Кириллъ и ростовскій епископъ Кириллъ же почтили (въ началѣ 1251 года) его своимъ посѣщеніемъ въ Новгородѣ. Князь, народъ, духовенство съ крестами и иконами встрѣтили почетныхъ гостей за городомъ. Во время пребыванія въ Новгородѣ, митрополитъ, по просьбѣ гражданъ, поставилъ архіепископомъ Далмата на мѣсто незадолго передъ тѣмъ скончавшагося Спиридона.

Но Александру Невскому не долго на этотъ разъ пришлось жить въ Новгородѣ. Враждебныя отношенія татаръ къ суздальской области заставили его снова отправиться въ орду.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Андрей Ярославичъ, великій князь владимірскій, не могъ ужиться въ согласіи съ своими поработителями. Честный и благородный, онъ, по словамъ Карамзина, имѣлъ «умъ вѣтреный». Не слушаясь пожилыхъ и старыхъ бояръ, онъ не совѣтовался съ ними о дѣлахъ правленія. Окруживъ себя молодежью, великій князь больше всего занимался звѣриною охотой. Всѣ неурядицы, всѣ несчастія въ своей землѣ онъ приписывалъ не себѣ, не своему неумѣлому правленію, а обстоятельствамъ времени. Онъ съ трудомъ переносилъ свою зависимость отъ татаръ и не обращалъ на нихъ вниманія. Андрей Ярославичъ, какъ и многіе тогдашніе молодые люди, съ презрѣніемъ относился къ своимъ поработителямъ. Женившись на дочери Даніила Романовича галицкаго, гордый Андрей, заодно со своимъ тестемъ, началъ питать замыселъ на счетъ сверженія татарскаго ига. Нашлись недоброжелатели, которые донесли объ этомъ въ орду.

Батый въ ту пору былъ уже очень старъ и слабъ. Онъ едва передвигалъ ногами и ничѣмъ не занимался. Всѣми золотоордынскими дѣлами завѣдывалъ сынъ его, Сартакъ. Сартакъ приказалъ царевичу Неврюю привести къ себѣ нашего владимірскаго великаго князя.

Неврюй сталъ готовиться къ походу на суздальскую землю. Узнавъ объ этомъ, Александръ Ярославичъ оставилъ Новгородъ и поспѣшилъ въ орду. Онъ хотѣлъ своимъ ходатайствомъ передъ ханомъ предотвратить это несчастіе, но опоздалъ. Онъ не доѣхалъ еще до орды, когда Неврюевы полчища были уже не далеко отъ Владиміра.

Между тѣмъ, великій князь владимірскій, услыхавъ о движеніи татаръ на его землю, потерялъ присутствіе духа. Переходя отъ малодушія къ заносчивости, Андрей Ярославичъ сталъ наконецъ обвинять другихъ въ своемъ несчастіи.

— «Господи!» — говорилъ онъ, — «доколѣ мы будемъ ссо-

*

риться и наводить другъ на друга татаръ; лучше мнѣ уйти въ чужую землю, чѣмъ служить татарамъ.

Рѣшившись на бѣгство, великій князь хотѣлъ однако сначала попробовать счастья и вступить въ битву съ татарами. Враги сошлись у Переяславля. Русскіе были разбиты. Самъ Андрей Ярославичъ едва избѣжалъ плѣна. Съ женою и немногими боярами онъ убѣжалъ въ Новгородъ. Непринятый новгородцами, онъ ушелъ во Псковъ, а оттуда черезъ Колывань (Ревель)—въ Швецію

Между тѣмъ, татары, разбивъ русскихъ, разсѣялись по суздальской области и страшно ее опустошили. Переяславль—родина Невскаго—былъ разрушенъ. Воевода—убитъ. Жена и дѣти Ярослава Ярославича, другого брата Александра, застигнутые здѣсь варварами, были всѣ почти перебиты. Но отъ Переяславля татары неожиданно повернули домой. Со множествомъ плѣнныхъ и громадною добычей они пошли въ свои степи. Такое поспѣшное удаленіе татаръ произошло оттого, что «Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на россіянъ».

Этого мало. Сартакъ, по ходатайству Александра Невскаго, не только остановилъ разгромъ нашей земли, но и далъ ему ярлыкъ на великокняжескій владимірскій столъ: Александръ Ярославичъ возвратился домой великимъ княземъ владимірскимъ и «всея Руси».

Всѣ были этому несказанно рады. Александръ былъ утѣшеніемъ для своихъ современниковъ. Всѣ его любили и надѣялись на возвращеніе при немъ лучшихъ дней.

Александръ съ торжествомъ вступилъ во Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ, духовенство съ иконами и народъ встрѣтили новаго великаго князя у городскихъ Золотыхъ воротъ. Александръ Ярославичъ, не заѣзжая во дворецъ, отправился въ соборный храмъ Пресвятой Богородицы, гдѣ, по обычаю, и посаженъ былъ на престолъ. Это было въ 1252-мъ году.

Поселившись во Владимірѣ, Александръ старался прежде всего поскорѣе загладить слѣды Неврюева погрома: онъ сталъ возстановлять и украшать храмы, обстраивать города. Онъ собиралъ разбѣжавшихся жителей. И неутомимые труды князя увѣнчались успѣхомъ. Въ великомъ княжествѣ скоро воцарилось спокойствіе. Люди, напуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились на свои мѣста. Началась торговля, возобновились ремесла, земледѣліе и прочее.

Ставши великимъ княземъ Русской земли, Александръ Ярославичъ не измѣнилъ своимъ прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ. Взгляды свои на отношенія Руси къ западнымъ сосѣдямъ

и татарамъ онъ проводилъ въ жизнь съ послѣдовательностью. Во внѣшнихъ дѣлахъ онъ былъ твердъ, крѣпокъ и рѣшителенъ. Онъ отклонялъ притязаніе Запада и отражалъ нападенія шведовъ и ливонцевъ на наши земли. Во внутреннемъ управленіи Александръ былъ требователенъ и стоекъ. Управляя твердо своею землею, онъ старался всегда жить въ ладу съ своими поработителями. Угодливостью татарамъ онъ старался предотвратить (и предотвращалъ) нападенія ихъ на нашу многострадальную землю.

Въ 1252-мъ году къ Александру Невскому явилось папское посольство. Убѣдившись, что силою оружія и крестовыми походами не подчинишь себѣ Русь, папа Иннокентій IV-й хотѣлъ достигнуть этого коварствомъ, хитростью. Онъ прислалъ къ нашему великому князю двухъ хитрѣйшихъ кардиналовъ—Гольда и Гемонта, которые должны были склонить его къ подчиненію Риму.

— «Святѣйшій отецъ», — сказали кардиналы Александру Ярославичу, подавая ему папское посланіе,—«много слышалъ о тебѣ, славномъ и дивномъ князѣ. Поэтому онъ прислалъ насъ изъ числа своихъ кардиналовъ, чтобы ты выслушалъ насъ».

Началось чтеніе папскаго посланія. Оно составлено было очень искусно [1]). Въ немъ папа увѣрялъ Александра, будто отецъ

---

[1]) «Иннокентій епископъ»,—говорилось въ этомъ посланіи,—«рабъ рабовъ Господа, знаменитому мужу Александру, князю суздальскому».

«Отецъ будущаго вѣка, насадитель непорочнаго совѣта, Искупитель нашъ Господь Іисусъ Христосъ низвелъ росу Своей благодати на умъ славнаго блаженной памяти князя Ярослава, родителя твоего, которому, подавая вслѣдствіе удивительной щедроты неизреченную милость Своего вѣдѣнія, приготовилъ путь въ мѣсто, черезъ которое онъ приведенъ былъ къ Господней паствѣ, подобно овцѣ, долгое время блуждавшей по пустынѣ, какъ мы узнали объ этомъ отъ возлюбленнаго сына нашего Іоанна де Плано Карпини. Отецъ твой, желая облечься въ новаго человѣка, смиренно обѣщалъ послушаніе своей матери римской церкви и былъ освященъ руками того же брата, что онъ открыто и исповѣдалъ бы предъ всѣми людьми, если бы столь внезапно и столь несчастно не похитила его смерть. И такъ какъ онъ завершилъ теченіе настоящей жизни столь счастливымъ концомъ, то надлежитъ благочестиво вѣрить и безъ всякаго сомнѣнія принимать, что онъ, сопричастившись къ лику праведныхъ, покоится въ вѣчномъ блаженствѣ, гдѣ блистаетъ безпредѣльный свѣтъ, гдѣ разливается благоуханіе, не разсѣеваемое вѣтромъ, и гдѣ сильна полнота любви, которой не уменьшаетъ насыщеніе. И такъ желая, чтобы и ты, ставшій законнымъ наслѣдникомъ въ отцовскомъ наслѣдіи, сдѣлался причастникомъ столь великаго блаженства, мы, на подобіе жены евангельской, возжегшей свѣтильникъ, чтобы найти потерянную драхму, изыскиваемъ пути, употребляемъ усиліе и прилагаемъ стараніе, чтобы имѣть возможность благоразумно навесть тебя на мысль спасительно послѣдовать по стопамъ твоего отца, съ которыми во всякое время надлежитъ сообразоваться. И какъ онъ отъ чистаго сердца и съ неложнымъ намѣреніемъ обѣщался принять постановленія и ученія римской церкви, такъ и ты, оставивши путь погибели, приводящій къ осужденію вѣчной

его Ярославъ Всеволодовичъ, во время пребыванія своего въ большой ордѣ, изъявилъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Папа убѣждалъ Невскаго идти по слѣдамъ своего отца. Онъ представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія. Папа обѣщалъ ему противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ Невскій герой недавно освобождалъ русскія земли.

Александръ Ярославичъ не поддался папскимъ увѣщаніямъ. Выслушавши папское посланіе, онъ наотрѣзъ отказался подчиниться папскому престолу.

— «Слышите, посланницы папежстіи!»—сказалъ, будто бы, онъ римскимъ кординаламъ.—«Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, и отъ Авраамля до пріитія Израилева сквозь Чермное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія великаго Константина и до перваго собора и до седь-

---

смерти, смиренно вступилъ бы въ единеніе съ той же церковью, которая, безъ всякаго сомнѣнія, по правому пути направляетъ къ спасенію своихъ почитателей».

«Конечно, и ты не долженъ отвергнуть нашей просьбы, которая, служа съ нашей стороны напоминаніемъ долга, послужитъ въ то же время и твоимъ выгодамъ, потому что, когда мы такимъ образомъ требуемъ, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всей душою, исполнялъ Его заповѣди, конечно, ты не оказался бы въ здравомъ разумѣ, если бы отказалъ въ повиновеніи намъ и даже Самому Богу, намѣстникомъ Котораго, хотя и не по заслугамъ, мы являемся на землѣ. Впрочемъ, вслѣдствіе этого послушанія, честь какого-либо государя отнюдь не уменьшается, но, благодаря ему, всякая власть и временная свобода умножается, потому что достойно правятъ своими народами тѣ, которые, сами стремясь властвовать надъ другими, въ то же время стараются о повиновеніи божественному превосходству. Поэтому мы просимъ твое величество, увѣщаваемъ и прилежно убѣждаемъ, чтобы ты снова призналъ своею матерью римскую церковь и оказалъ послушаніе ея преосвященному. Постарайся также дѣйствительно привлечь къ повиновенію апостольскому престолу и твоихъ подданныхъ, чтобы въ вѣчномъ блаженствѣ наслѣдовать тебѣ за это плодъ, который не гибнетъ во вѣкъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что если ты воспользуешься нашимъ и лучше—Божіимъ благоволеніемъ, мы будемъ считать тебя наилучшимъ между католическими государями и всегда съ особеннымъ усердіемъ будемъ стараться объ увеличеніи твоей славы».

«Такъ какъ опасностей всегда легче избѣгнуть, если вооружиться противъ нихъ щитомъ предусмотрительности, мы особенно просимъ тебя, чтобы лишь только узнаешь, что татары направляются противъ христіанъ, ты тотчасъ постарался бы увѣдомить объ этомъ братьевъ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, чтобы, получивъ свѣдѣнія объ этомъ отъ тѣхъ же братьевъ, мы могли заблаговременно позаботиться о противодѣйствіи татарамъ съ Божіей помощью».

«Сверхъ сего за то, что ты не захотѣлъ преклонить выи предъ свирѣпостью татаръ мы прославляемъ твое благоразуміе достойными въ Богѣ похвалами».

мого собора: сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ».

Папскіе послы возвратились домой ни съ чѣмъ.

Въ 1256-мъ году шведы возобновили свои непріязненныя дѣйствія противъ насъ. Въ союзѣ съ датчанами они появились на берегахъ рѣки Наровы и стали строить крѣпость.

Владѣя юго-западной Финляндіей, гдѣ жили тавасты и емь, шведы хотѣли подчинить себѣ и кореловъ и ингровъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ нашихъ новгородцевъ. Среди послѣднихъ двухъ финскихъ племенъ распространялось уже православное христіанство. Чтобы уничтожить это вліяніе новгородцевъ на кореловъ и ингровъ, чтобы оттѣснить отъ нихъ русскихъ и быть всегда наготовѣ противъ послѣднихъ, рѣшено было врагами основать сильную крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Шведамъ хотѣлось подчинить себѣ всю Финляндію, окатоличить ее и потомъ уже изъ нея производить нападенія на новгородскія земли.

Новгородцы были поражены дерзостью своихъ старинныхъ недруговъ. Увидѣвъ, что шведы возводятъ крѣпость на берегахъ Наровы, они тотчасъ же послали за помощью къ великому князю. Но, не надѣясь на скорое прибытіе суздальскаго войска, они и сами не бездѣйствовали. Они стали усердно готовиться къ походу противъ непріятелей. Они разослали гонцовъ по своимъ волостямъ съ призывомъ къ поголовному ополченію. Стали составляться дружины, образовываться полки. Враги, узнавъ про это, испугались, бросили свое дѣло и ушли во-свояси. Крѣпость на Наровѣ осталась недостроенною.

Тѣмъ не менѣе Александръ Невскій захотѣлъ наказать враговъ за ихъ дерзость. Онъ рѣшилъ проучить шведовъ и отучить ихъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Великій князь рѣшился лично явиться на помощь новгородцамъ.

Собравъ суздальскую рать, Александръ прибылъ съ нею въ томъ же 1256 году въ Новгородъ. При войскѣ находился и самъ митрополитъ Кириллъ. Была зима. Въ Новгородъ стали стягиваться дружины изъ его волостей. Собиралось большое войско. Готовился большой походъ, но куда?... Этого никто не зналъ и нигдѣ никому не говорилъ объ этомъ.

Окончивъ всѣ приготовленія къ походу и помолившись въ храмѣ св. Софіи, Александръ приказалъ войскамъ выступить къ Копорью. Митрополитъ также шелъ съ войскомъ.

Въ Копорьѣ великій князь остановился. Онъ хотѣлъ дать отдыхъ своимъ войскамъ. Впереди предстоялъ имъ трудный путь. Здѣсь войска узнали и цѣль похода. Всѣ узнали, что Александръ

ведетъ ихъ въ Финляндію, что онъ хочетъ наказать шведовъ въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ.

Среди новгородцевъ начались разговоры. Многимъ изъ нихъ не хотѣлось идти въ эту непривѣтливую страну Нѣкоторымъ новгородцамъ казалось очень опаснымъ пускаться зимою въ Финляндію,—въ эту страну мрака, когда тамъ теперь не отличаютъ дня отъ сумерекъ. Они стали проситься домой. Александръ не удерживалъ ихъ. Немногіе новгородцы оставили князя. За то остальныя войска изъявили полную готовность идти за своимъ княземъ, куда онъ ихъ ни поведетъ.

Въ Копорьѣ митрополитъ Кириллъ благословилъ войско и князя и возвратился домой.

Александръ Невскій двинулся въ путь. Путь былъ очень трудный. Нашимъ войскамъ приходилось идти почти по незнакомой имъ мѣстности. Нашлись проводники—туземцы, но и они гибли при трудныхъ переходахъ по пустыннымъ ущельямъ горъ. Въ сумерки почти ощупью пробирались наши впередъ. Недостатокъ у нихъ былъ во всемъ. Тѣмъ не менѣе самоотверженіе ихъ преодолѣвало всѣ трудности похода. Великій князь, раздѣляя съ войскомъ всѣ лишенія, ободрялъ и воодушевлялъ его своимъ примѣромъ.

Шведы, жившіе въ юго-западной Финляндіи, скоро узнали о движеніи на нихъ русскихъ. Пораженные неожиданностью появленія ихъ въ своихъ владѣніяхъ, они пришли въ ужасъ. Одни изъ нихъ бѣжали на родину, а другіе спрятались въ укрѣпленіяхъ. Оставленные на произволъ русскихъ, туземцы оказывали слабое сопротивленіе. Наши опустошительнымъ ураганомъ пронеслись по странѣ. Разгромивъ все по поморью, они возвратились въ Новгородъ съ большою добычей.

Этотъ походъ (1256) русскихъ въ Финляндію вполнѣ достигъ своей цѣли. Александръ Невскій, проучивъ шведовъ, надолго отучилъ ихъ нападать на новгородскія владѣнія. Тридцать семь лѣтъ послѣ этого они не трогали насъ. Только уже въ самомъ концѣ XIII-го столѣтія шведы снова начинаютъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ.

И ливонскіе нѣмцы снова начали тѣснить насъ съ запада. Зная, что Невскій герой далеко живетъ теперь отъ Новгорода, они въ 1262-мъ году ворвались въ новгородскія владѣнія и начали грабить ихъ и опустошать.

И нѣмцы не ошиблись. Александръ Ярославичъ, узнавши объ этомъ, дѣйствительно, не могъ принять личнаго участія въ походѣ противъ нихъ. Ему въ ту пору необходимо было спѣшить

въ орду. Ему, во что бы то ни стало, нужно было личнымъ ходатайствомъ передъ ханомъ предотвратить готовившееся грозное татарское нашествіе на Русь.

Александръ сильно разгнѣвался на ливонскихъ нѣмцевъ, хотѣвшихъ воспользоваться тогдашнимъ тяжелымъ положеніемъ. Онъ хотѣлъ хорошенько проучить ихъ за это. Онъ хотѣлъ напомнить имъ времена Ледоваго побоища. Александръ собралъ сильную суздальскую рать и отправилъ ее въ Новгородъ съ братомъ своимъ Ярославомъ, тверскимъ княземъ. Суздальцы должны были тамъ соединиться съ новгородскимъ ополченіемъ. Начальникомъ всего войска великій князь назначилъ своего сына Димитрія, княжившаго тогда въ Новгородѣ. Чтобы походъ былъ, какъ можно, болѣе удаченъ, Невскій вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ. Литовцы и русскіе одновременно должны были напасть на Ливонію.

Русскіе, выступивъ изъ Новгорода, неторопливо двигались къ непріятельской землѣ. Нетерпѣливый Миндовгъ не дожидался ихъ и одинъ вторгся въ Ливонію. Опустошая все на своемъ пути, онъ дошелъ до Вендена. Миндовгъ разграбилъ его и вернулся домой съ большой добычей.

Но не успѣли еще нѣмцы опомниться и успокоиться отъ этого разгрома, какъ на нихъ напали русскіе съ другой стороны. Наши подступили къ Юрьеву, основанному Ярославомъ Мудрымъ. Этотъ городъ былъ очень крѣпокъ и силенъ. Онъ былъ обнесенъ тремя каменными стѣнами. Въ городѣ былъ большой гарнизонъ и не мало жителей. Многіе нѣмцы заперлись въ крѣпости.

Русскіе взяли посадъ и сожгли его. Имущество было разграблено. Одни жители посада были избиты, а другіе взяты въ плѣнъ. Очень немногимъ нѣмцамъ удалось спастись бѣгствомъ. Русскихъ, при схваткѣ со врагами, погибло очень мало. Крѣпость не была взята. Тѣмъ не менѣе нѣмцы въ томъ же 1262-мъ году заключили съ нами миръ. Договорная грамота съ ними была написана отъ лица Александра Ярославича и сына его Димитрія.

Грозный для шведовъ и нѣмцевъ, Александръ Невскій былъ требователенъ и по отношенію къ своимъ землякамъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ Руси, онъ заставлялъ всѣхъ подчиняться своимъ распоряженіямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и суздальцы, и ростовцы, и новгородцы, чтобы всѣ исполняли его требованія. Получивши власть отъ золотоордынскаго хана, Александръ не желалъ считаться съ народными желаніями, не обращалъ вниманія на вѣчевыя постановленія. Пользуясь благоволеніемъ татаръ, онъ всегда, въ случаѣ нужды, могъ разсчитывать на ихъ

поддержку, на ихъ помощь. Онъ считалъ свою власть выше народной воли. Находясь въ зависимости отъ татаръ, онъ старался управлять Русскою землею самостоятельно. Невскій хотѣлъ быть государемъ, а не правителемъ, ограничиваемымъ боярами и вѣчемъ.

И такой взглядъ на свою власть Александръ Ярославичъ сумѣлъ провести въ жизнь. Это всего лучше видно изъ отношеній его къ вольнолюбивымъ новгородцамъ.

Новгородцы, какъ извѣстно, сами призывали къ себѣ князей и сами же нерѣдко прогоняли ихъ отъ себя. Бывали случаи, что они, призвавъ къ себѣ князя, выгоняли его, а потомъ опять призывали. Александръ Невскій самъ отчасти испыталъ это на себѣ. Теперь же, ставши великимъ княземъ, по волѣ сильнаго хана, онъ взглянулъ на эту вольность новгородскую совсѣмъ иначе. Онъ показалъ новгородцамъ, что надъ ними есть власть, которая не желаетъ считаться съ ихъ желаніями, которой они должны повиноваться.

Александръ Невскій послалъ княземъ въ Новгородъ сына своего Василія. Это былъ юноша пылкій, воинственный. Онъ сумѣлъ отличиться при отраженіи мелкихъ литовско-нѣмецкихъ нападеній на новгородскія земли, но пріобрѣсти расположенія новгородцевъ не могъ. Большинство изъ нихъ видѣли въ немъ не своего выборнаго князя, а намѣстника великокняжескаго. Кончилось тѣмъ, что новгородцы не вытерпѣли попранія своего права и прогнали отъ себя князя Василія.

Не желая долго оставаться безъ князя, они тотчасъ, по изгнаніи сына Невскаго, послали за Ярославомъ тверскимъ, братомъ Александра. Онъ въ ту пору жилъ во Псковѣ. Ярославъ прибылъ въ Новгородъ и посаженъ былъ на столъ. И онъ былъ доволенъ, что попалъ на очень доходное княженіе, и новгородцы были рады, что поставили на своемъ, что отстояли свою старинную вольность.

Но радость новгородцевъ была непродолжительна. Прогнанный ими князь Василій Александровичъ не хотѣлъ сдаваться безъ боя. Онъ ушелъ въ Торжокъ, жители котораго были къ нему расположены, и оттуда о всемъ случившемся далъ знать своему отцу.

Александръ Невскій собралъ войско и пошелъ съ нимъ къ Торжку. Онъ хотѣлъ возстановить сына своего на княженіи. Онъ хотѣлъ показать новгородцамъ, что время старинныхъ вольностей ихъ проходитъ. Жители Торжка соединились съ нимъ.

Большая рать двинулась къ Новгороду. Ярославъ Ярослa-

вичъ, услыхавъ объ этомъ, испугался и ушелъ изъ Новгорода. Новгородцы стали волноваться. Въ лагерѣ великаго князя начали появляться бѣглецы изъ города. Раньше всѣхъ прибѣжалъ какой-то Ратишка.

— «Ступай, князь»,—сказалъ онъ Александру Ярославичу,— «ступай скорѣе;—твой братъ Ярославъ убѣжалъ!»

Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи. Одна состояла изъ вящшихъ людей, или богачей, а другая изъ меньшихъ, или черни. Во главѣ меньшихъ людей стоялъ тогдашній посадникъ Ананія—человѣкъ честный, благородный, ревнитель новгородскихъ вольностей. Ожидая приближенія Александра съ войскомъ, новгородцы вооружились. Они поставили два полка за церковью Рождества и отъ св. Иліи противъ Городища. Этимъ они хотѣли оградить Торговую сторону города, гдѣ было главное мѣстопребываніе меньшихъ людей.

Новгородцы думали, что разгнѣванный великій князь непремѣнно ударитъ на городъ и предастъ его пламени. Въ тревогѣ собрались они на вѣче и стали разсуждать, что имъ дѣлать.

— «А что, братцы»,—говорили они между собою,—«что если великій князь скажетъ: выдайте моихъ враговъ?! Что тогда дѣлать?»

— «Умирать,»—говорили на это многіе,—«но никого не выдавать!»

По старинному обычаю, меньшіе «цѣловали Богородицу» на томъ, чтобы стоять всѣмъ на животъ и на смерть за правду новгородскую, за свою старину.

Но нѣкоторые богачи замышляли иное. Стоявшій во главѣ ихъ Михалка Степановичъ,—человѣкъ коварный, злой и своекорыстный,—смекнулъ, что наступаютъ новыя времена, когда ловкій человѣкъ легко можетъ обдѣлывать свои дѣлишки. Онъ замыслилъ убить посадника Ананію, чтобы самому занять его мѣсто. Собравъ своихъ единомышленниковъ, онъ убѣжалъ съ ними къ Юрьеву монастырю. Разнеслась молва, будто вящшіе люди хотятъ напасть на городъ и бить меньшихъ. Народъ, узнавъ объ измѣнѣ Михалки общему дѣлу, пришелъ въ ярость. Меньшіе кричали, что надо убить Михалку, надо ограбить и сжечь его дворъ. Добродушный посадникъ Ананія явился заступникомъ тайнаго своего врага. Не подозрѣвая о злодѣйскихъ замыслахъ Михалки, онъ предупредилъ его о грозившей ему опасности. Онъ бросился къ толпѣ разсвирѣпѣвшихъ новгородцевъ.

— «Братья!»—сказалъ онъ имъ.—«Братья, если хотите убить Михалку,—убейте прежде меня!»

Толпа стала успокаиваться и расходиться.

Между тѣмъ, великій князь подошелъ къ Новгороду и расположился съ своимъ ополченіемъ около Городища, своей прежней резиденціи. Войска у него было много, но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ силѣ. Желая достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ, Александръ Ярославичъ отправилъ посла въ Новгородъ.

Собралось вѣче.

— «Выдайте посадника Ананію»,—сказалъ посолъ новгородцамъ отъ имени Невскаго.—«Если не выдадите,—я вамъ не князь: иду на городъ съ ратью!»

Требованіе великаго князя понятно. Посадникъ Ананія былъ ревнитель старины. Онъ былъ самый видный представитель новгородскихъ вѣчевыхъ порядковъ. Въ лицѣ Ананіи Александръ осуждалъ эти порядки. Выдать поэтому Ананію было нельзя. Невозможно было этого сдѣлать и потому еще, что выдавать міромъ своихъ для новгородцевъ было неслыханнымъ безчестнымъ дѣломъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать, какъ быть?... Новгородцы посудили, потолковали и положили попробовать,—не сдѣлаетъ ли имъ какую-нибудь уступку великій князь. Они послали къ нему архіепископа Далмата и тысяцкаго Клима.

— «Иди, князь»,—сказали послы Александру Ярославичу,—«иди на свой столъ и злодѣевъ не слушай. Не гнѣвайся на Ананію и мужей новгородскихъ».

Послы вернулись ни съ чѣмъ. Александръ остался при своемъ. Онъ упорно добивался своего. Принять предложеніе новгородцевъ было нельзя. Принять его—значило бы признать поступокъ ихъ съ сыномъ его Василіемъ законнымъ. Это значило бы, что и тѣ стремленія, изъ-за которыхъ произошли послѣднія волненія въ Новгородѣ, тоже вполнѣ уважительны.

Получивъ отказъ на свое предложеніе князю, новгородцы снова собрались на вѣче. Потолковавши между собою, они рѣшили не уступать великому князю.

— «Если князь такое задумалъ съ нашими клятвопреступниками»,—положили новгородцы на вѣчѣ,—«пусть имъ судитъ Богъ и св. Софія, а на князя мы не кладемъ грѣха».

Новгородцы вооружились и три дня стояли готовыми къ бою.

Кровопролитіе, повидимому, было неизбѣжно. Но Александръ не хотѣлъ его. Онъ требовалъ выдачи Ананіи не изъ какой-нибудь личной мести, а только потому, что этотъ посадникъ, какъ представитель новгородскихъ стремленій и волненій, былъ неудобенъ. На четвертый день онъ послалъ сказать новгородцамъ:

— «Я не буду держать на васъ гнѣвъ: пусть только Ананія лишится посадничества».

Вѣче лишило Ананію посадничества, и отворили великому князю городскія ворота. Архіепископъ, духовенство съ иконами и народъ вышли ему навстрѣчу. Александръ Невскій вступилъ въ городъ съ торжествомъ. Звонили во всѣхъ церквахъ. Новгородцы были рады князю. Они не забыли еще давнишнихъ его услугъ себѣ. Александръ со всѣми былъ ласковъ и любезенъ. Но довольные мирнымъ окончаніемъ непріятнаго дѣла, новгородцы все же должны были исполнить волю великаго князя. По требованію послѣдняго, они поставили себѣ посадникомъ Михалку Степановича и опять признали своимъ княземъ сына его, Василія Александровича.

Александръ Невскій чего хотѣлъ, того и достигъ. Онъ хотѣлъ доказать новгородцамъ, что власть великаго князя, поставленнаго надъ Русью золотоордынскимъ ханомъ, выше ихъ вѣча и партій,—и доказалъ. До тѣхъ поръ не было еще примѣра, чтобы великій князь силою заставлялъ новгородцевъ принять къ себѣ только что изгнаннаго ими князя.

Черезъ годъ (1257) Александръ Ярославичъ снова прибылъ въ Новгородъ. И теперь ему пришлось улаживать тамъ свои дѣла. Онъ ихъ и уладилъ, устроилъ, но только уже не такимъ мирнымъ путемъ, какъ прежде.

Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ Золотой ордѣ въ ту пору произошли важныя событія. Батый умеръ. Мѣсто его занялъ сынъ его Сартакъ; но занялъ не надолго. У него нашелся соперникъ, братъ его отца, Берке. Дядя убилъ племянника и, съ позволенія великаго монгольскаго хана, объявилъ себя преемникомъ Батыя. Берке поручилъ управленіе Русью намѣстнику своему Улакчію. Къ нему должны были по своимъ дѣламъ являться наши князья.

Менгу, ханъ большой монгольской орды, приказалъ перечислить жителей всѣхъ странъ, которыя были подвластны монголо-татарамъ. Вслѣдствіе такого распоряженія, и Берке долженъ былъ произвести перепись въ Русской землѣ. Это была уже вторая перепись. Первая—была произведена еще при Ярославѣ Всеволодовичѣ.

Русскіе, узнавъ объ этомъ, пришли въ ужасъ. Они были не противъ дани. Они уже свыклись съ мыслью считать себя данниками татарскаго хана. Они страшились не дани, а пребыванія татаръ въ своей землѣ, страшились самаго способа собиранія этой дани. Русскіе знали, что «окаянные сыроядцы» очень грубы

и наглы. Они берутъ въ завоеванной ими землѣ все, что имъ нравится. Они отнимаютъ жирныхъ лошадей и уводятъ съ собой молодыхъ женщинъ и красивыхъ дѣвицъ.

Александръ Невскій поспѣшилъ въ орду. Онъ надѣялся своимъ ходатайствомъ передъ ханомъ избавить Русь отъ новой переписи. Но это ему не удалось. Берке не могъ ослушаться приказаній великаго монгольскаго хана.

Татары не только стали переписывать жителей покоренной Руси, но хотѣли подвергнуть тому же и не завоеванныя ея области. Улакчи потребовалъ отъ великаго князя, чтобы и Новгородъ, наравнѣ съ другими русскими городами, платилъ дань золотоордынскому хану.

Александра Ярославича это озадачило. Онъ этого не ожидалъ. Тяжело было ему браться за это дѣло, Новгородъ близокъ былъ его сердцу. Тамъ онъ провелъ свою молодость. Тамъ онъ, защищая его владѣнія, пріобрѣлъ военную славу и громкую извѣстность. Онъ любилъ новгородцевъ, и новгородцы его уважали и любили. Но что дѣлать? Благо родины и благоденствіе самого Новгорода заставили его согласиться на требованіе Улакчи. Александръ рѣшился убѣдить свободныхъ новгородцевъ признать себя рабами, рѣшилъ заставить ихъ платить дань татарамъ.

Новгородцы, узнавъ о надвигающейся грозѣ, пришли въ ужасъ. Они были люди свободные, независимые. Они не были покорены та́тарами. И вдругъ—плати дань татарамъ, признавай себя рабомъ этихъ варваровъ! За что это, почему?

Стали собираться бурныя вѣча. Новгородцы, какъ и прежде иногда, раздѣлились на двѣ партіи. Меньшіе люди кричали, что не слѣдъ платить дань татарамъ, что низко, позорно признавать себя рабами ихъ. А вящшіе старались успокоивать ихъ, доказывая, что надо смириться передъ грубою силою. Они говорили такъ изъ-за своихъ выгодъ. Они боялись татарскаго нашествія. Не получивъ дани съ Новгорода, варвары придутъ и разгромятъ его. Тогда достанется всѣмъ отъ нихъ—и меньшимъ и вящшимъ. Тогда богачи легко могутъ лишиться всего своего имущества. Посадникъ Михалка Степановичъ стоялъ за вящшихъ. Меньшіе его не любили. Они ненавидѣли его, какъ посаженника великаго князя. Съ трудомъ выносившіе его и прежде, они теперь схватили его и убили. Самъ князь Василій Александровичъ былъ на сторонѣ меньшихъ. Онъ раздѣлялъ ихъ чувства и не одобрялъ поведенія своего отца, ухаживавшаго за татарами. Тѣмъ не менѣе, боясь его гнѣва, онъ, по совѣту своихъ бояръ, ушелъ изъ Новгорода во Псковъ.

Наконецъ, прибылъ въ Новгородъ Александръ Ярославичъ. Съ нимъ были и татарскіе послы. Они стали требовать «числа»—переписи жителей для обложенія ихъ данью. Новгородцы отказали имъ въ этомъ. Они отказались платить дань, но приняли ханскихъ пословъ съ честью. Отпуская ихъ домой, они щедро одарили ихъ и послали дары самому хану. Этимъ они хотѣли показать, что уважаютъ, почитаютъ ханскую власть, но не признаютъ ее надъ собою.

Александръ Невскій остался въ Новгородѣ. Онъ наказалъ своего сына за противодѣйствіе себѣ. Василія Александровича схватили во Псковѣ и подъ стражей отвезли въ суздальскую землю. Совѣтники его, бояре были схвачены и жестоко наказаны. Александръ на этотъ разъ оказался очень строгимъ, но строгость эта не принесла пользы. Волненія въ городѣ не прекращались. Убитъ былъ новый посадникъ, какой-то «Миша». Это, быть можетъ, тотъ сильный Миша, который отличился въ Невской битвѣ.

Но Александръ не оставлялъ своего дѣла. Онъ уговаривалъ новгородцевъ успокоиться и согласиться на платежъ татарамъ дани. Онъ безбоязненно являлся на вѣча и убѣждалъ народъ подчиняться ханскому требованію. Наконецъ, меньшіе люди стали понемногу сдаваться. Новгородцы, по указанію великаго князя, выбрали себѣ новаго посадника и новаго тысяцкаго.

Александръ послѣ этого уѣхалъ домой—во Владиміръ.

Нѣсколько мѣсяцевъ ничего не слышно было въ Новгородѣ о ханскомъ требованіи. Но зимою съ 1258-го года на 1259-й, прибѣжалъ въ Новгородъ Михаилъ Пинешаничъ. Онъ принесъ грустное извѣстіе. Онъ передалъ новгородцамъ, что ханскіе полки уже въ суздальской землѣ, что они тотчасъ двинутся на нихъ, если они опять не дадутъ татарамъ «числа» и дани.

Извѣстіе это было ложное, но правдоподобное. Всякій былъ увѣренъ, что татары не оставятъ своего требованія, что они силою будутъ добиваться своего.

Новгородцы испугались. Не провѣривъ извѣстія, они согласились на перепись и дань. Дали знать объ этомъ въ орду. И зимою того же 1259-го года прибыли въ Новгородъ «окаянніи сыроядци»—ханскіе чиновники Беркай и Касачикъ. Съ ними были жены ихъ и множество татаръ. Съ татарами пріѣхалъ въ Новгородъ и великій князь. Александръ Ярославичъ боялся пустить ихъ однихъ въ Новгородъ. Онъ боялся, какъ бы какой-нибудь поступокъ безпокойныхъ новгородцевъ не испортилъ все дѣло, не навлекъ бы на нихъ самихъ бѣды.

И Невскій, какъ сейчасъ увидимъ, не ошибся.

Татары вмѣстѣ съ великимъ княземъ остановились на Городищѣ. Это было недалеко отъ Новгорода,—всего только въ двухъ съ половиной верстахъ.

Татары стали собирать дань съ новгородскихъ окрестностей. Они, по обыкновенію, собирали ее съ насиліемъ. Они притѣсняли жителей и обирали ихъ. Русскіе другихъ земель привыкли уже къ такому способу взиманія дани, но новгородцамъ показалось это обиднымъ, дикимъ, невыносимымъ варварствомъ. Они возмутились, вышли изъ себя. Раздался звукъ вѣчевого колокола. Народъ сбѣжался на вѣче. Поднялся крикъ, шумъ.

— «Смерть окаяннымъ сыроядцамъ!» — кричали меньшіе люди.—«Смерть имъ! Дайте ихъ,—мы ихъ на куски разорвемъ, костей не оставимъ!»

Татары струсили, испугались и спрятались по своимъ жилищамъ. Они стали бояться за свою жизнь.

— «Дай намъ сторожу», — обратились они къ великому князю,—«ать не избьютъ насъ».

Александръ Невскій поставилъ стражу около татарскихъ жилищъ. Сынъ посадника и дѣти боярскіе днемъ и ночью оберегали ихъ.

Но татарамъ скоро наскучило вынужденное бездѣйствіе.

— «Дайте намъ число»,—объявили они рѣшительно новгородцамъ,—«или мы побѣжимъ прочь».

Вящшіе люди опять стали уговаривать меньшихъ сдаться,—уступить требованію ханскихъ чиновниковъ. Кто-то пустилъ молву, что богачи вмѣстѣ съ татарами хотятъ ударить на городъ съ двухъ сторонъ. Молва нелѣпая, но ей многіе повѣрили.

Толпы народа стали собираться на Софійской сторонѣ, поближе къ св. Софіи. Всѣ были страшно возбуждены.

— «Умремъ!»—кричали многіе новгородцы,—«умремъ честно за св. Софію и за домы ангельскіе. Лучше смерть, чѣмъ позоръ».

Темнота наступившей ночи заставила разойтись народъ по домамъ.

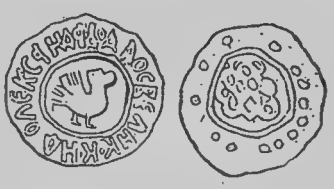
На слѣдующій день новгородцы узнали неожиданную новость. Они узнали, что великій князь Александръ Ярославичъ и татары оставили Городище. Невскій уѣхалъ изъ Новгорода и оставилъ его татарской мести. Новгородцы не слушаютъ его,—не хотятъ подчиниться золотоордынскому хану,—такъ пусть теперь сами одни раздѣлываются съ татарами, когда тѣ придутъ громить ихъ за ихъ же упорство.

Новгородцы совсѣмъ не ожидали этого. Отъѣздъ великаго

князя ошеломилъ ихъ. Меньшіе люди не знали, что дѣлать, на что рѣшиться. Они ходили растерянными. Вящшіе воспользовались этимъ и стали снова убѣждать ихъ подчиниться татарскимъ требованіямъ. Кто заступится за нихъ, когда ханъ подступитъ къ Новгороду съ громадными полчищами? Одолѣють ли ихъ новгородцы одни?...

И меньшіе люди сдались, наконецъ, согласились на «число» и дань. Послали сказать объ этомъ великому князю. И Александръ съ татарами возвратился въ Новгородъ.

Началась перепись новгородцевъ, въ городѣ наступила мертвая тишина..... Не было слышно обычнаго шума, не видно было уличной толкотни. Татары спокойно ходили изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Они переписывали дворы и жителей и раскладывали дань. Дань была почти одинакова и для бѣдныхъ и для богатыхъ. Сколько долженъ былъ платить бѣдный, столько же почти накладывалось и на богатаго. Эта явная несправедливость возмущала меньшихъ. Стоя у воротъ своихъ домовъ, они злобно посматривали на татаръ и посылали ругань по адресу богачей, сумѣвшихъ при общемъ горѣ соблюсти свои выгоды. Одинаковая дань ихъ съ бѣдняками была для нихъ сущими пустяками. По окончаніи переписи, татары возвратились домой.



Монета Александра Невскаго.

Такимъ образомъ свободные новгородцы сдѣлались рабами золотоордынского хана. Одно въ этомъ случаѣ было для нихъ небольшимъ утѣшеніемъ—это то, что татары обѣщались не являться лично въ Новгородъ за данью. Новгородцы должны были или сами привозить ее въ орду, или посылать ее туда черезъ великаго князя. Александръ Ярославичъ, сумѣвшій заставить новогородцевъ подчиниться татарамъ, выхлопоталъ у варваровъ это право для нихъ.

Съ тѣхъ поръ новгородцы наравнѣ съ другими русскими платили дань татарамъ. Эта повинность связала новгородскую область съ остальными русскими землями. Судьбы Новгорода съ того времени крѣпко связаны были съ судьбами всей сѣверо-восточной Руси.

Въ Новгородѣ стало тихо, но поднялись волненія и мятежи въ другихъ русскихъ земляхъ. Волненія эти, вызванныя также данью татарамъ, были однако посильнѣе, посерьезнѣе новгородскихъ.

Въ ту пору въ Золотой ордѣ произошли большія перемѣны.

Татары оставили язычество и приняли магометанство. Кочевую свою жизнь они стали замѣнять полуосѣдлою. На нижнемъ теченіи Волги появился Сарай—столица татарскаго владыки. Ханъ Берке былъ, по тогдашнему, образованный человѣкъ. Онъ любилъ науки, искусства и отличался рѣдкою вѣротерпимостью. При немъ въ Сараѣ появились ученые, художники. Берке украшалъ свою столицу постройками и расписывалъ свою ставку разными картинами. При немъ,—магометанинѣ,—въ Сараѣ открыта была (1261 г.) православная епископская каѳедра. Она называлась саранскою. Этотъ ханъ, наконецъ, отдалъ русскую дань на откупъ хивинскимъ и бухарскимъ купцамъ, которыхъ наши называли бесерменами. Татарамъ надоѣло самимъ собирать эту дань. Степняки не любили хлопотъ и безпокойства, необходимыхъ при сборѣ дани. Получивъ большія деньги съ бесерменскихъ купцовъ, они отдали имъ свое право собирать дань—съ нашихъ предковъ.

Бухарскіе и хивинскіе купцы, сопровождаемые отрядами татаръ, не церемонились, конечно, съ русскими при сборѣ дани. Они старались взять съ нихъ вдвое, втрое больше того, что сами заплатили въ ханскую казну. Кто не могъ сразу заплатить дань, тому бесермены раскладывали ее на нѣсколько частей и брали за это большіе проценты. Это видимое облегченіе было большою тягостью для бѣдняка. Ему иногда приходилось платить откупщикамъ втрое больше положенной дани. Если онъ не могъ заплатить этого,—его выводили на базаръ, привязывали къ столбу и били прутьями по голымъ ногамъ. Этимъ правежомъ варвары старались вырвать у несчастного бѣдняка дань. Они выколачивали ее.... Бесермены думали, что русскій, спрятавъ деньги, просто не хочетъ заплатить имъ долгъ. Они отбирали у неплательщиковъ скотъ, имущество. Если ужъ и этого нѣтъ,—неплательщика дани и долга брали въ неволю. И самъ онъ, и жена его, и дѣти становились рабами бесерменскаго купца. Онъ отводилъ несчастныхъ на невольничьи рынки и тамъ продавалъ ихъ. Русскихъ рабовъ можно было встрѣчать тогда на всѣхъ азіатскихъ невольничьихъ базарахъ.

Обирая русскихъ, обращая неплательщиковъ дани въ неволю, бесерменскіе купцы—откупщики вели себя въ нашей землѣ хуже татаръ. Они оскорбляли женщинъ, смѣялись надъ нашими обычаями, глумились надъ нашею вѣрою, надъ нашимъ богослуженіемъ.

Терпѣливый русскій народъ, не забывшій еще совсѣмъ своей прежней свободы и независимости, не вынесъ бесерменскихъ насилій, не вынесъ кощунства варваровъ надъ своею вѣрою и обычаями. Потерявъ всякое терпѣніе, наши предки рѣшились про-

учить бесерменскихъ откупщиковъ, рѣшились отомстить имъ за все. По звону вѣчевого колокола, они бросились на притѣснителей и начали ихъ бить. Во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ бесермены жестоко пострадали. Одни изъ нихъ были убиты, другіе искалѣчены, а третьи прогнаны.

Больше всего досталось какому-то монаху Зосимѣ. Перешедши въ магометанство, бывшій нашъ монахъ сдѣлался въ Ярославлѣ однимъ изъ главныхъ сборщиковъ дани. «Піяница, студословецъ, празднословецъ и кощунникъ», Зосима отличался большою жестокостью при вымоганіи дани. Народъ теперь отомстилъ ему за это. Схвативши «беззаконнаго и сквернаго, и законопреступника, и еретика Зосиму», ярославцы убили его. Тѣло его брошено было на съѣденіе «псомъ и враномъ, а ноги его влачими бяху отъ псовъ по граду, всѣмъ людямъ на удивленіе».

Зато другой сборщикъ дани спасся отъ общей бѣды. Его звали Буга. Находясь въ Устюгѣ, онъ познакомился тамъ съ дочерью одного обывателя, Маріею. Она полюбила его и заранѣе извѣстила о грозившей ему опасности. Буга явился на вѣче, попросилъ прощенія у народа въ своихъ насиліяхъ и изъявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ его. Буга крестился, названъ былъ Иваномъ и женился на Маріи. Онъ навсегда остался у насъ и доброю своею жизнью пріобрѣлъ всеобщую любовь.

Русскіе отомстили своимъ злодѣямъ, своимъ насильникамъ, но что будетъ потомъ?.. Всѣ знали, что это не пройдетъ имъ даромъ. Всѣ были увѣрены, что золотоордынскій ханъ жестоко отомститъ имъ за избіеніе бесерменскихъ купцовъ и многихъ, находившихся при нихъ, татаръ.

Скоро, дѣйствительно, стало извѣстно, что разгнѣванный ханъ Берке собирается идти на Русь. Говорили, что онъ хочетъ огнемъ и мечомъ пройти ее вдоль и поперекъ... Что тутъ дѣлать,—какъ избавиться отъ надвигающейся страшной грозы?..

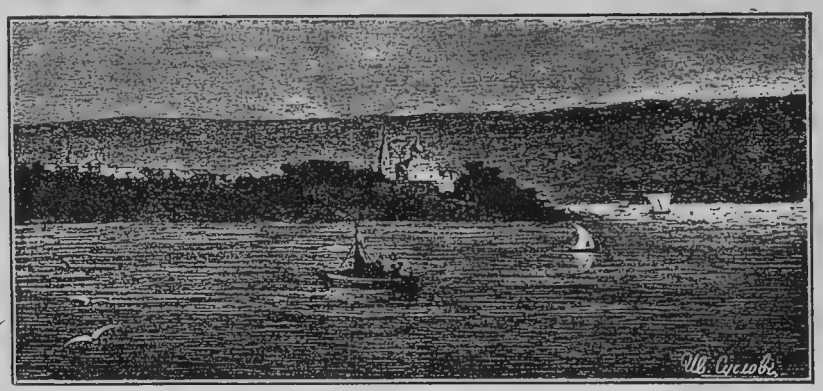
И Александръ Ярославичъ снова поспѣшилъ въ орду. Онъ поѣхалъ туда умилостивлять хана, просить, чтобы тотъ пощадилъ Русскую землю,—перемѣнилъ свой гнѣвъ на милость.

Не многіе надѣялись на успѣхъ этой поѣздки великаго князя. Многіе даже боялись за его жизнь. Татары могли и самого Невскаго считать сочувствующимъ мятежу своихъ подданныхъ. Ни одинъ, вѣдь, нашъ князь не заступился за откупщиковъ и сборщиковъ дани. Ни одна тогдашняя русская власть не старалась остановить народный мятежъ.

Александръ Невскій и самъ понималъ опасное свое положеніе—и все-таки поспѣшилъ въ орду. Благо своего народа, спо-

койствіе своей родины, своего отечества онъ всегда ставилъ выше личныхъ своихъ интересовъ.

Случилось однако то, чего почти никто не ожидалъ. Великій князь сумѣлъ умилостивить хана. Берке перемѣнилъ свой гнѣвъ на милость. Дорого это стоило Александру Ярославичу. Онъ много роздалъ подарковъ женамъ хана, вельможамъ и чиновникамъ его. Онъ прожилъ въ ордѣ зиму, весну и лѣто, но за то онъ и достигъ тамъ многаго. Ханъ Берке не только простилъ русскихъ своихъ рабовъ за ихъ мятежъ, за избіеніе ими бесерменовъ и многихъ татаръ, но и освободилъ ихъ отъ обязанности ходить на войну съ своими поработителями. По ходатайству Александра Невскаго, золотоордынскій ханъ избавилъ нашихъ предковъ отъ обязанности посылать свои войска на помощь татарамъ во время ихъ походовъ.



Городецъ, село нижегородской губерніи, гдѣ смертельно занемогъ Александръ Невскій.

Это была послѣдняя заслуга Александра Ярославича для своего отечества, послѣдняя и самая важная. Не упроси, не умоли онъ разгнѣваннаго хана,—плохо было бы тогдашнимъ нашимъ предкамъ. Своимъ новымъ нашествіемъ на Русь татары непремѣнно напомнили бы ей разгромъ Батыя.

Александръ Невскій выѣхалъ изъ орды осенью. Онъ плылъ по Волгѣ. Погода была ненастная, вѣтряная. Дорóгой князь почувствовалъ себя не хорошо. Въ Нижнемъ Новгородѣ онъ остановился передохнуть. Проживъ здѣсь нѣсколько дней и немного поправившись, онъ поѣхалъ дальше. Но въ Городцѣ Волжскомъ князь совсѣмъ слегъ въ постель. Невскій герой расхворался не на животъ, а на смерть. Крѣпкій организмъ великаго князя разшатанъ былъ трудами, невзгодами, безпокойствами и огорченіями, которыя онъ испытывалъ съ малыхъ лѣтъ. Чувствуя приближеніе смерти, Александръ, по тогдашнему обычаю, изъявилъ жела-

ніе постричься въ иночество. Его постригли въ схиму и назвали Алексѣемъ. Всѣ окружавшіе его начали горевать и плакать. Слуги великаго князя любили его больше отца родного. Но умирающій уже не думалъ о земномъ. Услышавъ всхлипыванія своихъ слугъ, онъ сказалъ имъ кротко:

— «Удалитесь, и не сокрушайте души моей жалостью».

Умирающій князь остался одинъ. Прошло нѣсколько минутъ, и онъ снова позвалъ къ себѣ находившихся при немъ бояръ и слугъ. Александръ сталъ прощаться съ ними. Давая имъ послѣднее свое благословеніе, онъ и самъ просилъ у нихъ прощенія. Послышались рыданія,

Ѳедоровскій Городенскій монастырь, гдѣ постригся въ схиму и скончался св. Александръ Невскій.

Постриженіе князя въ схиму. (Изъ Царственной книги).

послышался неудержимый плачъ «о поборникѣ всей земли Русской, предстателѣ бояръ, питателѣ убогихъ, отцѣ вдовъ и сиротъ

и заступникѣ Церкви, которую защищалъ отъ враговъ, утверждая въ ней вѣру Христову».

Прослезился и самъ умирающій князь... Взглянувъ на окружающихъ его постель, онъ изъявилъ желаніе въ послѣдній разъ причаститься св. Таинъ. Желаніе его было исполнено. Затѣмъ онъ закрылъ глаза и какъ будто забылся. Черезъ нѣсколько минутъ его не стало. Великій князь Александръ Ярославичъ тихо отошелъ въ вѣчность.

Это было 14-го ноября 1263 года.

Александръ Невскій умеръ, имѣя отъ роду всего 43 года [1]).

Во Владимірѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія великаго князя..... и дождались, наконецъ. Митрополитъ Кириллъ совершалъ божественную службу въ соборномъ храмѣ, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ Александра Ярославича. Онъ сію же минуту сообщилъ объ этомъ присутствующимъ.

— «Зашло солнце земли Русской!»—сказалъ онъ имъ грустно.

Никто не понялъ словъ владыки. Всѣ молчали. Тогда митрополитъ, заливаясь слезами, громко произнесъ:

— «Чада моя милая! знайте, что благовѣрный великій князь Александръ преставился!»

Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса при этихъ словахъ владыки. Невскій всѣмъ казался необходимымъ для Руси, да и по лѣтамъ своимъ, онъ могъ бы еще жить долгое время. Храмъ огласился

---

[1]) Поэтъ Майковъ очень живо рисуетъ картину послѣднихъ минутъ жизни Александра Невскаго. Вотъ эти его стихи:

«Ночь на дворѣ и морозъ,
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ жъ игуменской зрѣлище скорби и слезъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ,
Тихъ и недвижимъ лежитъ головой къ образамъ
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ корой лишь болящаго бредъ.
. . . . . .
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ просіялъ надъ его головой—
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело—
И, зарыдавъ, возгласилъ: «Наше солнце зашло!»

воплями скорби и отчаянія. «Погибаемъ, погибаемъ!»—повторяли и духовныя лица, и бояре, и простые служителя, находившіеся въ соборѣ,—«уже погибаемъ!»

Митрополитъ, духовенство съ иконами, бояре, жители Владиміра и окрестностей его вышли навстрѣчу тѣлу великаго князя. Несмотря на осеннюю стужу, всѣ дошли до Боголюбова. Множество народа покрыло окрестности. Скоро показался стягъ [1]) погибшаго князя... Вотъ и печальное шествіе... Послышались рыданья и плачъ. Всѣ ринулись навстрѣчу гробу. Не было человѣка, который бы не плакалъ и не жалѣлъ о покойномъ князѣ. Всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Русь въ немъ лишилась.

Древняя пелена съ изображеніемъ св. Александра Невскаго, въ ризницѣ Рождественскаго монастыря, во Владимірѣ. Приношеніе царевны Параскевіи, супруги царевича Ивана Ивановича, сына Грознаго, скончавшейся въ 1590 году.

23-го ноября совершилось отпѣваніе тѣла въ соборномъ храмѣ. И тутъ пѣніе надгробныхъ пѣсней не разъ заглушалось вздохами и рыданьями осиротѣвшей семьи и народа. Въ концѣ отпѣванія митрополичій экономъ приблизился ко гробу и хотѣлъ было разжать руку покойнаго, «да вложитъ митрополитъ грамоту душевную». Но покойный князь, какъ живой, самъ поднялъ свою руку, взялъ разрѣшительную молитву и затѣмъ крестообразно сложилъ на груди руки. Тѣло Александра, какъ инока, похоронено было въ монастырѣ Рождества Богородицы [2]).

[1]) Стягъ—знамя.

[2]) За защиту Александромъ Невскимъ православной вѣры, за благочестіе его, за выкупъ имъ плѣнныхъ и за помощь и защиту вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ, русская Церковь причла его къ лику святыхъ. При Димитріи Донскомъ въ 1380 году, были обрѣтены нетлѣнныя вмощи еликаго князя. Наканунѣ Куликовской бытвы, одному иноку въ храмѣ Рождественскаго монастыря, гдѣ похороненъ былъ Александръ Невскій, въ ночное время было слѣдующее видѣніе: свѣчи въ храмѣ зажглись сами собой, къ гробу князя Александра подошли два небожителя—старца и сказали: «возстань, Александръ, поспѣши на помощь сроднику своему великому князю Димитрію, его одолѣвають иноплеменники.» Святый Александръ

Александръ Невскій умеръ въ среднихъ лѣтахъ. Но и не за долгую свою жизнь, и не за долговременнее управленіе Русью онъ пріобрѣлъ право на признательность къ нему потомства. Онъ «много потрудился для земли Русской, за Новгородъ и Псковъ, за все великое княженіе отдавалъ животъ свой и за православную вѣру». Имя этого великаго человѣка всегда будетъ занимать видное мѣсто въ нашей исторіи. Русскіе никогда не забудутъ его.

Св. Александръ Невскій въ иноческомъ чинѣ—изъ Строгановскаго лицевого иконописнаго подлинника.

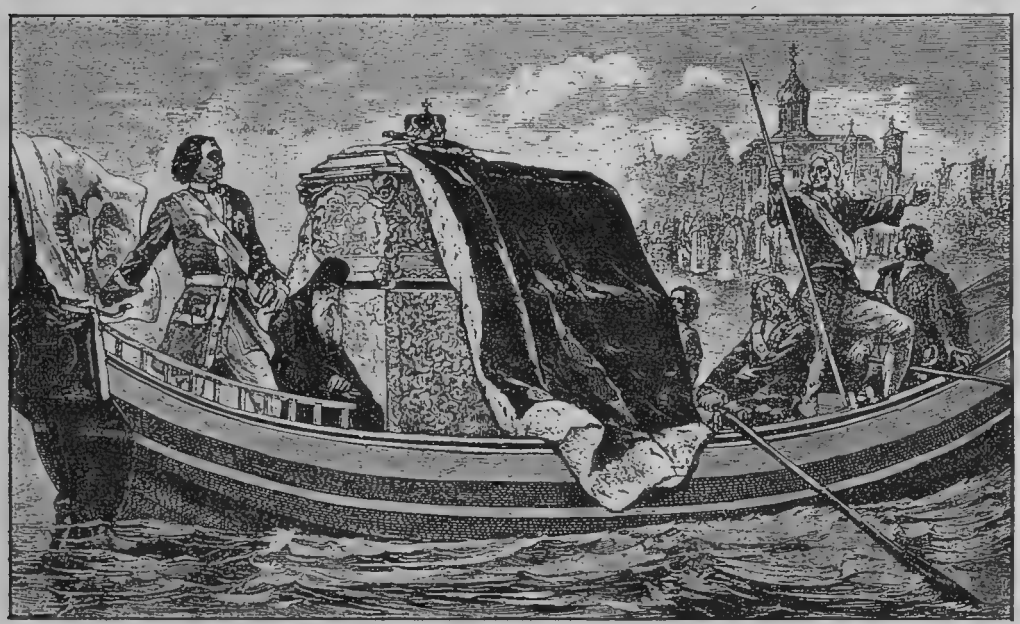
Александръ защитилъ Русь и отъ западныхъ враговъ, посягавшихъ на нашу вѣру и народность, и не разъ спасалъ ее отъ татарскихъ вторженій и опустошеній. Онъ билъ шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ, а съ татарами всегда жилъ въ ладу. Тогдашняя сѣверо-восточная Русь была очень слаба. Она не могла бороться съ ними, не могла защищаться отъ нихъ. Невскій это понималъ и зналъ лучше своихъ современниковъ и потому всегда угождалъ тарарамъ. Своею покорностію, угодливостью имъ и дарами онъ старался отдалять ихъ отъ своей земли, старался не давать имъ возможности вмѣшиваться въ нашу внутреннюю жизнь.

Александръ Невскій пользовался расположеніемъ въ ордѣ. Его тамъ уважали. И онъ извлекалъ изъ этого большія выгоды. Отстраняя татаръ отъ вмѣшательства въ нашу политическую жизнь, онъ самъ распоряжался ею по своему усмотрѣнію. Опираясь на расположеніе къ себѣ татарскихъ властителей, онъ управлялъ Русскою землею вполнѣ самостоятельно. У Александра власть была

всталъ и всѣ трое стали невидимы. Пораженный страхомъ, инокъ хотѣлъ сначала умолчать о видѣніи, но послѣ передалъ митрополиту, а послѣдній—князю. Совпаденіе этого событія по времени съ Куликовской битвой и послужило причиной открытія мощей св. Александра Невскаго. Тѣло князя Александра Ярославича, черезъ 127 лѣтъ послѣ его погребенія, оказалось нетлѣннымъ. Послѣ этого святыя мощи Александра Невскаго положены были открыто въ ракѣ. Петръ 1-й перенесъ ихъ въ Петербургъ. Въ настоящее время мощи Александра Невскаго находятся въ Александро-Невской лаврѣ и покоятся въ великолѣпной серебряной ракѣ, устроенной императрицей Елизаветой Петровной.

очень сильна. Онъ смотрѣлъ государемъ, зависимымъ только отъ татарскаго хана. Его слушались удѣльные князья, бояре и народъ. Онъ мало обращалъ вниманія на вѣчевыя постановленія. Изъ-за блага отечества онъ заставилъ вольныхъ новгородцевъ подчиниться татарамъ.

Отраженіемъ сѣверо-западныхъ враговъ, избавленіемъ своей земли отъ новыхъ татарскихъ опустошительныхъ нашествій, удаленіемъ варваровъ отъ вмѣшательства въ нашу жизнь и возвышеніемъ своей великокняжеской власти Александръ Ярославичъ



Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ С.-Петербургъ.
(Съ картины проф. Баснина, въ Исаакіевскомъ соборѣ.)

положилъ прочное начало усиленію Россіи, ослабленной Батыевымъ разгромомъ.

Александръ Невскій намѣтилъ путь, которымъ нужно было идти его преемникамъ для усиленія и возвышенія Руси. Онъ показалъ имъ, что, живя въ ладу съ татарами, можно многаго достигнуть. И преемники его—московскіе князья—отлично это поняли. Идя по дорогѣ Невскаго, они и себя возвысили, и сѣверо-восточную Русь усилили, укрѣпили. Сами татары были не послѣднею причиною уничтоженія своей власти надъ нею.

Александръ Невскій, въ своей государственной дѣятельности по отношенію къ врагамъ Руси, былъ дальновиднѣе своего современника, Даніила Романовича галицкаго.

Серебряная рака съ мощами св. Александра Невскаго въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ.

Преемники Александра Невскаго.

а) Братья его—Ярославъ и Василій.

Послѣ Александра Невскаго остались три сына—Димитрій, Андрей и Даніилъ. Первый княжилъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, второй—въ Городцѣ, а третій—въ Москвѣ. Но преемникомъ его на великомъ княженіи сталъ не старшій сынъ его Димитрій, а братъ, Ярославъ тверской. Это было по обычаю, по старинѣ. И племянники его ничего не возражали противъ этого. Никто изъ нихъ не искалъ великокняжескаго стола и тогда, когда, по смерти Ярослава, занялъ владимірскій столъ другой дядя ихъ, Василій

костромской. Дѣти Невскаго уважали еще старину, не нарушали старый родовой порядокъ. Зато сами эти великіе князья стали удаляться кое въ чемъ отъ старины. Прежде князь, сдѣлавшись старшимъ въ родѣ, ставши великимъ княземъ, переселялся съ своимъ дворомъ и дружиною въ стольный Владиміръ. Теперь уже братья Ярославичи не дѣлали этого. Они рѣдко показывались во Владимірѣ, а проживали то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Новгородѣ. Стольный Владиміръ имъ не нравился. Тамъ постоянно находился татарскій баскакъ съ толпою татаръ, которые не всегда съ должнымъ уваженіемъ относились къ нимъ. Со времени братьевъ Ярославичей, каждый великій князь старался придать блескъ, силу и значеніе стольного города своей отчинѣ. Владиміръ на Клязьмѣ сталъ терять первенствующее свое значеніе въ сѣверо-восточной Руси. Это значеніе сначала пыталась присвоить Тверь, а потомъ оно перешло къ Москвѣ, за которою и оставалось цѣлые вѣка.

Живя большею частію въ Твери, великій князь Ярославъ Ярославичъ заботился объ усиленіи и расширеніи своей отчины. Съ этою цѣлью онъ стѣснялъ Новгородъ, въ которомъ меньшіе люди сначала были очень расположены къ нему.

Послѣ разгрома Батыемъ кіевской и черниговской земель, тамошніе князья лишились своего прежняго вліянія на Новгородъ. По своей слабости, они мало чѣмъ могли помогать послѣднему. Новгородъ по своимъ дѣламъ сталъ больше обращаться на востокъ Руси, чѣмъ на югъ ея. Борьба съ западными сосѣдями заставляла его искать помощи не у слабыхъ южно-русскихъ князей, а у сильныхъ суздальско-владимірскихъ.

И послѣдніе, понявъ это, старались изъ своихъ отношеній къ Новгороду извлечь какъ можно больше выгодъ. Зная, что южно-русскіе князья уже не могутъ мѣшать имъ въ новгородскихъ дѣлахъ, владимірскіе великіе князья нерѣдко притѣсняли новгородцевъ и заставляли ихъ исполнять свои требованія. Новгородъ почти всегда принадлежалъ великому князю. Кто занималъ владимірскій великокняжескій столъ, тотъ имъ и владѣлъ. Великіе князья посылали въ Новгородъ княжить своихъ сыновей, родственниковъ, а иногда замѣняли ихъ и простыми намѣстниками. И сами они живали въ Новгородѣ на Городищѣ, и живали иногда по-долгу.

Въ послѣдніе годы жизни Александра Невскаго, княземъ въ Новгородѣ былъ сынъ его Димитрій. Новгородцы не долюбливали его, и держали только потому, что боялись его отца. Но когда умеръ Невскій, они тотчасъ же прогнали его. Меньшіе новгородскіе люди, не любившіе Димитрія и отца его, заставившаго ихъ

платить дань татарамъ, послали въ Тверь звать къ себѣ на столъ Ярослава. Великій князь не отказался. Новгородцы предложили ему занять княженіе на льготныхъ для нихъ условіяхъ. Ярославъ и на это согласился. Онъ обѣщался въ правители новгородскихъ волостей назначать только новгородцевъ, и всегда съ согласія посадника. Онъ обѣщалъ безъ вины не смѣнять ихъ. И князь и дружинники его не должны пріобрѣтать селъ въ новгородской землѣ. Ярославъ долженъ судить вмѣстѣ съ посадникомъ и не требовать подсудимыхъ для расправы въ свою отчину. Онъ получаетъ судебныя пошлины и опредѣленную дань съ новгородскихъ волостей. Онъ охотится въ извѣстныхъ только мѣстахъ. Онъ, наконецъ, не стѣсняетъ новгородскихъ купцовъ въ суздальско-владимірской землѣ.

Ярославъ Ярославичъ обѣщался свято исполнять всѣ эти условія, но скоро сталъ измѣнять своему слову. Онъ понемногу началъ тѣснить новгородцевъ. Между прочимъ онъ хотѣлъ отнять волости у нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ. Новгородцы стали возражать противъ этого. Ярославъ, не слушая ихъ, грозилъ имъ своимъ выѣздомъ изъ города. Тѣ стояли на своемъ. Тогда великій князь оставилъ Новгородъ и поѣхалъ въ Тверь. Новгородцы испугались и послали за нимъ владыку и лучшихъ своихъ мужей. Посланные нашли князя у Бронницъ и убѣдили его вернуться назадъ. Новгородцы кое въ чемъ уступили Ярославу. По желанію его, они выбрали въ тысяцкіе Ратибора Клуксовича.

Чего же испугались новгородцы, зачѣмъ они вернули Ярослава?

Великій князь имъ въ ту пору былъ очень нуженъ. Онъ помогалъ имъ въ борьбѣ ихъ съ западными сосѣдями—давнишними ихъ врагами.

Новгородцы въ ту пору находились во враждѣ съ ливонскими нѣмцами и колыванскими датчанами. Желая защитить свои владѣнія отъ послѣднихъ, они въ 1268-мъ году рѣшили предпринять большой походъ противъ эстонской чуди и владѣтелей ея, датчанъ. Новгородцы стали готовиться къ походу. На владычнемъ дворѣ принялись за постройку пороковъ—стѣнобитныхъ орудій. Къ городу стягивались войска изъ новгородскихъ волостей. По просьбѣ новгородцевъ, великій князь далъ имъ свое войско съ двумя своими сыновьями и племянниками. Въ числѣ послѣднихъ находился и князь Димитрій переяславскій, котораго они, по смерти Невскаго, прогнали отъ себя. Составилось большое ополченіе. Въ немъ принимали участіе семь князей и, извѣстный уже намъ, Довмонтъ псковскій.

Узнали про эти военныя приготовленія новгородцевъ ливонскіе нѣмцы и послали къ нимъ своихъ пословъ просить мира.

— «Намъ съ вами миръ»,—говорили послы новгородцамъ. «Перевѣдывайтесь съ датчанами—колыванцами и раковорцами [1]), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ».

Послы поцѣловали крестъ. Новгородцамъ показалось этого мало. Они послали въ Ливонію своихъ пословъ привести ко кресту тамошнихъ епископовъ и Божіихъ дворянъ [2]). И тѣ всѣ присягнули.

Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны нѣмцевъ, русское войско двинулось въ Эстонію. Вошедши въ непріятельскую землю, оно начало грабить всѣхъ и все. Оно не давало пощады ни старому, ни малому,—ни мужчинамъ, ни женщинамъ. Русскіе жгли села, деревни и рыцарскіе замки. Это тогда было въ обычаѣ. Тогдашнія войны всѣ почти отличались ужаснымъ варварствомъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе нашли громадную пещеру. Въ ней спряталось съ своимъ добромъ множество чуди. Наши остановились и хотѣли выгнать ее оттуда. Цѣлыхъ три дня они простояли передъ нею и ничего не могли сдѣлать. Наконецъ какой-то машинный мастеръ пустилъ въ пещеру воду. Чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, выбѣжала наружу и вся была перебита.

Русское войско пошло дальше. Но, не дойдя немного до Раковора, оно вдругъ остановилось. Русскіе совершенно неожиданно увидали передъ собою нѣмцевъ. Послѣдніе ложною клятвою хотѣли,—оказалось,—обмануть нашихъ. Всѣ ливонцы были тутъ. Нѣмецкіе полки и датскіе, какъ густой лѣсъ, стояли на дорогѣ къ Раковору.

Русскіе, однако, не испугались многочисленныхъ враговъ, не потеряли присутствія духа. Перешедши рѣку Кеголу, они, на глазахъ непріятелей, начали готовиться къ бою. Новгородцы стали противъ главнаго нѣмецкаго полка, а по сторонамъ ихъ псковичи и полки великаго князя и его племянниковъ.

Началась жестокая битва. «Было побоище страшное, какого не видали ни отцы, ни дѣды». Долго побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Наконецъ русскіе пересилили. Они сломили нѣмцевъ и датчанъ и погнали ихъ. Они гнали ихъ и били цѣлыхъ семь верстъ до самаго Раковора.

Но, увлекшись преслѣдованіемъ враговъ, наши забыли оста-

---

[1]) Колывань—нынѣшній Ревель, а Раковоръ—Везенбергъ.

[2]) Божіи дворяне—рыцари ордена меченосцевъ.

вить позади себя запасной полкъ для защиты своего тыла и обоза. Поэтому, когда они воротились назадъ, то увидали, что запасные нѣмецкіе полки хозяйничаютъ въ нашемъ обозѣ. Что было дѣлать? Молодые вожди хотѣли сейчасъ же напасть на нихъ. Но болѣе опытные удержали ихъ отъ этого.

— «Время уже къ ночи»,—говорили они,—«въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ».

Отложили битву до утра. Но на разсвѣтѣ наши уже не нашли нѣмцевъ въ своемъ обозѣ. Они ночью бѣжали.

Русскіе простояли на костяхъ [1]) три дня. На четвертый повернули домой, увозя съ собою товарищей своихъ, павшихъ въ битвѣ.

Битва при Раковорѣ обошлась дорого и намъ и непріятелямъ нашимъ. Въ особенности много потерпѣли новгородцы. Они лишились посадника, тринадцати знатнѣйшихъ своихъ мужей и многихъ бояръ. У нихъ было убито очень много черныхъ людей.— Нѣмцевъ же и датчанъ пало безчисленное множество. И на самомъ полѣ битвы и на дорогѣ къ Раковору непріятельскіе трупы валялись цѣлыми кучами.

Но псковичамъ этого пораженія непріятелей было мало. Воспользовавшись Раковорскою побѣдою, они съ княземъ своимъ Довмонтомъ сейчасъ же пошли на нѣмцевъ. Они прошли Ливонію до самаго моря, опустошили ее и возвратились домой съ большою добычею и множествомъ плѣнныхъ.

Русскіе разбили нѣмцевъ и датчанъ, но войну съ ними нельзя было еще считать покончennою. Мира съ ними не было еще заключено. Надо было ожидать мести со стороны враговъ.

И дѣйствительно, на другой же годъ (1269) самъ магистръ ливонскаго ордена съ большимъ войскомъ вторгся въ псковскую землю. Онъ взялъ Изборскъ и осадилъ Псковъ. Нѣмцы начали громить его изъ стѣнобитныхъ орудій. Псковитяне,ославъ въ Новгородъ за помощью, собрались въ соборномъ храмѣ Св. Троицы. Довмонтъ положилъ свой мечъ предъ алтаремъ. Послѣ богослуженія игуменъ Исидоръ препоясалъ его этимъ мечомъ и благословилъ на брань. Одушевленный вѣрою и надеждою на Бога, Довмонтъ съ небольшой дружиной сдѣлалъ отчаянную вылазку. Нанесши врагу большой уронъ, онъ заставилъ его нѣсколько отступить отъ города. Но осада продолжалась еще нѣсколько дней. Она продолжалась до тѣхъ поръ, пока новгородцы не приблизились къ Пскову. Узнавъ объ этомъ, нѣмцы сейчасъ же сняли

---

[1]) На костяхъ—на полѣ битвы.

осаду и отступили. Но новгородцы и псковичи погнались за нами. Испугавшись погони, нѣмцы остановились и заключили миръ на всей волѣ новгородской.

Въ томъ же 1269-мъ году новгородцы заключили миръ и съ датчанами.

Возвратившись изъ-подъ Раковора, новгородцы, по совѣту своего князя Ярослава, вновь рѣшили идти на Эстонію. Ярославъ Ярославичъ не только посовѣтовалъ имъ скорѣе идти на датчанъ, не оправившихся отъ недавняго пораженія, но далъ имъ еще свое войско. Сынъ его Святославъ, собравши большіе полки въ Низовой землѣ, привелъ ихъ къ Новгороду. Тутъ было много князей и даже самъ великій баскакъ владимірскій съ своимъ отрядомъ.

Новгородцы и низовые полки уже готовы были выступить на Колывань, какъ явились къ нимъ послы изъ послѣдней. Датчане, услыхавъ о военныхъ приготовленіяхъ новгородцевъ, испугались, и прислали къ нимъ просить мира. Они отказывались отъ всѣхъ своихъ притязаній на земли по р. Наровѣ.

— «Кланяемся на всей вашей волѣ», — говорили датскіе послы новгородцамъ,—«Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте».

Новгородцы согласились на это условіе и заключали съ датчанами миръ. Они не любили продолжительныхъ войнъ, которыя мѣшали ихъ торговлѣ.

Покончивъ такъ удачно дѣла свои съ датчанами и нѣмцами, покончивъ ихъ при помощи великаго князя, новгородцы вдругъ измѣнили къ нему свои отношенія. Они заговорили съ нимъ безцеремоннымъ языкомъ. Теперь Ярославъ Ярославичъ былъ имъ не нуженъ. Имъ ни чѣмъ не грозили западные сосѣди. Новгородцы стали припоминать разныя великокняжескія обиды. Они начали высчитывать Ярославу, чѣмъ и какъ нарушилъ онъ ихъ права.

Въ слѣдующемъ же 1270 году въ Новгородѣ поднялся мятежъ. Собралось вѣче. Нерасположенные къ князю новгородцы заговорили о разныхъ его притѣсненіяхъ. Другіе стали защищать его. Поднялся крикъ. Началась драка. Недруги князя одолѣли его пріятелей. Одного изъ нихъ они убили, другимъ намяли бока, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Одни спаслись въ храмахъ, а другіе убѣжали въ князю на Городище. Въ числѣ послѣднихъ былъ и тысяцкій Ратиборъ. Мятежники ограбили ихъ дома и разнесли ихъ. Вѣче прислало князю укорительную грамоту.

— «Зачѣмъ ты,»—говорилось въ ней,—«отнялъ Волховъ гогольными ловцами, а поле заячьими? Зачѣмъ взялъ дворъ у Олексы Мартинича, а деньги у Никифора Манускинича, Романа Балдыжевича и Варѳоломея? Зачѣмъ выводилъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ?»

Вѣче требовало удаленія князя изъ Новгорода. Ярославъ вступилъ было въ переговоры съ нимъ. Онъ обѣщалъ исправить всѣ свои неправды. Онъ хотѣлъ вновь присягнуть Новгороду на всей его волѣ.

— «Не надо, не надо!»—кричали новгородцы,—«вонъ, вонъ! Мы себѣ найдемъ другого князя».

Вѣче грозило силою прогнать князя. Новгородцы хотѣли всѣмъ городомъ идти на Городище, если онъ, добровольно не уйдетъ отъ нихъ.

И Ярославъ принужденъ былъ удалиться. Онъ ушелъ изъ Новгорода, но ушелъ затѣмъ, чтобы такъ или иначе добыть его вновь.

Новгородцы послали за Димитріемъ Александровичемъ переяславскимъ. Они думали, что этотъ князь, котораго они когда-то прогнали отъ себя, теперь съ удовольствіемъ приметъ ихъ предложеніе. Они были увѣрены, что теперь онъ не откажется отъ княженія въ богатомъ Новгородѣ,—и обманулись. Димитрій Александровичъ отказался.

— «Не хочу»,—сказалъ онъ,—«взять столъ передъ дядей».

Между тѣмъ Ярославъ, пріѣхавши въ Тверь, приказалъ схватить новгородскихъ купцовъ, находившихся въ суздальской области. Этого мало. Онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ своими недругами. Собирая ратниковъ въ своей землѣ, онъ послалъ за помощью и въ Золотую орду. Туда отправился Ратиборъ, ушедшій вмѣстѣ съ княземъ изъ Новгорода.

— «Новгородцы совсѣмъ тебя не слушаютъ»,—говорилъ Ратиборъ хану Менгу—Тимуру,—«мы просили у нихъ дани для тебя, а они насъ выгнали, другихъ убили, домы наши разграбили и Ярослава обезчестили».

Ханъ повѣрилъ клеветнику и послалъ большое войско Ярославу. Дѣло новгородцевъ на этотъ разъ могло быть очень плохо. Но у нихъ, къ счастью, скоро появился защитникъ, который избавилъ ихъ отъ татаръ. То былъ родной братъ великаго князя, Василій костромской. Онъ принялъ сторону новгородцевъ, заступился за нихъ, но не изъ сочувствія къ ихъ быту, къ ихъ правамъ и порядкамъ, а просто изъ одного только соперничества съ братомъ. Онъ боялся усиленія великаго князя, опасаясь, какъ бы тверской

князь, сдѣлавшись очень могущественнымъ, не подчинилъ себѣ и костромского княжества.

— «Кланяюсь св. Софіи и мужамъ новгородцамъ»,—послалъ сказать Василій въ Новгородъ:—«слышалъ я, что Ярославъ идетъ на Новгородъ со всею своею силою, Димитрій съ переяславцами и Глѣбъ съ смольнянами; жаль мнѣ своей отчины».

Василій костромской не ограничился однимъ сожалѣніемъ. Взявши съ собой нѣсколько новгородскихъ бояръ, онъ поѣхалъ въ орду и тамъ раскрылъ передъ ханомъ всю клевету Ратибора. Онъ доказалъ ему, что новгородцы правы и во всемъ виноватъ самъ Ярославъ.

Менгу-Тимуръ вернулъ свое войско назадъ.

Но Ярославъ и съ однѣми своими силами надѣялся достигнуть своей цѣли. Собравши большое войско въ суздальской землѣ, онъ двинулся съ нимъ къ Новгороду, гдѣ уже его ждали. Новгородцы приготовились къ встрѣчѣ непріятеля. Они возвели новыя укрѣпленія кругомъ города, вооружились отъ мала до велика и вышли за городъ.

Узнавъ объ этомъ, Ярославъ повернулъ на Русу и засѣлъ въ ней. Отсюда онъ послалъ въ Новгородъ съ мирными предложеніями.

— «Обѣщаюсь»,—говорилъ онъ новгородцамъ,—«впередъ не дѣлать ничего того, за что вы на меня сердитесь. Всѣ князья за меня въ томъ поручатся».

Новгородцы не сдавались. У нихъ въ ту пору у самихъ было большое войско. Къ нимъ пришли на помощь псковичи, ладожане, корела, ижора и вожане.

— «Нѣтъ, князь!»—отвѣчали они на мирныя предложенія Ярослава,—«ты вздумалъ зло на св. Софію, такъ ступай: а мы изомремъ честію за св. Софію. У насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хотимъ».

Этого мало. Не дожидаясь прихода Ярослава, они сами пошли на него. Они со всѣми своими силами двинулись къ Русѣ. Подошедши къ рѣкѣ Шелони, они увидали на другомъ ея берегу низовую рать Ярослава. Раздѣленныя этою рѣкою, два враждебныхъ войска цѣлую недѣлю простояли другъ противъ друга, не трогаясь съ мѣста. Наконецъ Ярославъ Ярославичъ обратился за помощью къ духовной власти. По его желанію, митрополить Кириллъ послалъ новгородцамъ увѣщательную грамоту.

— «Намъ Богъ поручилъ архіепископію въ Русской землѣ,»—писалъ онъ въ ней,—«вамъ надобно слушаться Бога и меня: крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурного, я

за это ручаюсь. Если же вы крестъ цѣловали не держать его, то я за это принимаю эпитимію на себя и отвѣчаю передъ Богомъ».

Митрополичья грамота достигла своей цѣли. Новгородцы примирились съ великимъ княземъ. Они предложили ему княжить у нихъ на новыхъ льготныхъ для нихъ условіяхъ. Ярославъ согласился. Тогда они вновь посадили его на своемъ столѣ и привели ко кресту. Князь клятвенно обѣщался княжить на всей волѣ новгородской. Но онъ не долго послѣ этого прожилъ въ вольнолюбивомъ городѣ и на бѣломъ свѣтѣ. Зимою онъ отправился во Владиміръ, а оттуда—въ орду. Возвращаясь изъ послѣдней, великій князь скончался на дорогѣ. Его похоронили въ Твери. Это было въ 1272-мъ году.

Преемникомъ Ярослава по великокняженію сталъ братъ его Василій костромской. Это было по старинѣ. И никто изъ князей не возражалъ противъ этого. Но когда новый великій князь изъявилъ желаніе сдѣлаться и новгородскимъ княземъ,—у него нашелся соперникъ. То былъ, извѣстный уже намъ, Димитрій переяславскій. Отказавшійся прежде отъ новгородскаго стола изъ нежеланія «взять его передъ дядей», Ярославомъ, онъ теперь на другого своего дядю (Василія) совсѣмъ не обратилъ вниманія. Онъ самъ сталъ теперь добиваться этого стола. Послы Василія и послы Димитрія, прибывши въ Новгородъ, не мало хлопотали въ пользу своихъ князей. И послы переяславскіе взяли верхъ. Новгородцы, забывъ недавнюю для нихъ услугу Василія, обошли его и признали своимъ княземъ Димитрія Александровича переяславскаго. Послѣдній, занимавшій новгородскій столъ еще при отцѣ своемъ, теперь снова сѣлъ на него. Онъ поклялся княжить на всей волѣ новгородской. Онъ обѣщалъ не отмѣнять грамотъ своего дяди Ярослава, чего, будто бы, требовалъ Василій Ярославичъ.

Но великій князь не хотѣлъ уступать новгородцамъ и своему племяннику. Желая добыть новгородскій столъ, онъ, подобно покойному своему брату, не разбиралъ для этого средствъ. Онъ призвалъ татаръ и вмѣстѣ съ ними повоевалъ новгородскія волости. Василій взялъ Торжокъ и разграбилъ дома тамошнихъ богачей. Онъ перехваталъ новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ въ суздальской землѣ. Онъ, наконецъ, остановилъ подвозъ хлѣба въ новгородскую землю изъ Поволжья.

Новгородцы послали къ великому князю пословъ и вступили съ нимъ въ переговоры.

— «Возврати волости новгородскія»,—говорили ему послы,— «и помирись съ нами».

Василій не мирился.

Между тѣмъ въ Новгородѣ начался голодъ. Хлѣбъ сильно вздорожалъ. Бѣднота стала ѣсть мякину и всякую падаль. Меньшіе люди взволновались, возмутились и захотѣли Василія. Тогда Димитрій Александровичъ, опасаясь вторичнаго изгнанія, добровольно оставилъ Новгородъ и ушелъ въ свой Переяславль.

Новгородцы принуждены были признать своимъ княземъ Василія костромского. Занявши новгородскій столъ, великій князь отмѣнилъ грамоты своего покойнаго брата и наказалъ своихъ противниковъ. Новгородцы стали ему угождать. Они смѣнили посадника и выбрали другого, угоднаго великому князю. Но Василій не долго послѣ этого прожилъ въ Новгородѣ. Онъ уѣхалъ въ свою Кострому, гдѣ въ 1276-мъ году и скончался. Его въ этомъ городѣ и похоронили.

б) Дѣти Невскаго—Димитрій, Андрей и Даніилъ.

Послѣ Василія костромского великокняженіе перешло къ старшему сыну Невскаго, Димитрію переяславскому. Этотъ князь намъ уже немного извѣстенъ. Старавшійся усилиться на счетъ Новгорода при своемъ предшественникѣ, Димитрій Александровичъ теперь достигъ своей цѣли. Къ своей переяславской землѣ онъ присоединилъ владимірское княжество и Новгородъ. Новгородцы сами пригласили его къ себѣ въ князья. Они старались жить съ нимъ въ ладу. Они даже дозволили ему построить крѣпость въ Копорьѣ. Но въ 1281-мъ году они поссорились съ Димитріемъ. Великій князь за что-то сильно разгнѣвался на новгородцевъ. Послѣдніе послали къ нему владыку съ просьбою о примиреніи. Князь не послушалъ его. Онъ съ войскомъ вторгся въ новгородскую волость и жестоко опустошилъ ее. Новгородцы снова стали просить его о примиреніи. Димитрій, наконецъ, согласился и заключилъ съ ними миръ на всей своей волѣ. Великій князь возвратился въ свой Переяславль съ большею добычею.

Но онъ не долго послѣ этого наслаждался спокойствіемъ. Противъ него поднялся родной братъ его, Андрей городецкій. Боясь усиленія великаго князя, онъ, подобно покойному своему дядѣ, Василію, возсталъ противъ Димитрія. Городецкіе бояре, во главѣ которыхъ былъ Семенъ Тоніелевичъ, совѣтовали ему поскорѣе заняться ослабленіемъ великаго князя. Этого же желали и нѣкоторые мелкіе князья сѣверо-восточной Руси. Усиленіе Димитрія переяславскаго грозило не только Андрею городецкому, но и другимъ малоземельнымъ князьямъ. И Андрей, въ сопровожденіи

Семена Тоніелевича и другихъ бояръ, отправился въ Золотую орду.

Началась борьба между сыновьями Невскаго изъ-за усиленія, изъ-за личныхъ своихъ выгодъ. Наступило тяжелое, безотрадное время въ исторіи сѣверо-восточной Руси. И безъ того не особенно богатая, она стала подвергаться частымъ разорительнымъ и варварскимъ опустошеніямъ. Ссорясь между собою, дѣти Невскаго и сами разоряли свои земли и наводили на нихъ татаръ. Варвары никого и ничего не щадили. Они выжигали цѣлыя селенія, грабили и разоряли города, они убивали, кого ни попало, и уводили въ плѣнъ нашихъ предковъ цѣлыми толпами. Плачъ и вопль былъ по всей суздальской землѣ. Дѣти Невскаго героя совсѣмъ были не въ отца. Преслѣдуя свои личныя выгоды, они забывали нужды своихъ земель, забывали ихъ интересы. Было бы только имъ хорошо, было бы только по ихъ желанію, а тамъ имъ ни до чего не было дѣла.

Прибывши въ Золотую орду, князь Андрей сталъ задаривать приближенныхъ хана. Онъ не жалѣлъ на это средствъ. Онъ былъ увѣренъ, что подарками многаго можно достигнуть въ ордѣ. И Андрей не обманулся. Задаренныя имъ ханскія жены и татарскіе вельможи убѣдили своего владыку принять сторону городецкаго князя. Ханъ Менгу-Тимуръ отнялъ у великаго князя владимірское княжество и отдалъ его Андрею. Онъ не только далъ ему ярлыкъ на это княжество, но и послалъ съ нимъ войско противъ Димитрія, не хотѣвшаго слушаться ханскихъ распоряженій. Къ Андрею городецкому присоединились и нѣкоторые родственники-князья съ своими дружинами. И имъ усиленіе великаго князя было не по сердцу.

Узнавъ обо всемъ этомъ, великій князь отправился съ своею семьею и боярами въ Новгородъ. Онъ хотѣлъ засѣсть въ своемъ Копорьѣ. Но новгородцы не пустили его туда. Они не забыли еще недавней его расправы съ ними. Остановивъ его на озерѣ Ильменѣ, они самого его не тронули, но дочерей его и бояръ взяли въ заложники.

— «Отпустимъ ихъ тогда,»—сказали они великому князю,— «когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья».

Димитрій Александровичъ отправился за Балтійское море, а новгородцы — къ Копорью. Заставивъ небольшую великокняжскую дружину выйти изъ крѣпости, они разрушили ее до основанія.

Между тѣмъ, татары, приведенные Андреемъ городецкимъ, разсыпались по всей суздальской землѣ. Они опустошили окрест-

ности Мурома, Владиміра, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери. Они грабили и за Торжкомъ.

Андрей былъ очень доволенъ всѣмъ этимъ. Угостивши во Владимірѣ татарскихъ князей и отпустивши ихъ домой съ большими дарами, онъ поѣхалъ въ Новгородъ. Новгородцы приняли его съ честью и посадили на свой столъ. Андрей, повидимому, достигъ своей цѣли: онъ совсѣмъ обезсилилъ старшаго своего брата, великаго князя. Онъ уже мечталъ объ укрѣпленіи за собою всѣхъ его земель, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Димитрій воротился изъ-за моря. Ему донесли, что великій князь привелъ съ собою наемное войско, находится теперь въ своемъ Переяславлѣ и собираетъ противъ него полки.

Андрей испугался, бросилъ Новгородъ и поскакалъ снова въ Золотую орду. Тамъ былъ въ ту пору новый ханъ, братъ умершаго Менгу-Тимура, Тудай-Менгу. Андрей началъ клеветать ему на своего старшаго брата. Онъ говорилъ, что Димитрій не признаетъ хана своимъ владыкою, не хочетъ повиноваться татарамъ и не желаетъ платить имъ дань.

Ханъ повѣрилъ ему и послалъ съ нимъ свое войско на великаго князя владимірскаго. Узнавъ объ этомъ, Димитрій Александровичъ вторично убѣжалъ, но убѣжалъ уже не въ Скандинавію, а къ берегамъ Чернаго моря. Тутъ, въ степяхъ, раскинулась другая татарская орда—ногайская. Повелитель ея Ногай, изъ соперничества съ золотоордынскимъ ханомъ, принялъ съ честью нашего бѣглеца и далъ ему большое войско. Теперь Андрей, не приготовленный къ войнѣ съ ногайскими татарами, долженъ былъ уступить великому князю. Возвративши ему Владиміръ, онъ самъ ушелъ въ свой Городецъ.

Одолѣвши своего недруга—брата Андрея, Димитрій Александровичъ захотѣлъ отомстить его совѣтникамъ. Онъ золъ былъ на его бояръ и въ особенности на Семена Тоніелевича. Великій князь приказалъ двумъ своимъ боярамъ убить его. Тѣ схватили его въ Костромѣ и стали допытываться у него о намѣреніяхъ князя Андрея.

— «Напрасно допрашиваете меня,»—говорилъ имъ Семенъ Тоніелевичъ,—«мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю. Если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины».

— «Ты поднималъ ордынскаго царя», продолжали бояре Димитрія,—«ты приводилъ татаръ на нашего князя».

— «Ничего не знаю»,—отвѣчалъ Семенъ,—«если хотите знать подробнѣе объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича; тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы».

— «Если ты не разскажешь о всѣхъ замыслахъ своего князя»,—настаивали бояре,—«то мы убьемъ тебя».

— «А гдѣ же клятва»,—возразилъ на эту угрозу бояринъ Семенъ,—«которою клялся вашъ князь моему,—гдѣ клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить клятву, убивая бояръ нашего господина?»

Ничего не добившись отъ Семена Тоніелевича, великокняжескіе бояре убили его.

Это убійство подлило масла въ огонь. Андрей городецкій не могъ перенести его. Онъ рѣшился отомстить за смерть вѣрнаго своего слуги. Онъ завелъ тайныя сношенія съ Новгородомъ. Андрей и новгородцы поклялись стать другъ за друга противъ Димитрія. Но когда изъ этого ничего не вышло, Андрей отправился въ орду и привелъ оттуда какого-то царевича съ татарами. Послѣдніе, по обычаю, стали грабить народъ. Великій князь, собравши рать, напалъ на нихъ и прогналъ ихъ изъ своей земли. Самъ царевичъ едва не попалъ въ плѣнъ. Андрей и на этотъ разъ принужденъ былъ уступить своему старшему брату, принужденъ былъ смириться передъ нимъ. Новгородцы опять признали Димитрія княземъ на всей его волѣ.

Смиривши Андрея и новгородцевъ, Димитрій Александровичъ захотѣлъ наказать и тѣхъ мелкихъ князей, которые держали сторону городецкаго князя. Сначала онъ пошелъ (1288 г.) на Тверь, но тамошній князь Михаилъ Ярославичъ встрѣтилъ его съ своими войсками у Кашина. Постоявъ нѣсколько дней другъ противъ друга, враги заключили миръ. Что потомъ сдѣлалъ съ другими князьями Димитрій, что онъ противъ нихъ предпринималъ,—неизвѣстно. Извѣстно только, что эти князья [1]) въ 1292-мъ году отправились жаловаться на него въ Золотую орду. Ханъ, выслушавъ ихъ жалобы, далъ имъ большое войско.

Узнавъ о приближеніи татаръ, великій князь бѣжалъ изъ Переяславля во Псковъ. За нимъ разбѣжались и переяславцы по разнымъ мѣстамъ. Ушли многіе и изъ другихъ городовъ и селеній. И это они сдѣлали, какъ-разъ, во-время. Варвары, приведенные въ суздальскую землю русскими князьями, разсыпались по ней и начали тамъ расправляться по-своему. Не давая никому пощады, они обирали всѣхъ и каждаго. Сопротивлявшихся—убивали или забирали въ плѣнъ. Они опустошили четырнадцать городовъ съ ихъ окрестностями. Взявши Владиміръ, они до-чиста ограбили

[1]) Князья эти были—Андрей городецкій, Димитрій ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ углицкимъ, двоюродный братъ ихъ Михаилъ Глѣбовичъ бѣлозерскій и Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій.

тамошнюю Богородичную церковь. Отъ Волока татары хотѣли идти на Новгородъ и Псковъ. Новгородцы пришли въ ужасъ. Они послали богатые дары предводителю ихъ Дуденю. И азіаты, удовольствовавшись ими, повернули домой. Они возвращались въ свои степи съ большою добычею и множествомъ плѣнныхъ.

Союзники-князья, довольные ослабленіемъ и униженіемъ великаго князя, раздѣлили между собою его земли. Андрей городецкій взялъ Владиміръ и Новгородъ, а Ѳедоръ ярославскій—Переяславль.

Между тѣмъ Димитрій Александровичъ, живя во Псковѣ, соскучился по своей отчинѣ. Онъ рѣшился пробраться въ нее. Но какъ это было сдѣлать? До Твери онъ кое-какъ добрался, а дальше идти было опасно. Обозъ его, слѣдовавшій за нимъ, захватили новгородцы. Могли и его самого забрать въ плѣнъ недруги его... И онъ вступилъ въ переговоры со своимъ братомъ Андреемъ. Великій князь у Андрея сталъ просить мира. Андрей оставивши за собой Владиміръ и Новгородъ, возвратилъ Димитрію Переяславль. Но великому князю не удалось увидѣть своей отчины. На дорогѣ къ Переяславлю онъ въ 1294-мъ году скончался. Димитрія Александровича похоронили въ Переяславлѣ.

Великокняженіе перешло къ брату его, князю Андрею городецкому. И при немъ продолжались прежнія смуты и междоусобія. Какъ онъ, не желая усиленія своего предшественника, возставалъ противъ него, такъ теперь противъ него самого, изъ того же побужденія, поднимались мелкіе удѣльные князья. Противъ новаго великаго князя стали составляться княжескіе союзы. Въ числѣ противниковъ его были меньшой братъ его Даніилъ московскій, двоюродный братъ Михаилъ Ярославичъ тверской и племянникъ Иванъ Димитріевичъ переяславскій. Для рѣшенія споровъ князья собирались на съѣзды. На одномъ изъ нихъ во Владимірѣ (1296 г.), князья разсорились. Дѣло чуть-было не дошло до войны. Епископъ Симеонъ своими увѣщаніями сумѣлъ на нѣкоторое время отвратить это несчастіе. На другомъ съѣздѣ, въ Дмитровѣ, (1301 г.), одни князья уладили свои земельныя дѣла, а другіе разъѣхались во враждѣ. Въ 1302-мъ году произошло событіе, которое послужило новымъ поводомъ къ борьбѣ между князьями. Это событіе—смерть князя Ивана Димитріевича переяславскаго и завѣщаніе его относительно своего удѣла. Умирая бездѣтнымъ, онъ завѣщалъ переяславское княжество младшему дядѣ своему Даніилу Александровичу московскому. Старшій дядя покойнаго, великій князь Андрей Александровичъ не хотѣлъ допустить этого. Онъ не желалъ усиленія неважнаго еще въ ту

пору московскаго княжества. Послѣднее, отъ присоединенія къ нему переяславской земли, становилось, по тогдашнему времени, очень сильнымъ. И вотъ Андрей рѣшилъ поступить по-своему. Не разсуждая долго, онъ захватилъ Переяславль. Не обращая вниманія на желаніе переяславцевъ, охотно подчинившихся московскому князю, онъ отправилъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ. Но Даніилъ не желалъ уступать великому князю.

Даніилъ Александровичъ выдѣлялся изъ своихъ братьевъ. Это былъ умный и трудолюбивый князь. Оставшись младенцемъ послѣ отца, онъ росъ во время княжескихъ междоусобій. Все дѣтство и отрочество его протекли въ смутное время. Онъ помнилъ борьбу своихъ дядей. Онъ видѣлъ губительныя нашествія татаръ на сѣверо-восточную Русь.

Св. благовѣрный князь Даніилъ Александровичъ въ схимѣ.

Выросши среди политическихъ бурь и невзгодъ, Даніилъ отличался стойкостью и выносливостью. Онъ всегда неуклонно шелъ къ намѣченной имъ цѣли. Принимая участіе въ союзѣ князей противъ брата своего Андрея, онъ больше всего заботился объ усиленіи своего небольшого княжества. Даніилъ положилъ прочное начало усиленію и возвышенію своей Москвы надъ другими городами.

Москва была основана Юріемъ Долгорукимъ. Она въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1147-мъ годомъ. Тутъ Юрій угощалъ Святослава Ольговича, князя сѣверскаго. Послѣдній былъ союзникомъ его въ борьбѣ съ племянникомъ Изяславомъ II кіевскимъ.

Москва сначала была простою усадьбою—обыкновеннымъ богатымъ княжескимъ дворомъ, гдѣ Юрій останавливался при поѣздкахъ своихъ въ южную Русь и обратно. Потомъ въ 1156-мъ году, онъ окружилъ его деревянною стѣною. И Москва стала городомъ.

Основанная на возвышенномъ берегу р. Москвы, среди густого бора, Москва начала заселяться пришлыми людьми изъ другихъ княжествъ. Во время татарскаго нашествія, она уже была довольно значительнымъ городкомъ. Помимо кремля, тамъ были посады, раскинутые по холмамъ. Батый разорилъ Москву, разрушилъ ея

церкви и перебилъ ея жителей. Самого тамошняго князя Владиміра Юрьевича онъ взялъ въ плѣнъ.

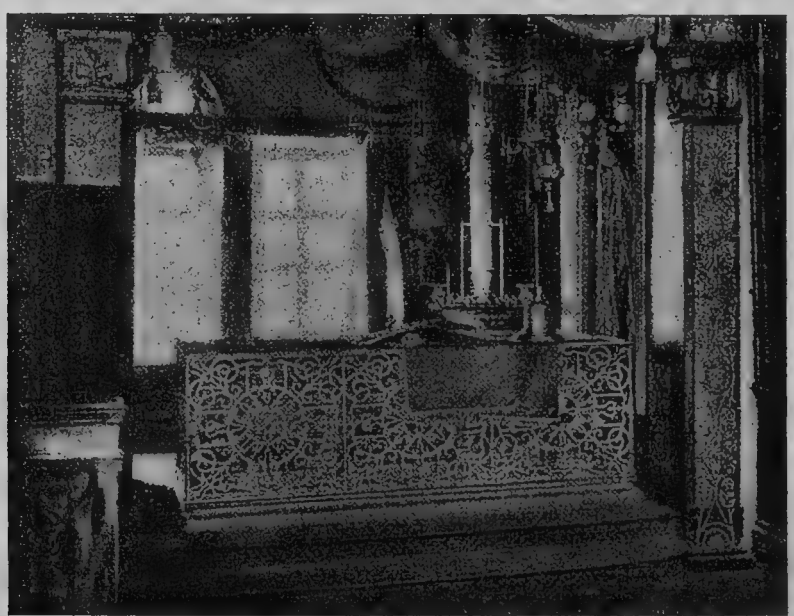
Послѣ татарскаго погрома, Москва стала быстро возрождаться. Положеніе ея на границѣ суздальской земли съ черниговской и удаленность отъ Золотой орды привлекали сюда жителей изъ другихъ городовъ. Отъ татаръ она была далеко, да и отъ княжествъ, постоянно почти враждовавшихъ между собою,—не близко. Въ Москвѣ и ея уѣздѣ жилось много покойнѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ. Даніилъ Александровичъ, младшій сынъ Невскаго, особенно много помогъ усиленію этого города. Онъ былъ хорошій хозяинъ. Получивъ въ удѣлъ Москву маленькимъ городомъ, онъ привлекалъ сюда жителей разными льготами. Онъ старался рас-

Даниловъ монастырь въ Москвѣ.

ширить его и увеличить, воздвигалъ церкви и построилъ за городомъ монастырь въ честь Даніила Столпника, сохранившійся до настоящаго времени.

Даніилъ разными средствами достигалъ своихъ цѣлей. Покупкою, ловкостью, путемъ завоеваній онъ расширялъ свой московскій удѣлъ. Въ 1301-мъ году онъ отнялъ у рязанскихъ князей Коломну. Воспользовавшись ихъ междоусобіемъ, Даніилъ ввязался въ ихъ ссору и началъ войну съ коломенскимъ княземъ Константиномъ Романовичемъ. Послѣдній не только былъ разбитъ московскимъ княземъ, но и попалъ къ нему въ плѣнъ. Коломна осталась за Москвою. Это было важное пріобрѣтеніе для нея. Коломна стояла на лѣвомъ борегу Оки и не далеко отъ впаденія въ нее рѣки Москвы.—Съ покойнымъ братомъ Димитріемъ переяславскимъ Даніилъ часто бывалъ не въ ладу, а съ сыномъ его Иваномъ онъ постоянно находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ разсчиты-

валъ на его болѣзненность и бездѣтность. И не обманулся, не ошибся въ расчетѣ. Иванъ Димитріевичъ завѣщалъ свой Переяславль-Залѣсскій не старшему своему дядѣ Андрею, тогдашнему великому князю, а ему—младшему. Андрей не хотѣлъ допустить этого. Какъ мы уже выше сказали, онъ тотчасъ же, по смерти Ивана, отправилъ въ Переяславль своихъ намѣстниковъ. Даніилъ прогналъ ихъ и поставилъ своихъ. Андрей отправился въ орду



Рака св. благовѣрнаго князя Даніила въ монастырѣ его имени въ Москвѣ.

за ярлыкомъ на Переяславль. Но когда онъ вернулся съ нимъ домой, Даніила Александровича уже не было въ живыхъ. Онъ скончался въ 1303-мъ году, [1]) оставивъ послѣ себя пять сыновей. Великій князь хотѣлъ было отнять у нихъ Переяславль, но не сумѣлъ этого сдѣлать. Юрій московскій, старшій сынъ покойнаго Даніила, отстоялъ его, удержалъ за собою. Въ слѣдующемъ 1304-мъ г. умеръ и самъ великій князь Андрей Александровичъ.

Первая борьба Москвы съ Тверью.

Смерть Андрея городецкаго послужила знакомъ къ началу борьбы между Москвою и Тверью. Начавшись изъ-за старшинства,

[1]) Даніилъ Александровичъ передъ смертію постригся и принялъ схиму. Это тогда было въ обычаѣ у благочестивыхъ людей. Онъ похороненъ въ построенномъ имъ московскомъ Даніиловскомъ монастырѣ—и впослѣдствіи причтенъ Церковію къ лику святыхъ (праздн. 4 марта).

она тянулась довольно долго и была очень кровопролитна. Возобновлявшаяся до двухъ разъ, борьба эта окончилась полнымъ торжествомъ Москвы.

Дѣло было такъ.

Послѣ Андрея Александровича великокняжескій владимірскій столъ долженъ былъ перейти къ Михаилу Ярославичу тверскому. Онъ былъ старшій въ родѣ. Но у него нашелся соперникъ въ лицѣ Юрія Даніиловича московскаго. Этотъ князь не имѣлъ права на старшинство, онъ былъ правнукъ Ярослава Всеволодовича и отецъ его не былъ великимъ княземъ. Но Юрій не любилъ считаться со старыми порядками. Онъ не стѣснялся въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Ради расширенія своей земли ради усиленія своей власти, онъ способенъ былъ на все. Въ годъ смерти своего отца, онъ убилъ рязанскаго князя Константина, взятаго Даніиломъ въ плѣнъ. Въ томъ же году Юрій Даніиловичъ отнялъ у смоленскихъ князей Можайскъ. Этотъ городъ нуженъ былъ ему для округленія его владѣній. Онъ лежалъ на верховьяхъ р. Москвы. Теперь, владѣя можайскимъ удѣломъ и Коломною, московскій князь распоряжался всѣмъ теченіемъ Москвы-рѣки. Теперь онъ не бѣднѣе былъ многихъ сѣверо-восточныхъ русскихъ князей.

Юрій Даніиловичъ зналъ это и хотѣлъ использовать свои средства. Надѣясь на свое богатство и безцеремонность, онъ рѣшилъ начать борьбу съ своимъ дядей изъ-за старшинства. Онъ хотѣлъ купить у татаръ ярлыкъ на великокняжескій владимірскій столъ. Онъ разсчитывалъ, что татарскому хану нѣтъ нужды разбирать, кто больше имѣетъ правъ на этотъ столъ—онъ ли, или дядя его Михаилъ. Хану нужны деньги и покорность. Кто больше изъ нихъ даетъ ему выхода,—кто больше обѣщаетъ ему дани, тому онъ и отдаетъ старшинство на Руси.

И Юрій въ этомъ не ошибался. Татары такъ именно и смотрѣли тогда на наше великокняженіе.

Когда Михаилъ тверской поѣхалъ въ Золотую орду за ярлыкомъ на великокняженіе—отправился туда же и за тѣмъ же и Юрій московскій. Во Владимірѣ митрополитъ Максимъ уговаривалъ его вернуться назадъ. Онъ убѣждалъ его не ходить въ орду, не спорить съ Михаиломъ. Онъ говорилъ ему, что Михаилъ Ярославичъ не обидитъ его и дастъ ему волость, какую онъ захочетъ. Юрій не послушалъ владыки митрополита.

—«Я ѣду въ орду такъ, по своимъ дѣламъ»,—отвѣтилъ онъ святителю на его увѣщанія,—«а вовсе не искать великаго княженія».

Тверскіе бояре хотѣли было схватить Юрія на дорогѣ, но не сумѣли. Юрій поѣхалъ въ орду другою дорогою.

Въ Золотой ордѣ московскій князь встрѣтилъ то, на что разсчитывалъ.

— «Если ты дашь выходу больше князя Михаила тверского»,—сказали ему тамъ вельможи татарскіе,—«то мы дадимъ тебѣ великое княженіе».

Юрій Даніиловичъ обѣщалъ дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ. Тогда Юрій еще прибавилъ. Но Михаилъ еще больше обѣщалъ. Московскій князь не въ силахъ былъ больше надбавлять и Михаилъ тверской получилъ ярлыкъ на великое княженіе владимірское.

Не достигши въ ордѣ своей цѣли, Юрій поспѣшилъ домой, гдѣ, въ отсутствіе его, чуть было враги не отняли у него Переяславль-Залѣсскій.

Враги эти были тверскіе бояре. Узнавъ, что Юрій Даніиловичъ поѣхалъ въ орду, они сначала хотѣли было схватить его на дорогѣ. Когда же это имъ не удалось,—они задумали овладѣть Переяславлемъ. Коноводомъ этой затѣи былъ бояринъ Акинѳъ, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый. Сначала онъ былъ первымъ лицомъ у московскаго князя, но потомъ, униженный имъ, отъѣхалъ отъ него къ Михаилу тверскому. Онъ обидѣлся на Юрія Даніиловича и брата его Ивана за то, что тѣ предпочли ему кіевскаго боярина Родіона Нестеровича. Послѣдній былъ силенъ и очень богатъ. Перешедши на службу въ Москву, онъ привелъ съ собою до 1,700 слугъ. Братья Даніиловичи, конечно, обрадовались такому новому слугѣ и стали держать Родіона въ большомъ почетѣ и уваженіи. Онъ сдѣлался у нихъ первымъ бояриномъ. Акинѳъ не вынесъ этого. Онъ перешелъ на службу къ тверскому князю и рѣшилъ отомстить московскимъ князьямъ за предпочтеніе ему Родіона. Воспользовавшись отъѣздомъ Юрія въ орду, онъ съ тверскими боярами и войскомъ подступилъ къ Переяславлю. Тамъ въ ту пору находился Иванъ Даніиловичъ. Не надѣясь взять городъ приступомъ, тверичи осадили его. Они продержали его въ осадѣ три дня. На четвертый день на выручку Ивана пришелъ изъ Москвы бояринъ Родіонъ. Приведши съ собою небольшое войско, онъ зашелъ врагамъ въ тылъ. Замѣтя это, переяславцы сдѣлали большую вылазку. Произошла жестокая схватка. Поражаемые сзади и спереди, тверичи были разбиты на голову. Самъ Акинѳъ былъ убитъ Родіономъ, который воткнулъ голову его на копье и подалъ Ивану Даниловичу.

— «Вотъ, господинъ»,—сказалъ онъ ему,—«твоего измѣнника, а моего мѣстника голова!»

Попытка тверичанъ овладѣть Переяславлемъ-Залѣсскимъ

не удалась. Немного больше имѣли удачи и походы самаго князя ихъ на Юрія. Возвратившись изъ орды, новый великій князь рѣшился отомстить Москвѣ за смерть боярина своего Акинѳа. Онъ нѣсколько разъ ходилъ на Юрія—и все почти безъ успѣха. Только въ 1308-мъ году Михаилу Ярославичу удалось досадить своему врагу. Подравшись съ нимъ подъ стѣнами Москвы и не взявши ея, онъ на возвратномъ пути не мало ограбилъ и пожегъ селъ и деревень Юрія Даніиловича.

До 1313 года тверской князь не оставлялъ въ покоѣ Юрія московскаго, но съ этого времени роли перемѣнились. Съ этого года уже Юрій начинаетъ досаждать великому князю.

Въ 1313-мъ году въ ордѣ произошла важная перемѣна. Тамъ воцарился новый ханъ Узбекъ. Новый ханъ былъ очень уменъ и предпріимчивъ. Онъ поднялъ значеніе своей орды и расширилъ ея предѣлы. Подвластные ему владѣтели пошли къ нему, по обычаю, на поклонъ и за ярлыками. Отправился за тѣмъ же въ орду и Михаилъ Ярославичъ. Узбекъ принялъ его ласково, утвердилъ за нимъ великое княженіе, но почему-то продержалъ его въ ордѣ больше года.

Этимъ отсутствіемъ Михаила и воспользовался Юрій московскій для его ослабленія. Дѣло началось съ Новгорода. Новгородцы были недовольны великокняжескими намѣстниками. Они не разъ жаловались Михаилу Ярославичу на обиды и притѣсненія ихъ, жаловались ему еще до поѣздки его къ Узбеку. Великій князь сначала не обращалъ на это вниманія, но потомъ рѣшился смирить ихъ,—смирить не намѣстниковъ своихъ, а самихъ жалобщиковъ—новгородцевъ. Онъ вызвалъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и захватилъ Торжокъ и Бѣжецкъ. Это были новгородскіе пригородки. Этого мало. Великій князь остановилъ подвозъ хлѣба въ новгородскую область изъ Низовой земли. Въ Новгородѣ начался голодъ. Новгородцы запросили мира. Великій князь согласился. Взявши съ новгородцевъ 1.500 гривенъ серебра, онъ послалъ къ нимъ новыхъ своихъ намѣстниковъ. Эти послѣдніе были еще хуже первыхъ намѣстниковъ. Обиды и насилія ихъ совсѣмъ вывели новгородцевъ изъ терпѣнія. Воспользовавшись отъѣздомъ Михаила Ярославича въ орду, они въ 1314-мъ году послали звать къ себѣ въ князья соперника его—Юрія московскаго. Послѣдній не отказался отъ предложенія. Взявши съ собою брата Аѳанасія и князя Ѳеодора ржевскаго, Юрій прибылъ въ Новгородъ. Онъ выгналъ оттуда великокняжескихъ намѣстниковъ и самъ сѣлъ на новгородскій столъ.

Но Юрій не долго прокняжилъ въ Новгородѣ;—въ слѣдую-

щемъ же 1315-мъ году его позвали въ орду. Находившійся тамъ въ ту пору тверской князь оклеветалъ его передъ Узбекомъ.

Юрій отправился къ хану, оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія и князя Ѳеодора ржевскаго. Онъ прибылъ въ орду въ ту пору, когда Михаилъ тверской только что выѣхалъ изъ нея. Послѣдній возвращался домой съ татарами.

Прибывши въ свою Тверь, великій князь рѣшился наказать новгородцевъ за измѣну ему. Онъ хотѣлъ отомстить за то, что они, изгнавъ его намѣстниковъ, взяли къ себѣ въ князья его соперника. Отдохнувъ немного съ дороги, Михаилъ съ своими полками и татарами двинулся на новгородскую землю. Новгородцы пошли ему навстрѣчу. Предводимые князьями Аѳанасіемъ и Ѳеодоромъ ржевскимъ, они встрѣтились съ врагами у Торжка. Произошла жестокая битва. Новгородцы были разбиты. Они лишились многихъ бояръ, купцовъ и черныхъ людей. Аѳанасій и Ѳеодоръ ржевскій заперлись въ Торжкѣ. Тѣмъ не менѣе побѣдитель вступилъ въ переговоры съ побѣжденными.

— «Выдайте мнѣ»,—послалъ онъ сказать новгородцамъ,— «выдайте Аѳанасія и Ѳеодора ржевскаго, такъ я съ вами заключу миръ».

— «Не выдадимъ Аѳанасія»,—отвѣтили ему побѣжденные новгородцы,—«но помремъ всѣ честно за св. Софію!»

— «Ну такъ выдайте мнѣ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора ржевскаго»,—прислалъ опять сказать имъ великій князь.

Новгородцы выдали его. Тогда Михаилъ заключилъ съ ними миръ. Взявши съ нихъ 5,000 гривенъ серебра, онъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Великій князь возвратился въ Тверь съ большою добычею и заложниками изъ нѣсколькихъ новгородскихъ бояръ.

Однако Новгородъ и послѣ этого не долго былъ въ ладу съ великимъ княземъ. Въ слѣдующемъ же (1316) году начались тамъ волненія и безпорядки. Новгородцы прогнали великокняжескихъ намѣстниковъ и кое-кого изъ сторонниковъ ихъ поколотили и даже убили.

Великій князь снова поднялся на нихъ. Собравъ большую рать, онъ пошелъ съ нею къ самому Новгороду. Опустошая и грабя на своемъ пути, онъ не дошелъ до него 50-ти верстъ и остановился. Тутъ онъ узналъ, что новгородцы рѣшились защищаться до послѣдней крайности,—рѣшились драться съ нимъ до послѣдняго человѣка. Ему передали, что они кругомъ города построили новыя укрѣпленія и призвали къ себѣ на помощь псковичей, ладожанъ, корелу, ижору и вожанъ. Михаилъ Ярославичъ

побоялся идти дальше. Простоявъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ и услыхавъ о враждебныхъ замыслахъ московскаго князя, онъ повернулъ назадъ и сталъ отступать. Отступленіе это было ужасно. Чего тутъ только не натерпѣлись тверскіе воины! Заблудившись въ озерахъ, болотахъ и лѣсахъ, они стали страдать отъ голода. Одни изъ нихъ ѣли дохлую конину, другіе жевали голенища отъ обуви и кожу со щитовъ. Многіе не выдерживали и умирали съ голоду. Обезсиленные голодомъ и тяжелою дорогою, ратники бросали свое оружіе и жгли его. Оставшіеся въ живыхъ еле-еле добрались до дому. Они были пѣши, босы и безоружны.

И опасенія тверского князя касательно замысловъ Юрія Даніиловича были не напрасны. Въ эту пору московскій князь возвращался изъ орды. Юрій прожилъ тамъ два года и прожилъ не даромъ. Онъ не только оправдался предъ Узбекомъ отъ обвиненій Михайловыхъ, но даже заслужилъ его благорасположеніе и породнился съ нимъ. Онъ женился на его сестрѣ Кончакѣ, въ крещеніи названной Агаѳіей. Ханскій зять возвращался теперь домой не съ молодою только женой, а съ цѣлымъ отрядомъ татаръ и ханскими послами. Во главѣ послѣднихъ былъ Кавгадый, приближенный хана. Злой и мстительный, татаринъ этотъ отличался большимъ коварствомъ.

Прибывши домой, Юрій Даніиловичъ сталъ готовиться къ походу на своего соперника. Собравъ большія силы, онъ двинулся на Михаила. Ополченіе его состояло изъ москвичей, татаръ и нѣкоторыхъ суздальскихъ князей со своими дружинами. Вошедши въ тверскую землю, юрьевская рать стала жечь и грабить все, что попадалось ей на пути. Михаилъ Ярославичъ вышелъ навстрѣчу непріятелю. Враги сошлись у села Бортенева, въ 40 верстахъ отъ Твери. Произошла жестокая битва. Тверичи, озлобленные опустошеніемъ своей земли непріятелемъ, дрались съ отчаянною храбростью. Непріятели были разбиты на-голову. Жена московскаго князя, братъ его Борисъ и множество бояръ попались въ плѣнъ. Самъ Юрій убѣжалъ въ Новгородъ. Кавгадый сталъ просить мира. Тверскій князь примирился съ нимъ и даже принялъ его съ большою честью. Коварный татаринъ сталъ клясться ему въ вѣрности. Михаилъ вѣрилъ ему, ласкалъ и щедро одарилъ его.

Стали лгать и хитрить и другіе азіаты.

— «Мы съ этихъ поръ твои»,—говорили они Михаилу Ярославичу,—«да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боимся отъ хана опалы, что такое дѣло сдѣлали и много крови пролили».

Тверской князь повѣрилъ и имъ и всѣхъ татаръ отпустилъ домой съ честью.

Заговорилъ о примиреніи и самъ Юрій московскій. Онъ предложилъ Михаилу заключить договоръ, по которому они оба должны были отправиться въ орду для рѣшенія своего спора. Тверской князь согласился. Послѣдній, помимо того, обязался освободить изъ плѣна жену Юрія, брата его и московскихъ бояръ. Но Кончака-Агаѳія не увидала Москвы. Она умерла въ тверскомъ плѣну. Разнеслась молва, что ее тамъ отравили.

Этотъ слухъ былъ на-руку московскому князю. Онъ увидѣлъ въ немъ вѣрное средство къ уничтоженію своего соперника. Юрій и Кавгадый помчались въ орду. Съ ними отправились туда же и московскіе бояре съ новгородцами.

Кавгадый сталъ наговаривать Узбеку на Михаила Ярославича. Онъ говорилъ ему, что тверской князь утаиваетъ дань и не почитаетъ его за своего повелителя. Новгородцы поддерживали Кавгадыя и Юрія. Узбекъ разсердился и приказалъ было уморить голодомъ сына Михаилова, Константина, посланнаго отцомъ передъ собою въ орду. Но ему сказали, что если онъ убьетъ сына, то отецъ его уже никогда послѣ этого не явится къ нему. Узбекъ оставилъ Константина на свободѣ, но послалъ за его отцомъ.

Ханскій посолъ Ахмылъ встрѣтилъ тверского князя во Владимірѣ. Михаилъ Ярославичъ самъ уже ѣхалъ въ орду (1318). Онъ ѣхалъ туда съ духовникомъ своимъ, игуменомъ, двумя священниками, дьякономъ и нѣсколькими боярами.

— «Зоветъ тебя ханъ»,—сказалъ князю Ахмылъ,—«поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяцъ. Если не пріѣдешь къ хану, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнесъ тебя передъ ханомъ, сказалъ, что ты не пріѣдешь въ орду».

Эти слова смутили бояръ, сопровождавшихъ князя. Они стали совѣтовать ему послать вмѣсто себя кого-нибудь изъ двухъ своихъ сыновей, провожавшихъ его до Владиміра.

— «Одинъ твой сынъ уже въ ордѣ»,—говорили они Михаилу Ярославичу,—«пошли еще другого».

И сыновья его—Димитрій и Александръ—были не противъ этого.

— «Батюшка!»—говорилъ ему старшій изъ нихъ,—«не ѣзди теперь въ орду, подожди, пока пройдетъ ханскій гнѣвъ,—тебя оклеветали передъ ханомъ. Пошли кого нибудь изъ насъ».

— «Ханъ зоветъ не васъ и никого другого»,—отвѣтилъ на это Михаилъ,—«а моей головы хочетъ. Если не поѣду, то, навѣрное, вотчину мою опустошатъ и народъ перебьютъ или въ плѣнъ

погонятъ. Послѣ когда-нибудь надобно же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души».

Михаилъ написалъ рядную грамоту, по которой раздѣлилъ свою землю между дѣтьми. Простившись затѣмъ съ провожавшими его сыновьями, онъ отправился въ орду.

Тверской князь настигъ орду при устьѣ Дона. Ханъ развлекался тутъ охотою. Михаилъ, по обычаю, роздалъ подарки ханскимъ женамъ и татарскимъ вельможамъ. Онъ поднесъ подарки и самому хану. Всѣ были имъ довольны. Узбекъ даже далъ ему пристава, который долженъ былъ защищать его отъ обидъ. Михаилъ полтора мѣсяца былъ на свободѣ. Но Кавгадый не дремалъ. Пользуясь расположеніемъ хана, онъ при всякомъ случаѣ наговаривалъ ему на соперника Юрія Даниловича. Наконецъ Узбекъ приказалъ разсудить Михаила съ Юріемъ.

— «Вы мнѣ говорили на князя Михаила»,—сказалъ онъ своимъ вельможамъ,—«такъ разсудите его съ московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ».

Начался судъ. Въ числѣ судей былъ и Кавгадый. Онъ былъ и судьей и обвинителемъ. Михаила два раза приводили въ собраніе татарскихъ вельможъ. Его обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ.

— «Ты былъ гордъ и непокорливъ хану нашему»,—говорили ему судьи.—«Ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и татаръ его побилъ».

— «Неправда»,—оправдывался тверской князь,—«я хану всегда былъ покорливъ. Когда же ханскій посолъ и Юрій стали разорять мою тверскую вотчину, я защищалъ моихъ людей. Я не позорилъ Кавгадыя; я честилъ и дарилъ его. Если бы я хотѣлъ его погубить, зачѣмъ бы я отпустилъ его»?

— «А зачѣмъ ты бралъ себѣ ханскій выходъ? Зачѣмъ ты хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ съ казной? Зачѣмъ казну въ Римъ къ папѣ отправилъ?

— «Все это неправда».

— «Ты скажешь и то неправда, что ты сестру ханскую Кончаку отравилъ»?

— «Богъ свидѣтель»,—вскричалъ Михаилъ,—«что я держалъ Кончаку въ довольствѣ и почести и не повиненъ въ ея смерти»!

Въ другой разъ привели Михаила на судъ уже связаннымъ И теперь, какъ прежде, судьи не вѣрили его оправданіямъ и объясненіямъ. Они вѣрили Кавгадыю и Юрію, а не ему. Судьи доложили хану, что Михаилъ достоинъ смерти. Узбекъ согласился на это рѣшеніе, но медлилъ исполненіемъ его.

Михаила лишили прежней свободы. У него отняли платье, прислугу и бояръ, бывшихъ при немъ. Ему надѣли на шею тяжелую деревянную колоду. По ночамъ руки его забивали въ колодки. И въ такомъ-то положеніи несчастный князь долженъ былъ слѣдовать за ордою, двинувшеюся къ Кавказскимъ горамъ! Тяжело было ему днемъ, а ночью еще хуже. Колода не шеѣ и колодки на рукахъ не давали ему покоя. Онъ не могъ лечь, не могъ спать. Безсонныя ночи несчастный узникъ проводилъ за чтеніемъ псалтыри, почерпая утѣшеніе въ ея пѣснопѣніяхъ. Отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листки рукописи.

Разъ ночью послышался шопотъ у входа княжеской палатки.

— «Кто это тамъ»?—спросилъ Михаилъ.

— «Это я»,—отозвался одинъ изъ его отроковъ.—«Князь»!—продолжалъ вошедшій,—«всѣ пристава перепились, я приготовилъ лошадей и проводниковъ. Бѣги въ горы».

— «А вы»?—спросилъ узникъ.

— «Мы останемся. Если всѣмъ ѣхать, татары замѣтятъ. А оставшись, мы скроемъ твой отъѣздъ до тѣхъ поръ, пока тебя уже нельзя будетъ поймать».

— «И васъ подвергнутъ лютымъ мученіямъ. Нѣтъ, если я спасусь, а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, какая мнѣ будетъ слава»?

Орда перешла за рѣку Терекъ и остановилась недалеко отъ нынѣшняго Дербента. Раскинулись шатры, появились лавки. Началась торговля. Возникъ своего рода городъ съ обычнымъ азіатскимъ вонючимъ базаромъ и грязью. Вездѣ шумъ и говоръ.

Разъ, въ базарный день, Кавгадый велѣлъ привести на торгъ Михаила Ярославича. Народъ, узнавъ, что ведутъ русскаго князя, большою толпою собрался смотрѣть на это зрѣлище.

Татарскій вельможа началъ издѣваться надъ несчастнымъ узникомъ.

—«Ну, что, князь, каково живешь»?—спросилъ не безъ ехидства Кавгадый.

Михаилъ ничего не отвѣтилъ.

Кавгадый вспылилъ.

— «А, такъ ты смѣлъ поднять оружіе на татаръ»!—закричалъ онъ.—«Татаръ задумалъ въ полонъ брать»!

Михаилъ молчалъ.

— «Ты тамъ величался, царствовалъ»,—продолжалъ Кавгадый,—«а вотъ у меня здѣсь повеличаешься! Поставьте его на колѣна».

Приказаніе было исполнено. Тверской князь стоялъ передъ татариномъ на колѣняхъ.

— «Ну, ты, Михайло, не горюй»!—вдругъ заговорилъ Кавгадый другимъ тономъ.—«Таковъ ханскій обычай: если ханъ разсердится на кого и изъ родственниковъ своихъ, то также велитъ держать его въ колодкѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то возвращаетъ ему прежнюю честь. Такъ и тебя завтра или послѣзавтра освободитъ отъ всей этой тяжести, и въ большой чести будешь».

Обратившись затѣмъ къ сторожамъ, онъ прибавилъ:

— «Ну, что вы такъ стоите,—зачѣмъ не снимете съ него колоды?»

— «Завтра»,—отвѣчали тѣ,—«или послѣ-завтра снимемъ, какъ ты говоришь».

— «Ну, по крайней мѣрѣ, поддержите колоду, чтобъ она не отдавила ему плечъ».

Одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колоду, бывшую на шеѣ нашего князя.

Поиздѣвавшись такимъ образомъ надъ Михаиломъ Ярославичемъ, Кавгадый велѣлъ отвести его прочь. Но князь не пошелъ въ свой шатеръ. Измученный тѣломъ и душою, онъ хотѣлъ тутъ же немного отдохнуть. Онъ приказалъ отроку подать себѣ стулъ. Кругомъ его толпа стала увеличиваться. Тутъ были русскіе, нѣмцы, литва и греки. Всѣ старались заглянуть несчастному въ лицо. Всѣ судили и рядили на счетъ его.

— «Господинъ князь»!—сказалъ ему одинъ изъ его приближенныхъ,—«видишь, сколько народа стоитъ и смотритъ на позоръ твой, и прежде они слыхали, что былъ ты княземъ въ землѣ своей. Не лучше ли бы тебѣ пойти въ свою вѣжу»?

Михаилъ послушался,—всталъ и пошелъ въ свой шатеръ.

Съ тѣхъ поръ уже постоянно были слезы на глазахъ князя;—онъ догадывался о своей участи.

22-го ноября, 1318 года, Михаилъ велѣлъ пораньше отпѣть заутреню и часы. Потомъ онъ прочиталъ правила предъ причастіемъ, исповѣдался и причастился Св. Таинъ. Онъ подозвалъ къ себѣ сына Константина и передалъ ему послѣднія свои распоряженія на счетъ вотчины. Онъ поручилъ ему беречь бояръ и слугъ, находившихся съ нимъ въ ордѣ. Затѣмъ князь сказалъ:

— «Дайте мнѣ псалтирь: очень тяжело у меня на душѣ».

Открылся 54 псаломъ. Князь прочелъ слова: «Сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на меня».

— «Что это значитъ»?—спросилъ онъ находившихся тутъ священниковъ.

Тѣ, чтобы еще больше не смутить его, указали ему на дру-

гія слава псалма: «Возверзи на Господа печалъ твою, и Той тя препитаетъ: не дастъ во вѣкъ молвы праведнику».

Князь сталъ читать дальше. Почитавъ еще нѣсколько минутъ, онъ завернулъ псалтирь и сѣлъ. Вдругъ вбѣжалъ къ нему въ палатку отрокъ весь блѣдный.

— «Господинъ князь»!—произнесъ онъ, запыхавшись,—«идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вѣжѣ».

— «Знаю, зачѣмъ идутъ»,—сказалъ князь со вздохомъ,—«они идутъ убить меня».

Михаилъ Ярославичъ простился съ сыномъ Константиномъ и послалъ его къ главной ханшѣ подъ защиту.

Дѣйствительно, Кавгадый и Юрій, остановившись невдалекѣ отъ палатки князя, послали къ нему убійцъ. Это были татары и русскіе отступники. Вскочивъ въ княжескую вѣжу, они выгнали изъ нея всѣхъ, служившихъ князю. Михаилъ стоялъ и молился. Злодѣи схватили за деревянную колоду, бывшую на его шеѣ, и съ силой ударили объ стѣну. Стѣна проломилась. Князь вскочилъ на ноги. Тогда убійцы повалили Михаила на землю и стали топтать его и бить пятами. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, по имени Романецъ, выхвативъ большой ножъ, ударилъ имъ въ ребро Михаила и вырѣзалъ сердце [1]). Злодѣи выбросили нагое тѣло мученика за вѣжу и всю ее ограбили.

Кавгадый и Юрій подъѣхали къ мертвому тѣлу. Взглянувъ на убитаго, первый сурово сказалъ второму:

— «Вѣдь онъ тебѣ дядя, вмѣсто отца былъ; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое?»

Тѣло мученика покрыли, положили на доску, привязали къ телѣгѣ и повезли въ городъ Маджары [2]). Тутъ купцы, знавшіе покойника, хотѣли покрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церковь. Но московскіе бояре не дозволили этого. Они даже не позволили имъ и взглянуть на него. Они съ бранью бросили тѣло въ хлѣвъ и приставили къ нему стражу. Потомъ повезли тѣло домой—на Русь. Привезши въ Москву, бояре Юрія похоронили его въ Спасскомъ монастырѣ.

Но онъ тутъ пролежалъ не долго. Супруга убитаго князя и тверскіе бояре послали просить Юрія Даниловича, чтобъ онъ отпустилъ тѣло его въ Тверь. Тотъ согласился на это, но согласился не даромъ. Онъ напередъ заставилъ сына Михаилова, Але-

---

[1]) Это было 22-го ноября, въ среду, въ седьмомъ часу дня.

[2]) Теперь это городище на рѣкѣ Кумѣ, георгіевскаго уѣзда.

ксандра заключить съ нимъ миръ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Тѣло мученика перевезено было игуменами и священниками въ Тверь, гдѣ и погребено въ тамошнемъ Спасскомъ соборѣ, имъ самимъ построенномъ. Русская Церковь причла князя Михаила тверскаго къ лику святыхъ [1]).

Москва восторжествовала надъ Тверью. Она отняла старшинство у ней. Юрій московскій сдѣлался великимъ княземъ. Но это торжество было недолговременно. Новый великій князь допустилъ одну ошибку и тѣмъ самъ погубилъ все свое дѣло.

Въ 1321-мъ году Юрій Даниловичъ заключилъ новый миръ съ тверскими князьями. Старшій сынъ убитаго Михаила, Димитрій обязался не искать великаго княженія и передалъ Юрію 2.000 рублей «татарскаго выхода». Великій князь задержалъ эти деньги. Не послалъ ихъ немедленно къ хану, онъ отправился въ Новгородъ. Димитрій Михайловичъ и воспользовался этою оплошностью Юрія Даниловича. Пока послѣдній жилъ въ Новгородѣ и воевалъ изъ-за него со шведами и устюжанами [2]), тверской князь успѣлъ оговорить его передъ ханомъ. Прибывши въ орду, Димитрій поклонился Узбеку и разъяснилъ ему, какъ Кавгадый и Юрій московскій несправедливы были къ его покойному отцу. Онъ доказалъ ему, что они оклеветали его передъ нимъ. Димитрій говорилъ хану, что Юрій—князь безчестный и алчный. Онъ указалъ ему на то, что Юрій, взявши съ Твери «ордынскій выходъ» (2.000 р.), присвоилъ ихъ себѣ.

Узбекъ разсердился. Онъ казнилъ Кавгадыя и позвалъ въ орду Юрія. Тотъ пріѣхалъ, но не успѣлъ оправдаться передъ нимъ. Тверской князь помѣшалъ этому. Не дожидаясь надъ нимъ ханскаго суда, онъ самъ расправился съ убійцей своего отца. Встрѣтившись съ Юріемъ въ Сараѣ, Димитрій не выдержалъ, вспылилъ и собственноручно убилъ его (1324) [3]). Не даромъ же его называли «Грозныя очи».

Ханъ сильно разгнѣвался на такое самоуправство тверского князя и велѣлъ его казнить. Онъ убилъ Димитрія, но великокняженіе все-таки отдалъ брату его, Александру Михайловичу. Послѣдній не жалѣлъ, говорятъ, денегъ на подарки вельможамъ татарскимъ и женамъ ханскимъ. Александръ получилъ ярлыкъ на великокняженіе владимірское, но сильно задолжалъ.

---

[1]) Память его празднуется 22 ноября.

[2]) Юрій не разъ прогонялъ литву отъ новгородскихъ владѣній, заключилъ миръ со шведскимъ королемъ и построилъ городъ Орѣшекъ. Это нынѣшній Шлиссельбургъ.

[3]) Тѣло Юрія привезено было въ Москву и предано землѣ митрополитомъ Петромъ.

Такъ это или нѣтъ,—только Тверь настояла на своемъ. Она опять взяла верхъ надъ Москвою. Но надолго ли? Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ этой первой борьбы между ними, какъ и Александру Михайловичу и самой Твери пришлось жестоко поплатиться за это кратковременное свое старшинство. Первая борьба была неудачна для Москвы. Зато Москва во время второй борьбы разгромила Тверь и отняла у ней старшинство навсегда.

Даніилъ Галицкій.

Въ то время, когда Александръ Невскій своею политикой хотѣлъ положить прочное начало усиленію сѣверо-восточной Руси,—на юго-западѣ ея происходило совсѣмъ другое. Тутъ князья не предотвращали новыхъ татарскихъ вторженій въ свою землю. Ни одинъ почти юго-западный князь не старался, опираясь на татаръ, усиливать свою власть надъ другими, не старался ослаблять вѣчевые порядки. И юго-западная Русь пошла инымъ путемъ. Она скоро совсѣмъ отдѣлилась отъ сѣверо-восточной Руси.

Кіевъ,—средоточіе юго-западной Руси,—начавшій падать еще со времени Андрея Боголюбскаго, окончательно потерялъ свое значеніе послѣ нашествія татаръ. Варвары разорили и сожгли его чуть не до тла. Изъ большой, богатой и цвѣтущей столицы, онъ превратился въ ничтожный городокъ. Послѣ Батыева погрома въ немъ не насчитывалось и 200 домовъ. Уцѣлѣвшіе кіевляне страшно угнетались татарами. Первенствующее значеніе «матери русскихъ городовъ» перешло къ Галичу.

Галицкая земля была очень плодородна. Она скоро оправилась послѣ татарскаго разгрома. Населеніе ея быстро увеличилось. Закипѣли торговля, промышленность, усилилось земледѣліе. Но, несмотря на свое богатство и силу, галицкое княжество не могло надолго притянуть къ себѣ другія княжества юго-западной Руси, не сумѣло навсегда объединить ее. Литва, поляки, венгры и въ особенности крамольные галицкіе бояре мѣшали этому. Желая быть самостоятельными и независимыми отъ своихъ князей, послѣдніе часто враждовали съ ними. Черниговскіе князья и сосѣди-иноземцы вмѣшивались въ эту борьбу и мѣшали галицкимъ князьямъ заниматься объединеніемъ юго-западной Руси. Внутреннія смуты и вмѣшательство въ нихъ сосѣдей привели къ тому, что галицкое княжество, возвысившееся въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIII-го столѣтія, начало слабѣть. Кончилось тѣмъ, что оно не только не стало грозою для своихъ сосѣдей, но вмѣстѣ

съ юго-западной Русью потеряло свою самостоятельность. Въ первой половинѣ XIV-го вѣка Галиція и Волынь сдѣлались добычею своихъ сосѣдей.

Самымъ выдающимся княземъ галицкой земли былъ Даніилъ Романовичъ (1229—1264). Это былъ наилучшій государь всей тогдашней юго-западной Руси. Предпріимчивый, мужественный, воинственный, онъ умѣлъ разомъ справляться съ венграми, поляками, литвою и своими внутренними врагами. Онъ то дружилъ съ ними, то ссорилъ ихъ между собою. Мягкій душою и сердцемъ, Даніилъ Романовичъ никогда почти не былъ жестокимъ съ своими побѣжденными недругами. Въ этомъ случаѣ онъ не походилъ на отца своего Романа, который, уничтожая галицкихъ бояръ, приговаривалъ: «не раздавивши пчелъ, меда не ѣсть». Даніилъ былъ не по времени благороденъ. Клеветы, мщенія, яда, убійства онъ избѣгалъ. Онъ всегда былъ разборчивъ въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей. Даніилъ Романовичъ былъ храбръ, уменъ, добръ, благороденъ, но не имѣлъ одного качества, важнаго въ каждомъ государѣ. Онъ не отличался государственною дальновидностью. Сдѣлавши свое галицкое княжество сильнымъ и богатымъ, Даніилъ не положилъ прочныхъ основъ къ дальнѣйшему его процвѣтанію и могуществу. Въ своихъ отношеніяхъ къ татарамъ, онъ не отличался политическою дальновидностью Александра Невскаго. Онъ терпѣть не могъ своихъ поработителей. Даніилъ не дружилъ съ татарами и не старался, при помощи ихъ, усиливать свою власть надъ князьями, надъ тогдашними вѣчевыми порядками. Считая большимъ позоромъ находиться въ рабствѣ у татаръ, онъ старался избавиться отъ этого постыднаго ига, вступалъ съ ними въ борьбу. Даніилъ въ этомъ случаѣ жилъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ.

Даніилъ Романовичъ,—какъ мы уже знаемъ,—остался ребенкомъ послѣ своего отца. Ему тогда было всего только четыре года, а брату его Василько и того меньше;—этотъ былъ еіце на рукахъ кормилицы.

Галицкіе бояре, ненавидѣвшіе князя своего Романа, перенесли свою злобу и на дѣтей его, малютокъ. Они выгнали ихъ съ матерью изъ Галича.

Съ этихъ поръ начинаются бѣдствія и злоключенія Даніила. Съ этихъ поръ начинаются долгія его скитанія по бѣлу свѣту. Младенчество, юность и отрочество Даніила прошли въ горѣ и несчастіи.

Выгнанный изъ Галича, Даніилъ поселился съ матерью и братомъ во Владимірѣ-Волынскомъ. Это былъ наслѣдственный

ихъ удѣлъ.—Но сѣверскіе князья—братья Игоревичи, занявшіе въ ту пору Галичину, захотѣли отнять у сиротъ и волынскую землю. Они потребовали у владимірцевъ выдачи Даніила. Владимірцы отказали. Тѣмъ не менѣе, опасаясь за участь своихъ дѣтей, вдова княгиня ушла съ ними тайкомъ изъ города. Подойдя ночью къ городскимъ воротамъ, она нашла ихъ запертыми. Несчастные бѣглецы пролѣзли сквозь небольшое отверстіе въ городской стѣнѣ. Даніила несъ на рукахъ дядька его, бояринъ Мирославъ, а Василька—кормилица. Съ ними былъ еще какой-то священникъ Юрій.

Не зная, куда преклонить свою голову, бѣглецы обратились за помощью къ польскому королю. Послѣдній принялъ ихъ ласково. Оставивъ у себя княгиню съ Васильком, онъ отправилъ Даніила въ Венгрію.

Венгерскій король Андрей II-ый, находившійся въ большой дружбѣ съ покойнымъ княземъ Романомъ, радушно встрѣтилъ его сына. Онъ оставилъ Даніила при своемъ дворѣ и принялъ въ немъ живое участіе.

При помощи Андрея II-го, десятилѣтній Даніилъ занялъ галицкій столъ, но не надолго. Народный мятежъ, поднятый боярами, заставилъ его бѣжать изъ Галича. Онъ опять нашелъ себѣ убѣжище сначала въ Венгріи, а потомъ въ Краковѣ.

Между тѣмъ галицкое княжество, переходившее изъ рукъ въ руки и имѣвшее разъ своимъ княземъ даже одного боярина (Володислава), досталось, наконецъ, чужеземцамъ. Венгры и поляки раздѣлили его между собою. Венгры, захвативъ большую часть галицкой земли, не забыли при этомъ и Даніила. Ему съ братомъ и матерью отданъ былъ въ удѣлъ Владиміръ-Волынскій.

Но иноплеменники, владѣвшіе Галичиной, скоро разссорились между собой. Венгры прогнали изъ нея поляковъ. Тогда польскій король Лешко рѣшился жестоко отомстить имъ за это. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь извѣстнаго нашего князя Мстислава Мстиславича Удалого. Послѣдній пришелъ, прогналъ венгровъ изъ Галичины и самъ сѣлъ на галицкомъ столѣ.

Удалой познакомился съ Даніиломъ Романовичемъ, полюбилъ его и выдалъ за него дочь свою Анну.

Даніилу было тогда не больше девятнадцати лѣтъ. Онъ былъ красивъ, смѣлъ и храбръ. Вскорѣ послѣ своей женитьбы, онъ одинъ, безъ посторонней помощи, прогналъ поляковъ изъ волынской земли, гдѣ они захватили было нѣсколько городовъ. Онъ вмѣстѣ съ тестемъ участвовалъ въ несчастной битвѣ при Калкѣ

(1224). Даніилъ геройски дрался съ татарами. Переправившись за Калку съ волынско-галицкими полками и половцами, онъ первый бросился на враговъ. Даніилъ врубился въ средину татаръ и геройски поражалъ ихъ направо и налѣво. Онъ дрался съ такимъ увлеченіемъ, что даже не замѣтилъ полученной раны въ грудь. Русскіе стали было одолѣвать, но половцы испортили все дѣло. Не выдержавъ нападенія татаръ, они обернули тылъ и потѣснили своихъ союзниковъ-русскихъ. Произошло смятеніе. Татары, замѣтивъ это, усилили натискъ. Наши побѣжали. Бросился назадъ и Даніилъ. Онъ подскакалъ къ рѣкѣ, слѣзъ съ лошади, сталъ пить и тутъ только замѣтилъ рану на своей груди.

Даніилъ Романовичъ и Мстиславъ Удалой возвратились на свои мѣста—первый во Владиміръ-Волынскій, а второй—въ Галичъ. Даніилъ занялся лѣченіемъ своей раны и дѣлами правленія. Но скоро онъ принужденъ былъ оставить обычныя свои занятія. У него началась война съ своимъ тестемъ. Ихъ поссорилъ Александръ Всеволодовичъ, князь бѣльзскій. Это былъ человѣкъ двоедушный, мстительный и злой.—Доводясь двоюроднымъ братомъ Даніилу, онъ терпѣть не могъ его. Онъ постоянно вредилъ ему и тайно и явно. Онъ старался отнимать у него то одну волость, то другую. Онъ клеветалъ на него и поносилъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Александръ оклеветалъ зятя передъ тестемъ въ какихъ-то замыслахъ и даже въ намѣреніи убить его. Мстиславъ повѣрилъ. Началась братоубійственная междоусобная война. Удалой призвалъ на помощь половцевъ и Владиміра Рюриковича, князя кіевскаго, а Даніилъ—поляковъ. Послѣдніе прошли съ огнемъ и мечомъ бѣльзскую волость и часть Галиціи. Но Удалой, пришедши на Волынь съ своими полками, потребовалъ отъ Александра доказательствъ его наговоровъ. Клеветникъ не посмѣлъ лично явиться къ галицкому князю. Онъ вмѣсто себя прислалъ какого-то боярина Яна. Этотъ запутался въ показаніяхъ и тѣмъ обнаружилъ клевету своего князя. Мстиславъ Удалой помирился съ Даніиломъ и щедро наградилъ его, но клеветника не тронулъ. Родственники совѣтовали ему лишить Александра удѣла, но онъ оставилъ его безнаказаннымъ. Удалой былъ князь довѣрчивый, легковѣрный, но не мстительный, не жестокій. Онъ былъ очень добродушенъ.

Помирившись съ Даніиломъ, Мстиславъ Удалой вскорѣ послѣ этого снова обидѣлъ его и обидѣлъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Онъ устранилъ его отъ галицкаго стола. Достигши въ ту пору преклонныхъ лѣтъ, Удалой сталъ подумывать,—кому бы послѣ себя оставить Галичъ. Всего естественнѣе

премникомъ его долженъ бы быть Даніилъ. Онъ былъ сынъ галицкаго князя и самъ уже былъ раньше на галицкомъ столѣ. Удалой самъ склонился на это. Но многіе галицкіе бояре иначе смотрѣли на это дѣло. Они не любили Даніила Романовича, отецъ котораго жестоко расправлялся съ ними. Они были очень своевольны. Имъ хотѣлось имѣть своимъ княземъ не русскаго, а кого-нибудь изъ сосѣднихъ иноплеменныхъ княжескихъ родовъ. Обязанный боярамъ своимъ столомъ, иноплеменный князь, предполагали они, не будетъ стѣснять ихъ вольность. Онъ будетъ ихъ слушаться. При немъ они легко завладѣютъ важными земскими должностями и доходами съ разныхъ княжескихъ угодій. Близкіе къ Мстиславу бояре Судиславъ и Глѣбъ Зеремѣевичъ прямо указывали ему въ этомъ случаѣ на венгерскаго королевича Андрея. Этотъ послѣдній былъ тоже зять Удалого; онъ былъ женатъ на меньшой его дочери. Бояре убѣждали его поскорѣе исполнить ихъ совѣтъ.

— «Если отдашь Галичъ королевичу»,—говорили они ему,— «то всегда можешь взять его назадъ; а если отдашь Даніилу, то во вѣки не будетъ твой Галичъ».

Престарѣлый и довѣрчивый Мстиславъ послушался совѣтниковъ. Онъ отдалъ Галичъ венгерскому королевичу Андрею, а самъ удалился въ Торческъ. Кромѣ Понизья, онъ все отдалъ иноплеменному королевичу (1227 г.).

Галицкіе бояре были рады, что достигли своей цѣли. Боярин Судиславъ забралъ въ руки Андрея и сталъ всѣмъ распоряжаться въ галицкой землѣ.

Но не таковъ былъ Даніилъ, чтобы уступить галицкимъ боярамъ, чтобы навсегда лишиться Галича. Онъ рѣшился добиться галицкаго стола, рѣшилъ, во что бы то ни стало, выгнать иноземцевъ изъ галицкой земли.

Началась пора самой тревожной, самой безпокойной дѣятельности Даніила Романовича волынскаго.

Дѣйствуя всегда заодно съ братомъ своимъ Василькомъ, Даніилъ занялся прежде всего расширеніемъ своихъ владѣній и округленіемъ ихъ. Овладѣвши Луцкомъ, Дорогобужемъ и отнявши у пинскихъ князей Чарторыйскъ, онъ въ годъ смерти Мстислава Удалого (1228 г.) захватилъ и оставшееся послѣ него Понизье.

Эти пріобрѣтенія выдвинули Даніила изъ среды тогдашнихъ юго-западныхъ нашихъ князей. Онъ сдѣлался сильнымъ и могъ быть для нихъ опасенъ.

Сосѣдніе князья, дѣйствительно, стали безпокоиться за свои владѣнія. Они рѣшили вразумить волынскаго князя, хотѣли отнять у него все, захваченное имъ у другихъ князей.

Первымъ поднялся противъ него Ростиславъ, князь пинскій. Онъ сердитъ былъ на Даніила за отнятіе имъ у него Чарторыйска. Ростиславъ возбудилъ противъ него кіевскаго князя Владиміра Рюриковича. Этотъ послѣдній не могъ забыть того, что «отецъ Даніиловъ силою постригъ отца его въ монахи». Къ нимъ присоединились чернигово-сѣверскіе князья, имѣвшіе свои виды на Галичину. Союзники пригласили въ походъ съ собою и половцевъ съ ханомъ ихъ Котяномъ.

Такимъ образомъ составилось громадное ополченіе. Все оно двинулось на волынскаго князя. Оно подступило къ Каменцу и осадило его.

Даніилъ увидѣлъ, что дѣло его плохо, что одному ему не справиться съ такимъ многочисленнымъ врагомъ. Онъ пустился на хитрость. Послалъ за помощью къ польскому князю Лешко, онъ завелъ переговоры съ непріятелями. Ему хотѣлось выиграть время. Ему хотѣлось раздѣлить союзниковъ, чего онъ и достигъ. Даніилъ сталъ просить половцевъ не трогать его, просилъ ихъ отступить отъ союзниковъ.

— «Батюшка»,—послалъ сказать онъ хану Котяну,—«разстрой эту войну, прими меня въ любовь къ себѣ».

И Котянъ, ничего не имѣя противъ Даніила, измѣнилъ своимъ союзникамъ. Опустошивши галицкую землю, онъ ушелъ назадъ—въ свои степи. Спустя немного, и остальные союзники, не взявъ Каменца, отступили въ свои владѣнія. Но не успѣли они добраться до своихъ земель, какъ услышали о погонѣ за ними. Поляки, пришедшіе въ ту пору на помощь Даніилу, вмѣстѣ съ волынцами погнались за ними. Теперь кіевскій и черниговскій князья струсили. Они послали своихъ бояръ къ Даніилу съ просьбой о мирѣ. Даніилъ согласился, и миръ былъ заключенъ. Волынскій князь остался въ большомъ выигрышѣ. Не только всѣ прежніе города, отнятые имъ у сосѣдей, остались за нимъ, но и пинскіе князья сдѣлались его подручниками. Владиміръ Рюриковичъ кіевскій съ тѣхъ поръ сталъ союзникомъ Даніила Романовича и постояннымъ его другомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ дѣла Даніила пошли еще лучше, еще удачнѣе. Въ слѣдующемъ 1229-мъ году онъ совершилъ удачный походъ въ Польшу и пріобрѣлъ самый Галичъ.

Въ Польшѣ въ ту пору убитъ былъ Лешко, союзникъ Романовичей. Даніилъ отправился помогать брату его Конраду противъ Владислава, князя опольскаго. Русскіе зашли въ Польшу очень далеко. Вмѣстѣ съ Канрадомъ Даніилъ осадилъ г. Калишъ. Нашему князю захотѣлось взять этотъ городъ. Русскіе стали го-

товиться къ приступу. Замѣтивъ это, осажденные послали просить Конрада, чтобы онъ прислалъ двухъ мужей своихъ для переговоровъ съ ними. Одинъ изъ этихъ мужей, Пакославъ, всегдашній доброжелатель Даніила, сказалъ ему:

— «Переодѣнься, князь, и поѣдемъ вмѣстѣ съ нами на переговоры».

Даніилъ согласился. Надѣвъ шлемъ Пакославовъ, онъ сталъ позади пословъ. Онъ слышалъ, какъ осаждаемые съ городскихъ стѣнъ говорили вельможамъ Конрадовымъ:

— «Скажите вотъ что великому князю Конраду»,—наказывали имъ калишскіе граждане:—«этотъ городъ не твой-ли, и мы развѣ чужіе? Ваши же братья! Чтожъ онъ надъ нами не сжалится? Если же насъ Русь плѣнитъ, то какую славу Конрадъ получитъ? Если русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставишь? не Романовичамъ-ли однимъ? а свою честь унизишь; нынче брату твоему служимъ, а завтра будемъ твои. Не дай славы Руси, не погуби нашего города».

— «Конрадъ-то бы и радъ васъ помиловать»,—отвѣчалъ имъ на это Пакославъ,—«да Даніилъ очень лютъ, не хочетъ отойти прочь, не взявши города. Да вотъ онъ и самъ стоитъ», — прибавилъ посолъ, указывая на Даніила, —«поговорите сами съ нимъ».

Даніилъ снялъ шлемъ.

— «Смилуйся, князь»,—закричали ему граждане,—«смилуйся, помирись.»

Даніилъ долго разговаривалъ съ ними и смѣялся. Онъ уступилъ ихъ просьбѣ. Конрадъ, съ согласія его, заключилъ съ ними миръ. Между русскими и поляками заключено было условіе—не брать впередъ въ плѣнъ челяди.

— «Если между нами»,—говорилось въ договорѣ,—«будутъ впередъ усобицы, то русскіе не должны брать въ плѣнъ польскихъ простыхъ людей, а поляки—русскихъ».

Это условіе подтверждено было клятвами.

На возвратномъ пути изъ этого похода Даніилъ былъ обрадованъ новою вѣстью. Когда онъ былъ въ Угровскѣ,—къ нему явились галицкіе послы съ просьбой поскорѣе идти къ Галичу.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Въ галицкомъ княжествѣ при венгерскомъ королевичѣ всѣмъ заправлялъ бояринъ Судиславъ Этотъ человѣкъ скоро зазнался, возгордился. Онъ сталъ высокомѣрно обращаться съ галичанами. Тѣ обидѣлись и рѣшили ему отомстить. Когда Судиславъ, узнавъ о походѣ волынскаго князя въ Польшу, отправился для завоеванія

принадлежавшаго ему Понизья,—они послали за Даніиломъ Романовичемъ.

— «Ступай скорѣе къ намъ»,—сказали Даніилу галицкіе послы:—«Судиславъ ушелъ въ Понизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ».

Даніилъ немедленно пошелъ къ Галичу, а тысяцкаго своего Демьяна послалъ на Судислава. Онъ долженъ былъ задержать его. Но какъ ни спѣшилъ волынскій князь,—Судиславъ предупредилъ его. Пришедши на третьи сутки, ночью, къ Галичу, онъ узналъ, что Судиславъ уже тамъ. Ускользнувши отъ Демьяна, онъ раньше Даніила пришелъ въ Галичъ и заперся въ немъ.

Приходилось брать Галичъ силою, прибѣгнуть къ осадѣ. Даніилъ захватилъ большой подгородный дворъ Судислава. Тамъ онъ нашелъ много копій, стрѣлъ, вина, хлѣба, овощей и всякаго добра. Уставши отъ дороги, волынцы подкрѣпились, отдохнули. Они стояли на другой сторонѣ Днѣстра, противъ города. Скоро возвратился сюда тысяцкій Демьянъ съ бывшею при немъ княжескою дружиною. Пришли къ Даніилу и многіе галицкіе бояре.

Волынскій князь обрадовался. Теперь надо было брать Галичъ. Но какъ это сдѣлать? Вода въ Днѣстрѣ поднялась, а мостъ чрезъ него былъ зажженъ. Къ счастью,—пожаръ скоро потухъ. По мосту еще можно было кое-какъ перейти на ту сторону рѣки. И Даніилъ Романовичъ на другой же день перешелъ съ своимъ войскомъ Днѣстръ. Онъ обложилъ Галичъ со всѣхъ сторонъ.

Осажденные не могли долго держаться. Они сдали городъ. Венгерскій королевичъ попалъ въ плѣнъ. Даніилъ обошелся съ нимъ очень любезно. Помня прежнюю любовь къ себѣ отца его Андрея, онъ отпустилъ его съ венграми домой. Съ королевичемъ ушелъ изъ Галича одинъ только Судиславъ. Галичане провожали его свистомъ, крикомъ, бранью, камнями.

— «Вонъ изъ города, мятежникъ земли!»—кричали они ему,—«вонъ! вонъ!»

Такимъ образомъ Даніилъ Романовичъ снова овладѣлъ Галичемъ, изъ котораго уже два раза былъ выгоняемъ.

Но венгры не хотѣли разстаться съ Галичемъ. Удаленіе изъ него своего королевича они считали большимъ для себя оскорбленіемъ. Король ихъ Андрей не прочь былъ возстановить своего сына на галицкомъ княженіи. Да и Судиславъ понуждалъ его къ тому же. Онъ постоянно твердилъ королю и королевичу о походѣ на Галичъ.

— «Ступайте на Галичъ»,—говорилъ онъ имъ,—«ступайте и возьмите землю русскую. Если же не пойдете, то они укрѣпятся и сами пойдутъ на васъ».

Король Андрей собралъ большое войско и выступилъ въ походъ.

— «Не останется въ Галичѣ камень на камнѣ»,—хвастался онъ при этомъ,—«никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки».

Но венгерскій король жестоко былъ наказанъ за свою хвастливость. Онъ потерпѣлъ полную неудачу. Сама природа на этотъ разъ, казалось, была за насъ. Лишь только венгры вошли въ Карпаты, какъ пошли проливные дожди. Лошади вязли въ грязи. Люди бросали ихъ и пробирались высокими мѣстами. Въ войскѣ появилась болѣзнь. Кое-какъ добрались венгры до Галича. Даніила тамъ не было. За нѣсколько дней до этого онъ пошелъ за помощью къ полякамъ и половцамъ. Въ городѣ остался извѣстный уже намъ тысяцкій Демьянъ. Онъ долженъ былъ защищать его до прихода князя.

Король пробовалъ уговаривать галичанъ сдаться.

— «Люди галицкіе!»—громко возгласилъ венгерскій посолъ, приблизившись къ стѣнамъ города,—«вамъ велитъ сказать великій король венгерскій: не слушайте Демьяна: пусть Даніилъ не надѣется на Бога и свои силы. Сколько странъ побѣдилъ нашъ король, и не удержится противъ него Галичъ!»

Посолъ не достигъ цѣли. Демьянъ держался крѣпко. Граждане и многіе бояре стояли за Даніила.

Между тѣмъ, проливные дожди все еще не прекращались. Въ войскѣ непріятелей развилась страшная болѣзнь. У венгровъ кожа падала съ ногъ, какъ обувь. Одни умирали у разведенныхъ костровъ, другіе—сидя на конѣ. Большая смертность въ войскахъ и приближеніе Даніила съ поляками заставили короля снять осаду. Непріятель пошелъ домой. Галичане погнались за нимъ. Они забирали отсталыхъ и били ихъ. Много враговъ погибло тутъ отъ русскихъ и отъ болѣзней. Не малое время хищныя птицы питались трупами несчастныхъ венгровъ.

Поселившись въ Галичѣ, Даніилъ Романовычъ хотѣлъ приблизить къ себѣ бояръ, хотѣлъ жить съ ними въ согласіи. Онъ раздавалъ имъ угодья, дарилъ имъ разныя вещи, князь ходилъ къ нимъ въ гости и къ себѣ ихъ приглашалъ. Бояре съ виду были довольны имъ, но въ душѣ не всѣ были за него. Многимъ галицкимъ боярамъ Даніилъ не нравился уже тѣмъ однимъ, что онъ былъ свой князь, русскій, доморощенный, а не иноземный, не чужой. При иноземномъ князѣ имъ лучше бы было своевольничать, чѣмъ при своемъ. Обязанный имъ своимъ княженіемъ, иноземный князь,—думали они,—будетъ сквозь пальцы смотрѣть на

всѣ ихъ незаконные поступки. Свой же князь—Романовичъ, конечно, этого не допуститъ. И вотъ, галицкіе бояре рѣшились отдѣлаться отъ этого Романовича и отдѣлаться навсегда. Они рѣшили покончить съ нимъ. Подстрекаемые извѣстнымъ княземъ Александромъ бѣльзскимъ, всегдашнимъ врагомъ Романовичей, они составили заговоръ на жизнь Даніила. Бояре хотѣли поджечь княжескій дворъ и въ суматохѣ убить своего князя. Александръ разсчитывалъ послѣ него занять галицкій столъ. Разъ заговорщики сидѣли вмѣстѣ и толковали, какъ бы половчѣе выполнить свой злой умыселъ. Вдругъ входитъ къ нимъ Василько Романовичъ.

— «Что вы тутъ дѣлаете»?—спрашиваетъ онъ и, обнаживъ мечъ, въ шутку размахивается на одного изъ нихъ. Тотъ схватилъ щитъ. Бояре испугались, вскочили съ мѣстъ и разбѣжались. Они вообразили, что заговоръ ихъ открытъ, и что Василько такъ поступаетъ по приказу Даніила.

Братья Романовичи никакъ не могли понять, отчего бояре разбѣжались. Но слѣдующій случай объяснилъ имъ это. Одинъ изъ заговорщиковъ, по имени Филиппъ, позвалъ къ себѣ Даніила на пиръ. Князь поѣхалъ. Но на дорогѣ нагналъ его посланный отъ тысяцкаго Демьяна.

— «Не ѣзди, князь»,—сказалъ ему посолъ;—«пиръ затѣянъ злой. Бояринъ Филиппъ съ княземъ Александромъ бѣльзскимъ сговорились убить тебя».

Даніилъ вернулся. Онъ тотчасъ же послалъ брата Василька на князя Александра. Василько выгналъ его изъ Бѣльза и захватилъ послѣдній. Александръ убѣжалъ въ Перемышль и заперся тамъ.

Было схвачено 28 бояръ-заговорщиковъ. Но Даніилъ простилъ ихъ, никого изъ нихъ не казнилъ. Князь былъ очень добръ. Онъ былъ не въ отца своего Романа.

Великодушіе Даніила не облегчило, однако, его положенія и не исправило бояръ. Дерзость ихъ еще болѣе усилилась. Они стали еще наглѣе. Одинъ изъ этихъ «безбожниковъ» залилъ даже виномъ лицо князю на пиру. Даніилъ и это стерпѣлъ, и это перенесъ оскорбленіе.

Но, перенося обиды отъ своихъ бояръ, Даніилъ хотѣлъ наказать Александра Бѣльзскаго. Онъ хотѣлъ выгнать его изъ Перемышля, гдѣ онъ сидѣлъ со своими единомышленниками. Но какъ это сдѣлать? У Даніила въ ту пору было очень мало дружины. Она состояла только изъ 18-ти отроковъ. Даніилъ созвалъ вѣче.

— «Хотите ли быть вѣрными мнѣ»?—спросилъ онъ галичанъ,—«я хочу идти на враговъ моихъ».

— «Мы вѣрны Богу и тебѣ, господинъ»!—отвѣчали всѣ.

— «Ступай съ Божіей помощью, господинъ»! прибавилъ при этомъ сотскій Микула, — «не раздавивши пчелъ, меду не ѣшь».

Даніилъ съ небольшою дружиною пошелъ на Перемышль. На дорогѣ пристали къ нему нѣсколько бояръ, съ виду казавшіеся ему вѣрными. Но походъ этотъ обошелся безъ стычки, безъ драки. Александръ, узнавши о приближеніи Даніила, оставилъ городъ, бросилъ все свое имѣніе и убѣжалъ въ Венгрію.

Въ Венгріи ждалъ его бояринъ Судиславъ. Они вдвоемъ начали убѣждать венгерскаго короля, чтобы онъ снова предпринялъ походъ на Русь. Они говорили, что для этого похода теперь самое подходящее время: у Даніила и дружина небольшая, и всѣ почти галицкіе бояре противъ него.

Венгерскій король послушался. Съ большимъ войскомъ и двумя сыновьями (Бѣлою и Андреемъ) онъ снова пошелъ на Галичъ. Онъ перешелъ Карпаты и вторгнулся во владѣнія Даніила Романовича. Король осадилъ Ярославль, гдѣ заперся воевода Даніиловъ, Давидъ Вышатичъ. Давидъ отбивался цѣлый день отъ венгровъ и отбился. Но тутъ въ дѣло защиты города вмѣшалась одна старая боярыня—теща Давидова. Она была большая пріятельница Судиславу. Паслѣдній звалъ ее матерью. Теща начала убѣждать зятя сдать городъ. Она стращала его и такъ напугала, что онъ, не слушая своего товарища, храбраго Василька Гавриловича, сдалъ городъ венграмъ. Только самъ вышелъ изъ него цѣлъ съ своимъ войскомъ.

Взявши Ярославль, король двинулся къ Галичу. Противъ него высланъ былъ съ войскомъ бояринъ Климята. Но онъ измѣнилъ Даніилу и передался врагамъ. За нимъ измѣнили ему и прочіе бояре.

Посадивши опять сына своего княземъ въ Галичѣ, король пошелъ въ волынскую землю. Онъ осадилъ Владиміръ-Волынскій Этотъ городъ былъ красивъ, крѣпокъ и имѣлъ значительный гарнизонъ. Венгерскій король долго любовался его видомъ и красотою. Онъ говорилъ что «и въ нѣмецкихъ земляхъ онъ не находилъ такого города».

Начальникомъ города былъ старый дядька Даніиловъ, Мирославъ. Онъ былъ преданъ своему князю до мозга костей. Но тутъ «Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось. Въ старину онъ былъ храбръ, а теперь смутился умомъ, заключилъ миръ съ королемъ

безъ совѣта съ своими князьями—Даніиломъ и Василькомъ и обязался уступить Бѣльзъ и Червень Александру [1])».

Послѣ этого венгерскій король ушелъ домой. Но венгры опять скоро появились въ галицкомъ княжествѣ. Они пришли на помощь своему королевичу. Подстрекаемый княземъ Александромъ бѣльзскимъ и сильнымъ бояриномъ Глѣбомъ Зеремѣевичемъ, венгерскій королевичъ затѣялъ ссору съ Даніиломъ, жившимъ тогда на Волыни. Непріятели сошлись у Шумска. Даніилъ съ своими полками стоялъ на горѣ. Воеводы совѣтовали ему воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Но Романовичъ не согласился на это.

— «Медляй на брань»,—отвѣчалъ онъ имъ,—«страшливу душу имать».

Даніилъ спустилъ свое войско внизъ на непріятеля. Произошла битва. Даніилъ не щадилъ себя. Онъ сражался въ переднихъ рядахъ. Но дружина его не отличилась на этотъ разъ храбростью. Въ концѣ дѣла она обратилась въ бѣгство. Венгры однако не преслѣдовали разбитаго врага. Понесши сами большой уронъ, они отступили къ Галичу.

Даніилъ Романовичъ отправился за помощью въ Кіевъ, къ своему союзнику Владиміру Рюриковичу. Съ ними соединились Изяславъ Владиміровичъ, внукъ извѣстнаго Игоря сѣверскаго, и половцы. Составилось большое ополченіе. Союзники двинулись на венгровъ. Произошли двѣ нерѣшительныхъ битвы. Не надѣясь однако одолѣть врага, венгры ушли послѣ этого въ Галичъ и заперлись въ немъ.

Видя, что успѣхъ опять клонится на сторону Даніила, многіе стали измѣнять венграмъ. Первый перешелъ къ братьямъ Романовичамъ Александръ бѣльзскій.

— «Не годится мнѣ быть нигдѣ, кромѣ васъ»,—послалъ онъ сказать имъ.

И князья приняли этого двоедушнаго князя съ любовію. Они обласкали его и старались не напоминать ему объ его козняхъ и непріятностяхъ, которыя онъ имъ не разъ доставлялъ. Затѣмъ перешелъ къ Даніилу Глѣбъ Зеремѣевичъ.

Даніилъ вошелъ въ галицкое княжество и занялъ его. Тутъ стали переходить къ нему бояре. Онъ ласково принималъ ихъ и

---

[1]) Братья Романовичи послѣ сильно упрекали за это Мирослава:

— «Зачѣмъ ты мирился»,—говорили они ему,—«имѣя такое большое войско, зачѣмъ?»

Старикъ не зналъ, что имъ на это отвѣтить, и только твердилъ, только оговаривался, что онъ не уступалъ венграмъ Червень.

раздавалъ имъ города и земли. Наконецъ Даніилъ осадилъ и самый Галичъ. Онъ стоялъ подъ нимъ девять недѣль. Онъ ждалъ морозовъ, когда можно перейти Днѣстръ, чтобы идти на приступъ. Осажденные терпѣли страшную во всемъ нужду. Бояринъ Судиславъ, чтобы ослабить непріятелей, уговорилъ Александра бѣльзскаго измѣнить Даніилу.

— «Дамъ тебѣ Галичъ»,—послалъ онъ сказать ему,—«только отступи отъ брата».

Александръ прельстился этимъ обѣщаніемъ и отступилъ. Но это вѣроломство бѣльзскаго князя не ослабило Даніила и не усилило осажденныхъ. У послѣднихъ появились заразительныя болѣзни. Самъ венгерскій королевичъ скоро послѣ того умеръ въ осадѣ. Тогда галичане собрали вѣче и порѣшили призвать Даніила. Они отворили ему городскія ворота. Судиславъ убѣжалъ въ Венгрію, а Александръ бѣльзскій—въ Кіевъ. За послѣднимъ погнался самъ Даніилъ. Онъ гнался за нимъ безъ отдыха три дня и три ночи и, наконецъ, нагналъ у городка Полонскаго, въ Хоморскомъ лѣсу [1]). Что сдѣлалъ Даніилъ съ этимъ измѣнникомъ, какъ онъ поступилъ съ этимъ человѣкомъ, не разъ безчестно съ нимъ поступившимъ,—неизвѣстно. Только имя Александра бѣльзскаго съ этого времени уже нигдѣ не упоминается.

Это было въ 1233-мъ году.

Теперь, повидимому, Даніилъ долженъ былъ укрѣпиться въ Галичѣ. Теперь онъ могъ успокоиться. Главныхъ враговъ его не стало. Королевичъ умеръ, Александра бѣльзскаго нѣтъ, а галичане сами призывали его на княженіе. Но Даніилу не суждено было наслаждаться спокойствіемъ. Не имѣя покоя съ самыхъ юныхъ лѣтъ, онъ и теперь долженъ былъ идти въ Кіевъ на помощь своему союзнику Владиміру Рюриковичу. Послѣдній далъ знать Даніилу, что Михаилъ Всеволодовичъ стоитъ подъ Кіевомъ и хочетъ выгнать его оттуда. Даніилъ немедленно пошелъ (1233) на помощь своему союзнику. Михаилъ принужденъ былъ удалиться. Союзникамъ показалось этого мало. Они хотѣли отомстить Михаилу. Они перешли Днѣпръ и сами стали опустошать черниговскія владѣнія. Они забирали города по Деснѣ. Они осадили, наконецъ, и самый Черниговъ. Союзники поставили таранъ и стали бить изъ него камнями въ городскую стѣну. Камни были громадные. Каждый камень съ трудомъ подымался четырьмя сильными воинами. Но толку отъ этого было мало. Стѣны не поддавались камнямъ. Война затянулась. Какъ ни били союзники

---

[1]) Хомора—лѣвый притокъ Случи.

камнями стѣны Чернигова, а взять его не могли. Произошло даже совершенно обратное. Михаилъ обманулъ осаждающихъ, вышелъ изъ города, и разбилъ галицкіе полки. Владиміръ Рюриковичъ и Даніилъ возвратились въ Кіевъ.

Галицкіе полки пошли домой. Они шли медленно. Продолжительная война изнурила ихъ, ослабила. И самъ Даніилъ былъ пасмуренъ. Неудача похода и потеря людей тяготили его душу. На дорогѣ онъ услышалъ о новой непріятности—о нападеніи на кіевскую землю новыхъ враговъ. То были Изяславъ Владиміровичъ, внукъ героя «Слова о полку Игоря», и половцы. Они грабили Русскую землю. Владиміръ и бояринъ Мирославъ стали просить Даніила вернуться на защиту послѣдней. Тотъ отказывался, ссылаясь на большую усталость своего войска. Тѣ стали упрашивать. Даніилъ наконецъ согласился. Повернувъ свои войска назадъ, онъ повелъ ихъ на половцевъ. Но когда онъ уже былъ не далеко отъ враговъ,—Владиміръ и Мирославъ измѣнили свое мнѣніе и стали сами просить Даніила вернуться домой. Они увидѣли, что изнуренныя войска его, дѣйствительно, не могутъ одолѣть свѣжія непріятельскія силы. Теперь галицкій князь не согласился уже съ ними.

— «Воинъ, вышедши разъ на брань»,—говорилъ онъ имъ,— «долженъ или побѣдить или пасть. Прежде я самъ васъ отговаривалъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы. Развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкамъ противъ свѣжихъ? А теперь чего испугались, чего боитесь? Пойдемъ!»

Непріятели встрѣтились у Торческа. Произошла ожесточенная битва (1234). Даніилъ дрался отчаянно. Но «поганые» были сильнѣе галичанъ. Послѣдніе не выдержали стремительнаго нападенія половцевъ, дрогнули и побѣжали. Побѣжалъ за ними и самъ Даніилъ, потерявши любимаго своего гнѣдого коня. Владиміръ Рюриковичъ и Мирославъ попались въ плѣнъ.

Даніилъ прибѣжалъ въ Галичъ. И тутъ опять непріятность: онъ услыхалъ, что Изяславъ и половцы напали на Владиміръ-Волынскій. Слухъ этотъ былъ ложный. Однако онъ обошелся очень дорого Даніилу. Онъ повѣрилъ ему и послалъ на выручку города остатки своихъ полковъ.

Галицкіе крамольные бояре воспользовались этимъ. Увидавъ, что Даніилъ остался одинъ—безъ полковъ, они произвели мятежъ. И Даніилъ Романовичъ принужденъ былъ снова оставить Галичъ. Онъ поѣхалъ въ Венгрію. Онъ отправился туда для заключенія дружественнаго договора съ новымъ королемъ Бѣлою IV-мъ.

*

Галицкіе бояре призвали къ себѣ на княженіе Михаила Всеволодовича черниговскаго (1235). Возвратился изъ половецкаго плѣна и Владиміръ Рюриковичъ, но онъ уже не могъ занять Кіева. Тамъ уже сидѣлъ Изяславъ Владиміровичъ. Впрочемъ вѣрному союзнику Даніила не пришлось долго послѣ этого бѣдствовать на землѣ. Въ слѣдующемъ 1236-мъ году Владиміръ скончался.

И черниговскій князь недолго просидѣлъ на галицкомъ столѣ. Имъ недовольны были галицкіе граждане. Они были недовольны и всѣми тогдашними порядками правленія. Имъ надоѣли боярскія смуты. Имъ наскучило по волѣ бояръ признавать своимъ княземъ то одного, то другого. Галичане больше не хотѣли слушаться бояръ и рѣшили признать своимъ княземъ Даніила, къ которому всегда были болѣе или менѣе расположены. Они стали искать случая къ выполненію задуманнаго.

И случай къ этому скоро представился. Захвативъ Кіевъ послѣ Ярослава Всеволодовича [1]), Михаилъ черниговскій отдалъ Галичъ сыну своему Ростиславу. Этотъ князь былъ еще очень неопытенъ. Отправившись въ походъ на Литву, онъ взялъ съ собою всю свою дружину. Въ Галичѣ никого почти не осталось изъ преданныхъ ему бояръ. Галичане сейчасъ же дали знать объ этомъ Даніилу Романовичу. Онъ жилъ въ ту пору въ Холмѣ, недавно имъ построенномъ.

Даніилъ немедленно пошелъ къ Галичу. Подойдя къ послѣднему, онъ увидѣлъ на стѣнахъ его множество гражданъ. Его, очевидно, ждали.

— «О мужи галицкіе»,—обратился онъ къ нимъ,—«долго ли еще будете терпѣть державу иноплеменныхъ князей?»

— «Вотъ нашъ держатель, Богомъ данный!»—закричали ему въ отвѣтъ со стѣнъ. «Вотъ нашъ князь!»

И галичане «пустились къ Даніилу, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику».

Дворскій [2]) Григорій и епископъ Артемій стали было уговаривать галичанъ не сдаваться. Они стращали ихъ гнѣвомъ

---

[1]) Кіевъ у Изяслава Владиміровича отнятъ былъ Ярославомъ Всеволодовичемъ новгородскимъ. Узнавъ о смутахъ и безпорядкахъ на югѣ, Ярославъ отправился туда. Опустошивъ черниговскую землю, онъ подступилъ къ Кіеву. Выгнавъ изъ него Изяслава, Ярославъ занялъ его, но пробылъ въ немъ недолго. Въ ту пору Батый уже громилъ сѣверо-восточную Русь. Узнавъ о гибели брата своего Юрія на берегахъ р. Сити, Ярославъ оставилъ Кіевъ и отправился во Владиміръ Клязьминскій. Этимъ-то удаленіемъ изъ Кіева и воспользовался Михаилъ черниговскій для занятія «матери русскихъ городовъ».

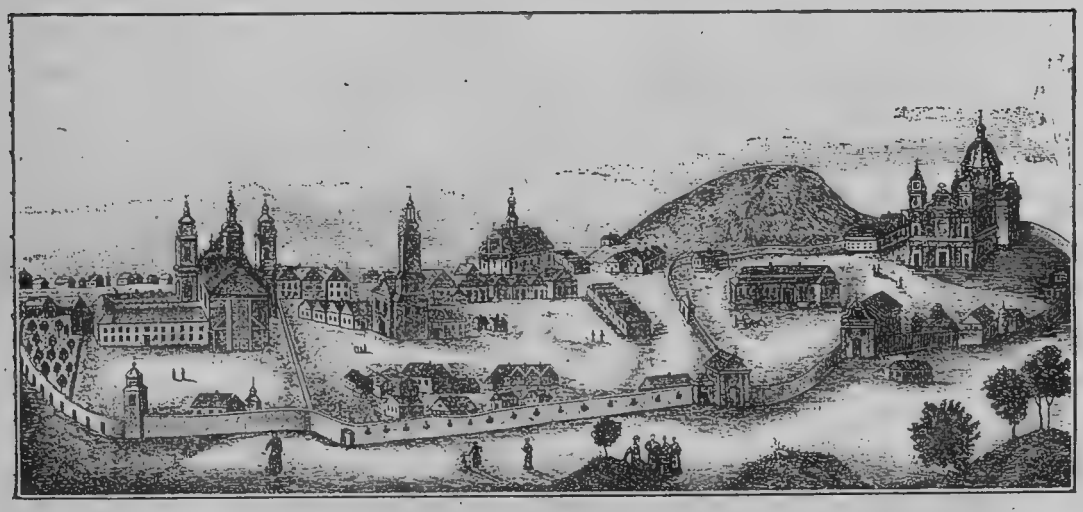
[2]) Выборная городская правительственная должность.

Ростислава и судомъ Божіимъ. Ничто не помогло;—народъ толпою валилъ къ Даніилу. Видя, что не удержишь гражданъ, дворскій и архіерей сами явились къ нему со слезами на глазахъ.

— «Приди, князь Даніилъ»,—говорили они ему,—«осклабляясь и облизывая губы», приди и прими городъ».

Даніилъ вошелъ въ Галичъ и, въ знакъ побѣды, водрузилъ свое знамя на нѣмецкихъ воротахъ. Принесши затѣмъ благодарственную молитву въ соборномъ храмѣ Богородицы, онъ возсѣлъ на столѣ отца своего.

Ростиславъ, узнавши о занятіи Галича Даніиломъ, убѣжалъ въ Венгрію.



Городъ Холмъ въ XVI столѣтіи.

Бывшіе при немъ галицкіе бояре явились къ Даніилу съ повинною. Они пали передъ нимъ на колѣни, кланялись въ ноги и просили прощенья.

— «Прости, князь»,—плакались они—«согрѣшили, что иного князя держали».

— «Милую васъ»,—отвѣчалъ на это добродушный Даніилъ,—«только смотрите, впередъ этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было».

Съ этого времени Даніилъ уже не переставалъ считаться галицкимъ княземъ. Но, утвердившись въ Галичѣ, онъ не захотѣлъ жить въ немъ, а поселился въ Холмѣ.

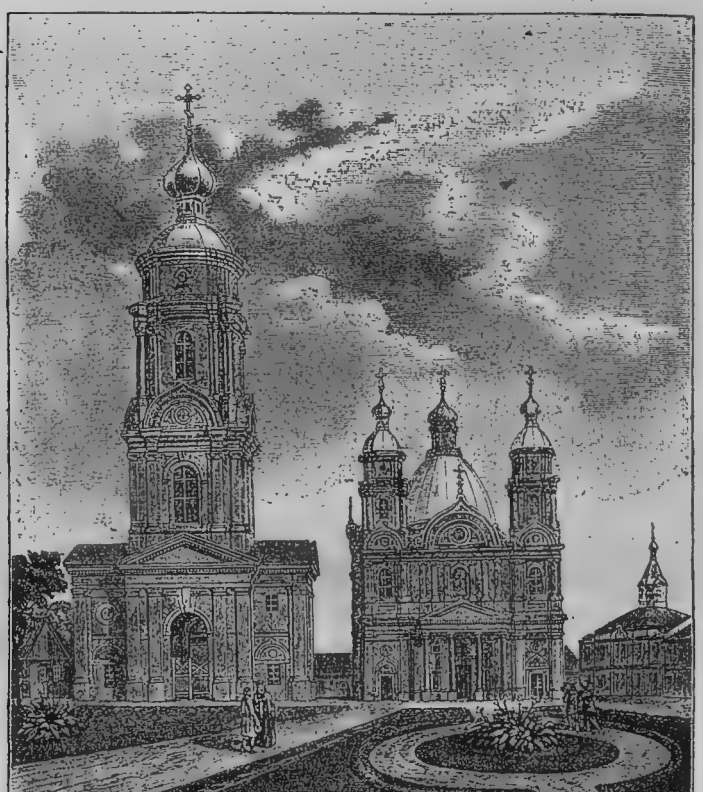
Холмъ былъ городъ новый. Его недавно основалъ Даніилъ. Живя на Волыни, онъ однажды охотился на лѣвомъ берегу Западнаго Буга. Тутъ на одномъ изъ его притоковъ, онъ увидалъ возвышенное мѣсто, богатое лѣсомъ и лугами. Оно ему очень понравилось.

— «Какъ зовутъ это мѣсто?»—спросилъ онъ у жителей,

— «Холмъ»,—отвѣчали ему.

— «Ну, такъ пусть будетъ здѣсь городъ Холмъ»,—сказалъ Даніилъ.

Онъ посвятилъ будущій городъ святому Іоанну Златоусту. Тогда было въ обычаѣ посвящать новые города какому-либо святому. Здѣсь Даніилъ построилъ себѣ усадьбу и красивую церковь св. Іоанна.



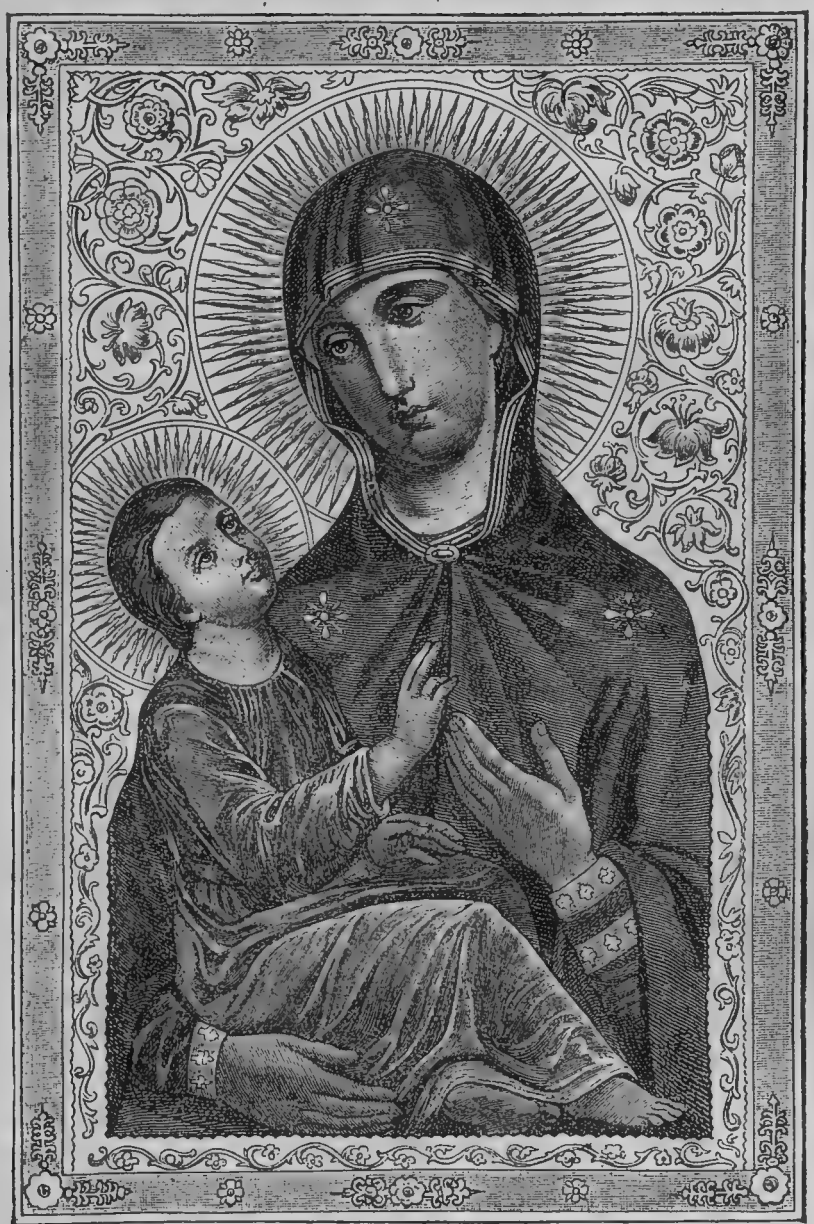
Холмскій каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ.

Городъ началъ быстро расти и украшаться. По приглашенію князя, сюда начали переселяться жители изъ разныхъ странъ. Помимо русскихъ, въ городѣ селились нѣмцы, венгры и поляки. Народъ все больше былъ рабочій — ремесленники. Съ помощью ихъ Даніилъ отстраивалъ, украшалъ и укрѣплялъ свою новую столицу [1]).

Въ Холмѣ Даніилу жилось легче и свободнѣе, чѣмъ

(1) Главный храмъ Холма, посвященный Іоанну Златоусту, украшенъ былъ Даніиломъ съ особымъ тщаніемъ. Главныя его арки были утверждены на четырехъ человѣческихъ головахъ, искусно изваянныхъ художникомъ. Три алтарныхъ окна были украшены римскими (росписанными) стеклами, а своды покрыты лазурью и золотыми звѣздами. Два алтарные столба высѣчены были изъ цѣльнаго камня, бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены были бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою какого-то художника Авдія. Полъ церкви слитъ изъ олова и мѣди. Снаружи храмъ испещренъ рѣзными изображеніями, раскрашенными и отчасти позолоченными. Надъ южными дверями изваянъ былъ образъ Спасителя, а надъ сѣверными—Іоанна Златоуста. Иконы были украшены дорогими камнями и бисеромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ принесены были изъ Кіева и Обруча. Колокола тоже, одни были привезены изъ Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ.

въ старомъ Галичѣ. Тутъ онъ былъ самостоятельнѣе и независимѣе. Отсюда ему лучше было управлять Галичиной. Окруживъ себя



Холмская чудотворная икона Божіей Матери.

вѣрною дружиною, онъ не боялся тутъ боярскихъ козней. Въ Холмѣ не было старыхъ бояръ, противниковъ княжеской власти,

---

Посреди города Данiилъ возвелъ на каменномъ основанiи бѣлую деревянную вѣжу, съ вершины которой открывался вдаль видъ во всѣ стороны. Эта вѣжа служила сторожевой башнею и вмѣстѣ украшенiемъ города. Подлѣ нея выкопанъ чрезвычайной глубины колодезь. Онъ долженъ былъ снабжать водою жителей во время осады. Кромѣ того въ

кичившихся своимъ богатствомъ и значеніемъ. Какіе были здѣсь бояре—всѣ они появились тутъ по волѣ и приглашенію Даніила и всѣмъ ему были обязаны. И тѣмъ и этимъ—и холмскимъ боярамъ и жителямъ городскимъ—выгодно было стоять за Даніила. Они за него, а онъ за нихъ. Съ своею дружиною онъ никому не дастъ ихъ въ обиду.

Бѣлавинская башня близъ города Холма.

Вскорѣ по переселеніи въ Холмъ, Даніилъ овладѣлъ кіевскимъ княжествомъ. Кіевскій князь Михаилъ Всеволодовичъ, изъ страха передъ татарами, бросилъ «матерь русскихъ городовъ» и ушелъ въ Венгрію, — а галицкій князь воспользовался этимъ и захватилъ Кіевъ.

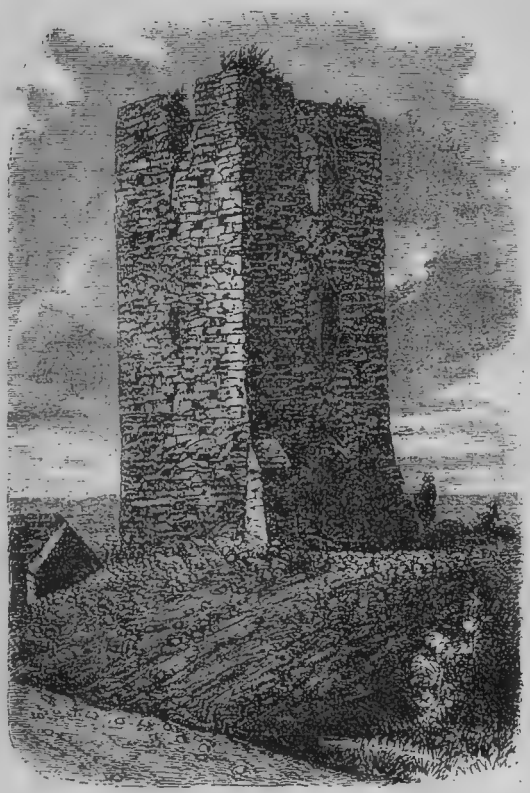
Теперь Даніилъ Романовичъ сталъ сильнѣйшимъ княземъ русскимъ. Онъ владѣлъ галицкимъ и кіевскимъ княжествами и Волынью. Послѣднею управлялъ, правда, братъ его Василько, но онъ всегда былъ за-одно съ Даніиломъ. Василько ни въ чемъ и никогда не противорѣчилъ стар-

---

нѣкоторомъ разстояніи отъ города Даніилъ воздвигъ каменный «столбъ» или четырехгранную башню, на верху которой стоялъ высѣченный изъ камня двуглавый орелъ, изображавшій гербъ его державы. Кромѣ этой башни до нашего времени сохранились остатки другой подобной, стоявшей также внѣ города. Надобно полагать, что онѣ защищали подступы къ городу и входили въ систему внѣ-городскихъ валовъ и укрѣпленій. Твердыни Холма были таковы, что во время Батыева нашествія, онъ оказался въ числѣ немногихъ городовъ, которые татары тщетно осаждали и не могли взять. (Исторія Россіи, Иловайскаго, часть II, стр. 451—452).

шему своему брату. Мелкіе же князья юго-западной Руси находились въ зависимости отъ галицкаго князя и боялись ему противодѣйствовать.

При такомъ положеніи дѣлъ, можно было надѣяться, что юго-западная Русь дастъ сильный и единодушный отпоръ приближавшимся татарамъ. Можно было думать, что варвары не найдутъ здѣсь такого разъединенія между городами и княжествами, какое они встрѣтили въ сѣверо-восточной Руси. Югозападная Русь была, вѣдь, объединена. Она вся почти находилась въ рукахъ одного воинственнаго и энергичнаго князя.... Но, къ сожалѣнію, объединеніе это было только кажущееся, видимое. На самомъ дѣлѣ его не было. Полной и крѣпкой связи между тамошними городами и княжествами некогда было еще образоваться. Да если бы юго-западная Русь и хотѣла дать дружный и единодушный отпоръ азіатамъ,—она не могла бы этого сдѣлать. Готовыхъ военныхъ силъ у нея на это не было, а собирать ихъ было уже некогда. «Поганые» были недалеко. Они уже опустошали наши земли, находившіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра.



Столпьенская башня близъ города Холма.

При вѣсти о приближеніи татаръ, многіе князья юго-западной Руси оказались не на высотѣ своего положенія. Они испугались варваровъ, побросали свои удѣлы и ушли, кто куда могъ. Самъ воинственный Даніилъ Романовичъ, поручивъ защиту Кіева тысяцкому Димитрію, отправился въ Венгрію. Онъ пошелъ туда сватать за своего сына тамошнюю королевну. Сватовство не удалось. Возвращаясь домой съ сыномъ своимъ Львомъ, онъ на дорогѣ сталъ встрѣчать толпы бѣглецовъ. Русскіе бѣжали отъ татаръ. Отъ нихъ онъ узналъ, что варвары жгутъ, грабятъ его землю и никого и ничего не щадятъ. Даніилъ повернулъ въ Польшу. Тутъ онъ встрѣтился съ своею семьею и братомъ Василькомъ,

убѣжавшимъ отъ татаръ. Мазовецкій князь Конрадъ принялъ ихъ съ полнымъ радушіемъ. Сынъ его Болеславъ предоставилъ Даніилу замокъ Вышгородъ. Замокъ стоялъ надъ Вислою въ самомъ уединенномъ и безопасномъ мѣстѣ. Тутъ братья Романовичи прожили все время, пока татары были въ юго-западной Руси. Узнавъ же, что варвары, разгромивъ послѣднюю, ушли въ Венгрію, они оставили Польшу.

Возвратившись въ свои земли, Романовичи встрѣтили въ нихъ прежнія непріятности. Галицкіе бояре, уцѣлѣвшіе во время татарскаго разгрома, своевольничали по прежнему. Не отвергая надъ собою власти Даніила Романовича, они мало слушались его. Они разобрали галицкія доходныя мѣста и управляли ими по своему усмотрѣнію. При самомъ въѣздѣ Романовичей въ свою землю, они получили жестокую обиду отъ намѣстника г. Дрогичина [1]). Онъ не пустилъ ихъ въ городъ. Князья ничего не могли съ нимъ сдѣлать; у нихъ не было дружины. Братья-князья поѣхали дальше. По дорогѣ вездѣ они встрѣчали запустѣніе, пожарища и трупы людей и животныхъ.

Къ Берестью князья и подъѣхать даже не могли. Такъ силенъ былъ смрадъ отъ гніющихъ труповъ, валявшихся кругомъ города. Во Владимірѣ-Волынскомъ Романовичи не нашли ни одного живого человѣка, всѣ жители его были перебиты татарами. Всѣ тамошніе каменные храмы переполнены были трупами женщинъ, дѣтей и стариковъ. Не имѣя силъ драться съ варварами, они прятались отъ нихъ по церквамъ. Всѣ мужчины, способные носить оружіе, пали на городскихъ валахъ и улицахъ.

Даніилъ Романовичъ не поѣхалъ въ Галичъ. Онъ былъ разоренъ татарами. Даніилъ остановился въ Холмѣ, уцѣлѣвшемъ отъ варваровъ. Высокое мѣстоположеніе и крѣпкія стѣны спасли его отъ татаръ. Отсюда Даніилъ сталъ заниматься устройствомъ своей земли. Онъ вызвалъ на прежнія мѣста жителей, укрывшихся отъ татарскаго нашествія по лѣсамъ и разнымъ дебрямъ. Онъ отстраивалъ города и села, поправлялъ и украшалъ церкви. Отсюда же—изъ Холма—Даніилъ старался ограничить и уничтожить и боярское своеволіе.

Въ ту пору во главѣ галицкихъ крамольныхъ бояръ стояли двое: Доброславъ Судьичъ и Григорій Васильевичъ. Первый захватилъ Понизье съ городомъ Бакатою, а второй—горную Перемышльскую страну. Судьичъ, поповъ внукъ, отличался большою безцеремонностью въ своихъ отношеніяхъ къ князю. Оба они—и

---

[1]) Дрогичинъ находился недалеко отъ Польши.

Доброславъ и Григорій управляли своими землями совсѣмъ почти независимо отъ князя. Они что хотѣли, то и дѣлали тамъ. И сами они и сторонники ихъ грабили всѣхъ и насильничали. Въ народѣ начались волненія.

Даніилъ послалъ къ Доброславу стольника своего Якова Марковича.

— «Я вашъ князь», — сказалъ ему стольникъ отъ имени Даніила, — «и вы меня не слушаетесь, землю грабите. Я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости галицкимъ, а коломыйскую соль отписать на меня».

— «Хорошо»,—отвѣчалъ на это Доброславъ,—«такъ и будетъ сдѣлано».

Въ это время вошли два галичанина—Лазарь Домажиричъ и Иваръ Молибожичъ. «Эти беззаконники отъ племени смердьяго» поклонились Доброславу до земли.

Стольникъ Яковъ удивился.

— «Что это значитъ?»—спросилъ онъ у хозяина.—«За что они такъ тебѣ низко кланяются?»

— «За то»,—отвѣчалъ онъ съ усмѣшкою,—«что я отдалъ имъ Коломыю».

—«Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать безъ княжескаго приказа?»—сказалъ стольникъ. «Великіе князья держатъ эту Коломыю на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?»

— «Что жъ мнѣ сказать тебѣ на это?!» смѣясь отвѣтилъ Доброславъ.

Даніилъ разсердился, узнавъ объ этомъ поступкѣ Доброслава. Онъ рѣшился проучить зазнавшагося боярина. И случай къ этому скоро представился.

Доброславъ Судьичъ и Григорій Васильевичъ не могли ужиться между собою въ ладу. Первый, владѣя Понизьемъ, хотѣлъ отнять у втораго Перемышльскую сторону. Бояре эти завидовали другъ другу и клеветали одинъ на другого князю. Доброславъ донесъ Даніилу, что Григорій обманываетъ его во всемъ и даже затѣваетъ измѣну. Галицкій князь потребовалъ ихъ къ себѣ обоихъ. Тѣ явились. Доброславъ пріѣхалъ на княжескій дворъ въ одной сорочкѣ, окруженный толпою галичанъ. Онъ вошелъ къ князю съ гордымъ видомъ, закинувъ вверхъ голову. Даніилу это не понравилось, но онъ смолчалъ.

Оба боярина начали оговаривать другъ друга и льстить князю. Даніилъ понялъ, что они оба лгутъ. Онъ увидѣлъ, что они просто не хотятъ слушаться его распоряженій, не хотятъ испол-

нять его волю. Посовѣтовавшись съ братомъ Василькомъ, онъ схватилъ ихъ обоихъ и посадилъ подъ стражу. Затѣмъ онъ послалъ въ Понизье печатника своего Кирилла. Онъ долженъ былъ сдѣлать тамъ опись боярскимъ грабежамъ и насиліямъ и успокоить народъ. Кириллъ прибылъ туда съ войскомъ и въ короткое время сдѣлалъ то и другое.

Случай съ Доброславомъ и Григоріемъ напугалъ ихъ сторонниковъ. Они притихли, присмирѣли и перестали грабить народъ. Они съ виду стали относиться къ князю съ почтеніемъ и уваженіемъ.

Но лишь только Данiилъ успокоилъ свою землю, избавилъ ее отъ внутреннихъ враговъ, какъ долженъ былъ защищать ее отъ внѣшнихъ непріятелей. Раздѣлавшись съ боярами-грабителями, онъ вслѣдъ затѣмъ принужденъ былъ бороться съ извѣстнымъ уже намъ Ростиславомъ черниговскимъ. Княжившій когда-то въ Галичѣ, Ростиславъ хотѣлъ теперь снова захватить его. Онъ началъ съ Понизья. Возвратившись изъ Польши, гдѣ скрывался отъ татаръ, черниговскій князь въ 1241-мъ году подступилъ къ Бакотѣ. Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ были тутъ бологовскіе князья и преданные ему измѣнники галичане. Ростиславъ, при помощи своихъ союзниковъ, надѣялся скоро овладѣть городомъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ. Въ Бакотѣ въ ту пору находился печатникъ Кириллъ съ войскомъ. Это былъ бояринъ стойкій, преданный своему князю. Произошла небольшая схватка у городскихъ воротъ. Ростиславъ изъявилъ желаніе поговорить съ печатникомъ. Онъ надѣялся переманить Кирилла на свою сторону. Онъ хотѣлъ убѣдить его измѣнить Данiилу.

— «Такъ-то ты благодаришь дядей своихъ (братьевъ Романовичей) за ихъ добро?»—отвѣчалъ Кириллъ Ростиславу на увѣщаніе его сдать ему городъ.—«Ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ отцомъ король венгерскій, и какъ тогда приняли тебя господа мои, твои дяди! Отца твоего въ великой чести держали и Кіевъ ему обѣщали, тебѣ Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Ярославовыхъ рукъ освободили».

Ростиславъ не послушался. Что ни говорилъ ему Кириллъ, какъ ни убѣждалъ его измѣнить свои отношенія къ братьямъ Романовичамъ, онъ остался при своемъ. Тогда печатникъ вывелъ изъ города всю свою пѣхоту. Ростиславъ побоялся вступить въ битву и отступилъ. Онъ ушелъ въ свой Черниговъ собирать новое войско.

Узнавъ о приходѣ Ростислава къ Бакотѣ съ бологовскими

князьями, Даніилъ сильно разсердился на послѣднихъ. Бологовскіе князья были князья «особные». Не принадлежа къ племени Владиміра Святого, они всегда были противъ Даніила Романовича. Послѣдній зналъ про это, и всетаки щадилъ ихъ, жалѣлъ. Недавно даже онъ избавилъ ихъ отъ Болеслава мазовецкаго. Прибѣжавши въ Польшу, во время нашествія Батыя на юго-западную Русь, эти князья были схвачены Болеславомъ. Онъ хотѣлъ ограбить ихъ и заключить подъ стражу. Братья Романовичи вступились за нихъ и насилу уговорили Болеслава отпустить ихъ. Теперь бологовскіе князья забыли это. Теперь они за все добро Даніила отплатили ему черною неблагодарностью.

Галицкій князь рѣшился наконецъ наказать ихъ. Онъ опустошилъ ихъ землю, жители которой сѣяли просо и пшеницу для татаръ. Взявши семь ихъ городовъ, онъ сжегъ ихъ до-тла.

Между тѣмъ Ростиславъ черниговскій дѣйствовалъ. При помощи измѣнника, стараго боярина Владислава, онъ захватилъ Галичъ. Съ Владиславомъ былъ за-одно и тамошній владыка Артемій. За Галичемъ перешелъ на сторону Ростислава и Перемышль. И перемышльскій архіерей держалъ руку измѣнниковъ-бояръ.

Но Ростиславъ и на этотъ разъ не долго прокняжилъ въ Галичѣ. Услыхавъ, что противъ него идетъ Даніилъ съ войскомъ, онъ бѣжалъ изъ города съ своими единомышленниками. Убѣжалъ и владыка Артемій. Защищаться было нельзя. Галичъ былъ открытъ. Городскія стѣны, разрушенныя татарами, были еще не возведены. На Перемышль Даніилъ послалъ своего дворскаго Андрея. И тутъ сторонники Ростислава не стали дожидаться послѣдняго. Узнавъ о движеніи къ Перемышлю Даніилова войска, они вмѣстѣ съ архіеремъ убѣжали изъ города. Андрей погнался за ними, догналъ гордыхъ архіерейскихъ слугъ и разграбилъ ихъ. Онъ разодралъ ихъ тулы бобровые и прилбицы [1]) волчьи и барсуковые [2]).

Ростиславъ однако не угомонился и послѣ этого. Женившись на дочери венгерскаго короля Бѣлы IV-го, онъ не разъ еще съ венграми вторгался въ галицкія владѣнія—и всегда почти неудачно. Даніилъ всегда прогонялъ его. Наконецъ въ 1249-мъ году между враждующими князьями произошло рѣшительное сраженіе.

---

[1]) Тулы—колчаны. Прильбицы—опушки у шапокъ подлѣ лба.

[2]) Нѣкоторые галицкіе епископы имѣли свою конную дружину. Они въ этомъ случаѣ, замѣтно, подражали польскимъ и венгерскимъ прелатамъ.

Ростиславъ собралъ большое войско и подступилъ къ Ярославлю на р. Санѣ. Войско его состояло изъ русскихъ, поляковъ и венгровъ.

Ростиславъ объѣхалъ городъ и увидѣлъ, что его трудно взять. Ярославль былъ хорошо укрѣпленъ. Онъ былъ снабженъ самострѣлами и пороками [1]).

Ростиславъ рѣшилъ повести осаду города. Отошедши на значительное разстояніе отъ Ярославля, онъ поставилъ свой лагерь и окружилъ его валами и частоколомъ. Тутъ войску его не могли вредить ярославцы. Сюда не достигали камни изъ ихъ пороковъ.

Союзники стали заниматься приготовленіемъ стѣнобитныхъ машинъ. Они запасались снарядами, нужными для осады и приступа.

Время шло. О Романовичахъ ни слуху-ни духу. Не видя передъ собой противниковъ, Ростиславъ вообразилъ, что братья Романовичи испугались его, что они не придутъ на защиту города. Ростиславъ сталъ хвастаться предъ своимъ войскомъ.

— «Еслибъ я зналъ только»,—говорилъ онъ,—«гдѣ теперь Даніилъ и Василько, то поѣхалъ бы на нихъ съ десятью человѣками... Я бы имъ показалъ!»

Скучное время осады союзники сокращали разными потѣхами и занятіями. Ростиславъ не разъ устраивалъ военныя игры. Русскіе, польскіе и венгерскіе витязи показывали на этихъ турнирахъ свою ловкость, свое умѣнье владѣть оружіемъ. Разъ даже самъ Ростиславъ вступилъ въ состязаніе съ польскимъ воеводою Воршемъ, но потерпѣлъ неудачу. Конь его упалъ, и князь вывихнулъ себѣ плечо.

— «Это къ худу»,—замѣтили окружающіе,—«не къ добру.»

Между тѣмъ братья Романовичи не бездѣйствовали. Услыхавъ о приходѣ Ростислава къ Ярославлю, они стали спѣшить на выручку послѣдняго. Собравъ войско и послав за помощью къ литовцамъ, Даніилъ и Василько пошли на освобожденіе осажденнаго города. Литовцы обѣщались прислать помощь, но опоздали. Они пришли уже по окончаніи дѣла. Братья—князья съ одними только своими силами подошли къ р. Сану. Войско ихъ остановилось въ полѣ и стало готовиться къ битвѣ. Пѣхота вооружалась. Всадники сошли съ коней и надѣли брони [2]). Въ это время надъ ними пролетѣла огромная стая орловъ и вороновъ. Хищныя птицы кричали и играли. Клектущіе орлы, распластавъ

---

[1]) Пороки—камнеметныя орудія.

[2]) Въ ту пору тяжелыя части вооруженія слѣдовали за войскомъ на возахъ.

свои крылья, красиво плавали въ воздухѣ. Это тоже сочли за предзнаменованіе, но только хорошее.

Замѣтивъ приготовленіе Романовичей къ битвѣ, Ростиславъ и самъ сталъ готовиться къ ней. Поставивъ свои полки въ боевой порядокъ, онъ самъ отъѣхалъ къ полякамъ. Венгры стали позади. Ими командовалъ воевода Фильній. Это—тотъ самый «прегордый Филъ», котораго когда—то разбилъ Мстиславъ Удалой. Онъ теперь стоялъ подъ знаменемъ и на разные лады ободрялъ своихъ воиновъ.

— «Руси нечего бояться,» — говорилъ онъ имъ, — «русскіе горячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя, стоитъ намъ только выдержать ихъ первый натискъ.»

Первымъ двинулся въ бой дворскій Андрей. Онъ пошелъ на полки Ростислава... Враги бросились другъ на друга... Началась жестокая битва. Десятки воиновъ падали съ обѣихъ сторонъ. Даніилъ послалъ на подмогу Андрею 20-ть отборныхъ мужей. Тѣ испугались противниковъ и воротились назадъ. Андрей съ небольшою дружиною продолжалъ драться...

— «Радуйся, князь,»—сказалъ одинъ всадникъ, подскакавши къ Ростиславу:—«на твою рать напалъ дворскій Даніила Андрей, да дружина у него малая. Даніилъ послалъ было ему малую помощь, но она воротилась, напугавшись нашихъ. Схватка сильная, да мы, навѣрно, одолѣемъ».

— «Побѣда наша!» кричалъ другой вѣстникъ.

— «Братья поляки, не выдайте!» — закричалъ тутъ Ростиславъ.—«Возьмемъ Василька, разобьемъ его!»

Поляки бросились на Василька. Они шли быстро съ шумомъ, съ крикомъ. Одни изъ нихъ пѣли Кирлешь [1]), а другіе кричали: «погонимъ длинныя бороды, погонимъ!»

— «Лжете!»—закричалъ имъ въ отвѣтъ храбрый Василько.— «Богъ помощникъ намъ».

Съ этими словами Василько пришпорилъ своего коня, поскакалъ во весь опоръ и прямо бросился въ средину враговъ. И дружина его не отстала отъ него. Привыкши болѣе 20-ти лѣтъ ходить подъ хоругвью своего доблестнаго князя, она вся, какъ одинъ человѣкъ, стремительно ударила на непріятелей. Хвастливые поляки не выдержали этого натиска и побѣжали.

— «Дѣло плохо,» — подумалъ Ростиславъ, стоявшій невдалекѣ отъ мѣста боя.—«Авось, венгры выручатъ.»

Но и у венгровъ было совсѣмъ неладно. Даніилъ, слѣдив-

---

[1]) Кирлешь—Киріе элейсонъ, т. е. «Господи, помилуй.»

шій за боемъ Васильковой и Андреевой дружинъ, бросился, наконецъ, и самъ на венгровъ и на помощь своему дворскому. Венгры выдержали нападеніе дружины Даніила и самого его захватили было въ плѣнъ. Но Даніилъ вырвался, оправился и съ новою стремительностью ударилъ на нихъ. Сынъ его, Левъ, изломалъ свое копье о доспѣхи самого Фильнія [1]). Непріятельское знамя было схвачено и разорвано пополамъ. Венгры на этотъ разъ не выдержали натиска русскихъ и побѣжали. Побѣжали за ними и полки Ростислава.

Видя, что все бѣжитъ, — что бѣгутъ и свои, и союзники, Ростиславъ самъ побѣжалъ съ поля битвы.

Даніилъ погнался за бѣгущими врагами. Но, преслѣдуя венгровъ, онъ сталъ безпокоиться о судьбѣ своего брата. Не зная еще, что онъ разбилъ поляковъ, Даніилъ вдругъ увидалъ развѣвающееся знамя Василька. Тутъ онъ увидѣлъ, что и братъ его преслѣдуетъ поляковъ, какъ онъ — венгровъ и полки Ростислава. Даніилъ обрадовался и остановился. Братья обнялись и стали совѣщаться: преслѣдовать ли враговъ дальше или нѣтъ? Василько отговорилъ гнаться дальше,—на дворѣ уже было темно.

Пораженіе непріятелей было полное. Братья Романовичи захватили весь ихъ лагерь и множество плѣнныхъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и «прегордый Филъ» и извѣстный измѣнникъ галицкій бояринъ Владиславъ. Оба они, по приказанію Даніила, тотчасъ же были казнены. Казнены были съ ними вмѣстѣ и многіе другіе венгерскіе плѣнники. Даніилъ измѣнилъ своей обычной добротѣ и великодушію. Измѣнники бояре и ихъ венгерскіе союзники своими крамолами и опустошеніями галицко-волынской земли довели его на этотъ разъ до ожесточенія.

Побѣдители всю ночь провели на полѣ битвы. Они забирали плѣнныхъ и добычу въ непріятельскомъ лагерѣ. На другой день они вошли въ Ярославль. Жители города встрѣтили ихъ съ радостью и ликованіемъ. Воздавши благодареніе Богу за одержанную побѣду, братья Романовичи съ своею дружиною и ярославцы не одинъ день послѣ того пировали и веселились.

Ярославская побѣда имѣла большое значеніе для Даніила и галицкой земли. Съ этихъ поръ Даніилъ окончательно утвердился на галицкомъ столѣ. Соперниковъ у него теперь уже не было. Ростиславъ Михайловичъ ушелъ въ Венгрію къ тестю своему Бѣлѣ IV-му. Съ тѣхъ поръ имя Ростислава не упоминается уже въ нашей исторіи.—Венгры оставили свои притяза-

---

[1]) Ист. Карамз. IV, 33.

нія на галицкія земли. Король венгерскій вскорѣ послѣ Ярославской битвы даже породнился съ Даніиломъ. Наконецъ и галицкіе бояре притихли. Не находя болѣе соперниковъ Даніилу, они успокоились, присмирѣли и надолго оставили свои крамолы.

Даніилъ былъ теперь сильнѣйшимъ княземъ юго-западной Руси. Всѣ мелкіе князья слушались его. Галицкіе бояре не возставали. Народъ любилъ его и уважалъ.

Но все это мало утѣшало Даніила. Успокоивши галицко-волынскую землю отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, онъ сталъ теперь бояться дикихъ азіатовъ. Онъ боялся, какъ бы татары снова не нагрянули на его владѣнія. Онъ боялся, какъ бы ему не пришлось подчиниться имъ. Даніилъ зналъ, что сѣверо-восточные русскіе князья всѣ уже почти перебывали въ Золотой ордѣ. Ему было извѣстно, что они всѣ тамъ кланялись Батыю, всѣ унижались передъ нимъ и раболѣпствовали. Это Даніилу казалось унизительнымъ, позорнымъ. Знакомый съ западно-европейскими понятіями и обычаями, онъ чуждался всякаго низкопоклонства. Даніилъ медлилъ ѣхать въ орду. Онъ не ѣхалъ туда, но чувствовалъ, что придется ѣхать; чувствовалъ, что и ему придется кланяться тамъ...

И предчувствіе его не обмануло. На слѣдующій же годъ послѣ Ярославской битвы (1250 г.) къ Даніилу явился татарскій посолъ съ грознымъ требованіемъ: «Дай Галичъ!»

Даніилъ Романовичъ загрустилъ. Онъ сталъ совѣтоваться съ Василькомъ,—что дѣлать,—отдавать варварамъ Галичъ, или нѣтъ?

— «Если отдать имъ Галичъ»,—говорилъ онъ,—«то врядъ ли изъ этого толкъ выйдетъ. Сегодня татары возьмутъ Галичъ, а завтра потребуютъ себѣ другихъ земель и другихъ городовъ. О сопротивленіи же имъ и думать теперь нечего. И силы галицко-волынской земли еще не велики, и города ея совсѣмъ почти не укрѣплены. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Не лучше ли имъ пока подчиниться?..»

— «Нѣтъ»,—сказалъ, наконецъ, Даніилъ Василько,—«и полотчины моей не отдамъ, лучше поѣду самъ къ Батыю».

Даніилъ собрался, помолился Богу и отправился въ далекій путь—за Волгу. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, не успѣвшій еще отстроиться послѣ татарскаго разгрома. Унылый видъ города поразилъ князя. Даніилъ остановился въ Михайловско-Выдубицкомъ монастырѣ. Онъ созвалъ монаховъ и просилъ ихъ помолиться за него. Выслушавши напутственный молебенъ, галицкій князь сѣлъ въ ладью и поплылъ по Днѣпру. Въ Переяславлѣ его встрѣтили татары. Они сейчасъ же проводили его къ тем-

нику [1]) Куремсѣ. Тотъ далъ ему проводниковъ, и Даніилъ поѣхалъ дальше, по нынѣшнимъ южно-русскимъ степямъ.

На этомъ пути, то и дѣло, Даніилу встрѣчались грязныя татарскія юрты и табуны коней. Татарская нечистоплотность и разные суевѣрные обычаи азіатскихъ варваровъ приводили его въ ужасъ. Онъ подъѣзжалъ къ Волгѣ въ угнетенномъ состояніи, въ тоскѣ. Онъ боялся, какъ бы его не заставили въ ордѣ кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу и душамъ ханскихъ предковъ, находящимся въ адѣ. Наконецъ, разбитый дальнею дорогой, усталый, Даніилъ прибылъ на Волгу, въ Золотую орду. Къ нему тотчасъ явился одинъ русскій, слуга великаго князя Ярослава суздальскаго.

— «Братъ твой Ярославъ»,—сказалъ онъ галицкому князю,— «кланялся кусту, и тебѣ кланяться».

— «Дьяволъ говоритъ твоими устами»,—сказалъ ему на это Даніилъ:—«да заградитъ ихъ Богъ!» Однако страхи Даніила оказались напрасны. Его не заставляли въ ордѣ кланяться солнцу и дьяволу; отправляясь къ Батыю, онъ даже не проходилъ между очистительными огнями.

Явившись предъ лице Батыя, Даніилъ сталъ на колѣни и поклонился ему до земли.

Батый слегка пожурилъ галицкаго князя.

— «Даніилъ»,—сказалъ ему ханъ,—«зачѣмъ такъ долго не приходилъ? но все-же хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ?»

— «До сихъ поръ не пилъ»,—отвѣчалъ Даніилъ,—«но теперь, если велишь, буду пить».

— «Ты уже нашъ, татаринъ», продолжалъ Батый,—«пей наше питье».

Даніилъ—выпилъ и поклонился. Сказавши затѣмъ хану, что нужно, о своихъ дѣлахъ, князь попросилъ позволенія идти къ ханшѣ.

— «Иди»,—ласково сказалъ Батый,—«иди».

Даніилъ поклонился главной женѣ хана.

Батый прислалъ ему вина.

— «Не привыкли вы пить кумысъ,»—велѣлъ онъ сказать ему,—«пей вино».

Даніилъ пробылъ въ Золотой ордѣ двадцать пять дней. За это время онъ не разъ видалъ Батыя и познакомился со всѣми его вельможами. Онъ не даромъ прожилъ тамъ столько вре-

---

[1]) Темникъ—начальникъ десятитысячнаго отряда.

мени:—онъ удержалъ за собою свои земли. Передъ отъѣздомъ домой, Даніилъ получилъ отъ Батыя ярлыкъ на всѣ свои земли. Ханъ отдалъ ихъ ему въ «отчину».

Родные и приближенные Даніила радовались благополучному возвращенію его домой. Они и радовались и плакали. Радовались тому, что князь возвратился цѣлымъ и здоровымъ, а плакали о томъ, что ему въ ордѣ приходилось терпѣть униженія и кланяться варварамъ. «И былъ плачъ объ его обидѣ»,—говоритъ южный лѣтописецъ. «О, злѣе зла честь татарина!»—жалуется онъ по поводу пріема ханомъ Даніила.—«Даніилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ: а теперь сидитъ на колѣняхъ, и холопомъ называется, дани хотятъ, живота не чаетъ и грозы приходятъ. О злая честь татарина! Отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ половецкую землю и воевалъ на иныя всѣ страны; и такого отца сынъ не принялъ чести, кто жъ другой послѣ того получитъ отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ и мести ихъ нѣтъ конца!»

Тѣмъ не менѣе, поѣздка Даніила въ Золотую орду принесла ему существенную выгоду. Онъ получилъ свою галицко-волынскую землю отъ завоевавшаго ее Батыя не въ личное только владѣніе, а въ «отчину». И прежде, правда, наши князья владѣли своими землями вотчиннымъ образомъ. Они и прежде имѣли право отдавать свои земли сыновьямъ своимъ. Но тогда у нихъ нерѣдко являлись соперниками другіе князья. Тогда народныя собранія мѣшали имъ иногда распоряжаться своими владѣніями. Теперь же ни того, ни другого не могло уже быть. Получившій въ отчину свои владѣнія отъ великаго хана всегда могъ припугнуть имъ своихъ соперниковъ и недоброжелателей. Золотоордынскій ханъ всегда могъ поддержать его. Теперь только одинъ этотъ ханъ могъ отнять земли у князя. Сарайскіе ханы, не понимая того, сами своими ярлыками усиливали нашихъ князей, сами помогали имъ дѣлаться государями.

Даніилъ Романовичъ, конечно, понималъ всѣ выгоды полученнаго имъ ханскаго ярлыка. Но онѣ не прельщали его. Сознаніе зависимости своей земли отъ татаръ, сознаніе своего рабства тяготило его. Матеріальныя, практическія выгоды Даніилъ всегда ставилъ ниже нравственныхъ правилъ и требованій. Онъ, вѣдь, не даромъ получилъ ярлыкъ. Онъ призналъ себя ханскимъ рабомъ. Онъ долженъ былъ платить дань татарамъ и посылать имъ вспомогательныя войска. Галицкому князю, знакомому съ европейскими понятіями, рабство это казалось обиднымъ, унизительнымъ,

*

позорнымъ.... Онъ рѣшился избавиться отъ него... Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, освободить свою землю отъ татарской зависимости. Со времени возвращенія своего изъ орды, Даніилъ изыскивалъ разныя мѣры и средства къ сверженію монгольскаго ига. Онъ хлопоталъ объ этомъ до самаго почти конца своей многотрудной жизни.

Одними своими силами избавиться отъ татаръ было нельзя. Объ этомъ пока и думать было нечего. Силы галицко-волынской земли были еще не велики. Жители ея не успѣли еще совсѣмъ поправиться отъ Батыева погрома. Да, пожалуй, и не всѣ съ охотой пойдутъ на варваровъ. Страхъ передъ ними у многихъ еще не прошелъ. Даніилъ обратилъ свое вниманіе на сосѣднихъ европейскихъ государей. Онъ сталъ разсчитывать на ихъ помощь въ будущей своей борьбѣ съ татарами.

И онъ, повидимому, имѣлъ на это нѣкоторыя основанія. Съ поляками онъ жилъ въ ладу. И онъ имъ и они ему не разъ въ нуждѣ помогали. Съ венграми сначала онъ не ладилъ. Онъ находился съ ними во враждѣ изъ-за Ростислава Михайловича. Но они сами, вскорѣ послѣ возвращенія Даніила изъ орды, стали заискивать въ немъ. Венгерскій король Бѣла, не желавшій прежде родниться съ нимъ, теперь самъ сталъ хлопотать объ этомъ. Отказавши прежде сыну Даніила, Льву, въ рукѣ своей дочери, Бѣла теперь предложилъ галицкому князю устроить этотъ бракъ. Даніилъ сомнѣвался въ искренности этого предложенія. Онъ боялся, какъ бы король не обманулъ его: Бѣла не разъ уже его обманывалъ. Король обратился за содѣйствіемъ къ митрополиту Кириллу. И святитель примирилъ Даніила съ венгерскимъ королемъ. Левъ Даніиловичъ женился на дочери королевской—Констанціи. Даніилъ возвратилъ своему свату всѣхъ венгерскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ битвѣ подъ Ярославлемъ.

Родство это вовлекло Даніила въ дѣла Средней Европы, гдѣ въ ту пору шелъ споръ изъ-за австро-штирійскаго наслѣдства.

Австро-штирійскій герцогъ Фридрихъ былъ послѣднимъ изъ дома Бабенбергеровъ. Имъ прекратилась мужеская линія этого дома. У покойнаго герцога Фридриха осталось только двѣ дочери. Одна была замужемъ за Оттокаромъ чешскимъ, а другая, Гертруда, была вдова маркграфа баденскаго. Обѣ онѣ стали предъявлять свои права на герцогство. Но императоръ германскій Фридрихъ II-й, Гогенштауфенъ, не обращая на нихъ вниманія, занялъ Вѣну. Тогда поднялся противъ него венгерскій король. Не желая усиленія императора, Бѣла обратился (1252 г.) запомощью къ своему свату—галицкому князю. Послѣдній явился къ нему съ своей

дружиной. Даніилъ и Бѣла встрѣтились съ императорскими послами въ г. Пожогѣ. Нѣмцы не безъ удивленія смотрѣли на блестящее вооруженіе русскихъ и на коней ихъ, одѣтыхъ въ кожаные доспѣхи. Они глазъ не отводили отъ самого галицкого князя. Даніилъ ѣхалъ рядомъ съ королемъ на превосходномъ, породистомъ конѣ. Сѣдло подъ нимъ было обито чистымъ золотомъ. Сабля и колчанъ со стрѣлами, искусной работы, были позолочены. На князѣ былъ кожухъ изъ дорогой греческой матеріи, украшенный кружевами и золотой тесьмой. Даніилъ былъ обутъ въ зеленые сафьянные сапоги, вышитые золотомъ. Это свиданіе императорскихъ пословъ съ Даніиломъ и Бѣлою предотвратило войну. Галицкій князь ни съ чѣмъ возвратился домой. Австрія и Штирія остались за германскимъ императоромъ до самой смерти послѣдняго.

Послѣ кончины Фридриха II-го Гогенштауфена, опять поднялся споръ изъ-за австрійско-штирійскаго наслѣдства. На этотъ разъ сами австрійцы предложили свою корону Оттокару чешскому. Послѣдній не отказался. Тогда вдова Гертруда обратилась за помощью къ венгерскому королю. Она явилась къ его двору, гдѣ въ ту пору находился Романъ, сынъ Даніила галицкаго. Романъ прельстился ею и, по совѣту Бѣлы, женился на ней.

Даніилъ Романовичъ очень былъ доволенъ этимъ бракомъ. Посадивъ своего сына на австро-штирійскій столъ, онъ надѣялся усилить этимъ свои средства для будущей своей борьбы съ татарами: тогда не только поляки съ венграми, но и австрійцы съ штирійцами будутъ помогать ему. Имѣя это въ виду, Даніилъ пошелъ на Оттокара. Вмѣстѣ съ поляками онъ вторгся въ Моравію и дошелъ до Опавы.

Даніилъ послалъ къ городу сторожевой отрядъ изъ поляковъ, и онъ былъ разбитъ чехами. Выѣхавши изъ Опавы, послѣдніе бросились на поляковъ и разбили ихъ на-голову. Эта неудача ошеломила остальныхъ поляковъ. Они потеряли присутствіе духа и стали походить на мокрыхъ куръ. Даніилъ уговаривалъ ихъ быть пободрѣе, похрабрѣе.

— «Чего вы испугались?»—говорилъ онъ имъ:—«развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? Развѣ вы не знали, что вы шли на мужчинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? Если воинъ убитъ на рати, то какое тутъ чудо? Другіе и дома умираютъ безъ славы, а эти со славою умерли. Укрѣпите сердце ваше и ступайте бодро впередъ».

Поляки однако не слушались Даніила. Сколько онъ ни усовѣщивалъ ихъ, ни уговаривалъ подступить поближе къ городу,—

они никакъ на это не соглашались. Наконецъ онъ потерялъ терпѣніе и сказалъ имъ:

— «Если хотите, идите прочь, а я останусь съ малою дружиною».

Самъ Даніилъ велъ себя въ этой войнѣ, какъ всегда, примѣрно, образцово. Онъ былъ всегда впереди. Страдая глазною болѣзнью, онъ не щадилъ себя, разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ, собиралъ и ободрялъ воиновъ.

Старанія его не увѣнчались однако успѣхомъ. Союзники не взяли Опавы. Овладѣвши только небольшимъ городкомъ Насилье и пограбивши Чехію, они вернулись домой.

Скоро стало замѣтно, что и венгерскій король охладѣлъ къ дѣлу Даніила Романовича. У него явились новыя соображенія на счетъ австро-штирійскаго герцогства. Оставивъ при дворѣ своемъ сына Гертруды отъ перваго ея брака, онъ хотѣлъ женить его на своей дочери, и затѣмъ предоставить ему это герцогство. Когда Романъ, боровшійся съ Оттокаромъ въ Австріи, осажденъ былъ имъ въ Нейбургѣ, близъ Вѣны,—Бѣла ничѣмъ не помогъ ему. Онъ зналъ, что Романъ съ женою терпятъ во всемъ нужду, голодаютъ даже,—и все-таки не шелъ къ нему на выручку. Самъ Оттокаръ хотѣлъ наконецъ выручить его изъ бѣды.

— «Оставь короля угорскаго,»—предложилъ онъ Роману:—«онъ тебѣ много обѣщаетъ, но ничего не исполнитъ; ты мнѣ своякъ, раздѣлимъ землю пополамъ; а что я говорю правду, въ томъ ставлю тебѣ свидѣтелей папу и двѣнадцать епископовъ.»

Романъ не согласился на это предложеніе. Подобно отцу своему, онъ не любилъ измѣнять своимъ союзникамъ.

— «Я далъ обѣщаніе королю угорскому, твоему тестю»,—сказалъ онъ,—«не могу тебя послушать. Стыдно и грѣшно не исполнять даннаго слова».

Романъ далъ знать Бѣлѣ объ этомъ предложеніи Оттокара. Венгерскій король и теперь ничѣмъ не помогъ ему.

И Гетруда даже стояла за предложеніе чешскаго короля.

— «Бѣла взялъ моего сына къ себѣ»,—говорила она,—«хочетъ забрать нашу землю, а мы за него здѣсь голодъ терпимъ».

Романъ не послушался и жены своей. Онъ остался непреклоненъ.

Наголодавшись вдоволь въ Нейбургѣ, Романъ и Гертруда, при помощи одного добраго человѣка, вышли, наконецъ, изъ осады и отправились въ Галицію.

Даніилъ увидѣлъ, что расчеты его на помощь австрійцевъ и штирійцевъ въ будущей его борьбѣ съ татарами ошибочны. Онъ

увидѣлъ, что и на венгровъ въ этомъ дѣлѣ плоха надежда. Но разочарованія эти не охладили Даніила. Онъ пошелъ дальше. Онъ хотѣлъ поднять противъ татаръ весь Западъ Европы. Онъ хотѣлъ собрать противъ нихъ крестовый походъ.

Зная, что крестовые походы противъ турокъ собирались главнымъ образомъ папами, Даніилъ обратился къ римскому престолу за содѣйствіемъ. Онъ просилъ папу Иннокентія IV-го собрать крестовый походъ противъ своихъ поработителей. Онъ просилъ этого не даромъ. Онъ обѣщалъ за это подчинить ему юго-западную русскую Церковь. Иннокентій обрадовался. Подчиненіе русской Церкви всегда было завѣтною мечтою папства. Обѣщавшись Даніилу исполнить его просьбу, папа сталъ хлопотать о скорѣйшемъ соединеніи юго-западной русской Церкви съ римскою. Онъ послалъ въ Галицію двухъ ловкихъ доминиканскихъ монаховъ. Они должны были жить при дворѣ Даніила и руководить его политикой. Онъ приказалъ архіепископу прусскому и эстонскому быть представителемъ его на Руси. Папа Иннокентій IV-й дозволилъ юго-западнымъ русскимъ епископамъ и священникамъ совершать литургію на заквашенныхъ просфорахъ и соблюдать при богослуженіи всѣ греческіе обряды. По просьбѣ Даніила, онъ запретилъ нѣмецкимъ рыцарямъ и латинскому духовенству пріобрѣтать земли въ его владѣніяхъ безъ позволенія князя. Папа посылалъ Даніилу льстивыя грамоты. Убѣждая его скорѣе объявить о соединеніи церквей, онъ величалъ его постоянно королемъ. Онъ не разъ предлагалъ ему вѣнчаться королевскимъ вѣнцомъ. Даніилъ отказывался.

— «Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ?»—говорилъ онъ папскому послу.—«Татары не перестаютъ намъ дѣлать зло. Зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи!»

Помощь, дѣйствительно, не являлась. Даніилъ сталъ присматриваться къ дѣйствіямъ папы и скоро увидѣлъ, что онъ торговать только на слова, на обѣщанія. Онъ пересталъ отвѣчать на папскія посланія и даже выгналъ латинскаго епископа, котораго папа только что прислалъ на Русь. Тотъ выѣхалъ изъ Галиціи съ большимъ неудовольствіемъ.

Сношенія Даніила съ Римомъ прекратились, но не надолго. Венгерскій король примирилъ своего свата съ папою. И папскіе послы опять зачастили на Русь. Въ 1253-мъ году папа издалъ буллу ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи. Онъ призывалъ ихъ къ крестовому походу противъ татаръ. Такую же буллу въ слѣдующемъ году онъ послалъ архіепископу, епископамъ и всѣмъ духовнымъ особамъ Пруссіи и Эстоніи.

Призывая славянъ и ливонскихъ нѣмцевъ къ крестовому походу противъ татаръ, папа Иннокентій IV въ то же время хлопоталъ о соединеніи юго-западной русской Церкви съ католическою и возведеніи Даніила въ короли. Въ 1254-мъ году, когда галицкій князь былъ въ Краковѣ, къ нему туда явились папскіе послы съ королевскимъ вѣнцомъ. Даніилъ не принялъ ихъ,—не сталъ толковать съ ними.

— «Не годится мнѣ видѣться съ вами въ чужой землѣ»,—сказалъ онъ имъ,—«послѣ!»

На слѣдующій годъ прибылъ къ Даніилу новый папскій посолъ, онъ привезъ съ собою королевскій вѣнецъ и скипетръ. Галицкій князь и теперь сталъ отказываться отъ короны. Ему нужна была не королевская корона, а помощь, дѣйствительная помощь противъ татаръ. Даніила стали уговаривать принять королевскій вѣнецъ. И родная мать и польскіе князья—Болеславъ и Зимовитъ настаивали на этомъ.

— «Прими только вѣнецъ»,—говорили ему послѣдніе,—«а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганыхъ».

Папскій посолъ увѣрилъ князя, что «папа уважаетъ греческую Церковь, проклинаетъ тѣхъ, кто осуждаетъ ея обряды, и намѣренъ скоро собрать соборъ для соединенія церквей».

Даніилъ Романовичъ уступилъ наконецъ. Въ 1255-мъ году онъ торжественно короновался въ Дрогичинѣ. Папскій посолъ возложилъ на галицкаго князя корону и помазалъ его св. міромъ.

Начались враждебныя дѣйствія съ татарами. Даніилъ сталъ ждать папской помощи. Онъ ждалъ крестоносцевъ...

Никого нѣтъ. Никто не являлся къ нему на помощь. Папская булла относительно крестоваго похода осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Время уже было не прежнее. Папы теперь не имѣли того значенія, какимъ они пользовались пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Ихъ мало слушались. Время крестовыхъ походовъ прошло. Да и тѣ, къ коимъ Иннокентій IV-й обращался съ призывомъ къ крестовому походу противъ татаръ, мало интересовались послѣдними. У нихъ своего дѣла было не мало.

Не видя никакой дѣйствительной помощи отъ папы, Даніилъ снова прекратилъ съ нимъ сношенія. Преемникъ папы Иннокентія, Александръ IV-й сначала не обращалъ вниманія на нашу Галицію. Ему было некогда;—онъ занятъ былъ борьбою съ Манфредомъ Гогенштауфеномъ, сыномъ императора Фридриха II-го. Когда же занялся галицкими дѣлами,—увидѣлъ, что дѣло уніи совсѣмъ тамъ пропало. Александръ IV-й сталъ уговаривать Да-

нiила, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе относительно соединенія юго-западной русской Церкви съ латинскою. Онъ убѣждалъ его, усовѣщивалъ. Онъ даже грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви и проклятіемъ...

Ничто не помогало. Даніилъ остался твердымъ и непреклоннымъ. Удержавши за собою королевскій титулъ, онъ окончательно и навсегда порвалъ всякія сношенія съ Римомъ. И онъ былъ правъ. Папы, вѣдь, не дали ему того, что обѣщали. Ни церковнаго собора касательно уніи они не собрали, ни помощи противъ татаръ они ему не дали. А Даніилъ подъ этимъ только условіемъ и хотѣлъ ввести въ своей землѣ церковную унію.

Такимъ образомъ надежды галицкаго короля и на папскую помощь не оправдались. Что же ему теперь было дѣлать? Отказаться отъ своей завѣтной мечты—отказаться отъ мысли избавить свою землю отъ варварскаго ига? Остаться навсегда ханскимъ рабомъ?... Это обидно, позорно. Это почти было невыносимо для благородной души Даніила...

Галицкій король рѣшился испробовать послѣднее средство противъ татаръ. Онъ началъ строиться—укрѣпляться. Онъ сталъ по юго-восточной границѣ своихъ владѣній ставить острожки. Онъ началъ строить новые города и укрѣплять старые. Даніилъ понималъ, что при борьбѣ съ татарами укрѣпленные города—прекрасная отъ нихъ защита. Онъ зналъ, что азіатскіе варвары не любятъ долго заниматься осадою укрѣпленныхъ городовъ.

Работа закипѣла въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Отовсюду стали переходить сюда переселенцы. Даніилъ принималъ къ себѣ всѣхъ—и венгровъ, и поляковъ, и нѣмцевъ, и даже жидовъ. Города его заселялись и укрѣплялись.

Эта кипучая работа галицкаго короля, это переселеніе къ нему выходцевъ изъ сосѣднихъ земель обратили, наконецъ, на себя вниманіе татаръ. Они стали догадываться о цѣли и значеніи его построекъ и хлопотъ. Они догадывались, что Даніилъ укрѣпляется противъ нихъ, что онъ хочетъ отдѣлаться отъ нихъ, и рѣшили остановить его работы и уничтожить всѣ его укрѣпленія.

Ханскій темникъ Куремса, жившій въ Приднѣпровьи, вошелъ съ войскомъ въ Понизье и подступилъ къ Бакотѣ. Послѣдняя сдалась. Ее сдалъ татарамъ какой-то Малѣй. Куремса назначилъ его тамъ баскакомъ. Узнавъ объ этомъ, Даніилъ послалъ къ Бакотѣ сына своего Льва. Тотъ прогналъ татаръ и привелъ къ отцу измѣнника Малѣя. Измѣнникъ умилостивилъ Даніила своими клятвами въ вѣрности. Король повѣрилъ ему, простилъ и отправилъ его въ Бакоту. Малѣй опять сдалъ ее татарамъ.

Куремса подступилъ къ Кременцу, но не взялъ его. Жители города отбились отъ него. Тутъ къ татарскому темнику явился сѣверскій князь Изяславъ Владиміровичъ, внукъ извѣстнаго героя «Слова о полку Игоревѣ». Онъ просилъ темника помочь ему овладѣть Галичемъ. —«Куда тебѣ!»—сказалъ ему на это Куремса. —«Какъ ты пойдешь на Галичъ? Князь Даніилъ лютъ, онъ убьетъ тебя!»

Изяславъ не послушался, пошелъ на Галичъ, взялъ его и пробылъ тамъ, что называется, безъ года недѣлю. Даніилъ послалъ на него своего сына Романа. Послѣдній съ небольшимъ отрядомъ такъ неожиданно напалъ на Изяслава, что тотъ не могъ ни убѣжать, ни защищаться. Изяславъ взобрался на верхъ соборнаго храма и просидѣлъ тамъ трое сутокъ. На четвертый день голодъ и жажда заставили его сдаться. Романъ Даніиловичъ привелъ его къ отцу.

Куремса былъ воинъ слабый, нерѣшительный, непредпріимчивый. Даніилъ это зналъ и рѣшилъ теперь самъ начать наступательныя дѣйствія противъ татаръ. Онъ заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, на дочери котораго былъ женатъ сынъ его Шварнъ. Миндовгъ обѣщалъ прислать ему помощь. Даніилъ собралъ большую рать и послалъ ее на «поганыхъ». Стоявшіе во главѣ ея сыновья его, Левъ и Шварнъ, должны были взять города, которыми непосредственно владѣли татары.

Походъ (1257) былъ очень удаченъ. Левъ и Шварнъ Даніиловичи забрали всѣ города, лежавшіе на верховьяхъ южнаго Буга и Случи... Они выгнали оттуда татаръ. Они завоевали Бологовскій край. Шварнъ овладѣлъ городами по рѣкѣ Тетереву до Жидичева. Многіе города сами просили Даніила принять ихъ подъ свою руку. Просилъ о томъ же и городъ Звягель. Но когда подошелъ къ нему тіунъ Даніиловъ,—граждане не пустили его и заперлись. Даніилъ разсердился и самъ пошелъ на него. Онъ взялъ городъ приступомъ, сжегъ его, а жителей разселилъ по другимъ городамъ.

Въ это время пришли сюда литовцы. Они опоздали. Видя городъ сожженнымъ, они, «какъ псы», начали рыскать по пожарищу. Не нашедши здѣсь никакой добычи, хищники не пошли дальше. Возвращаясь домой, они стали грабить окрестности Луцка. Даніилъ послалъ за ними небольшой отрядъ своего войска. Наши догнали ихъ и жестоко наказали. Они загнали литовцевъ въ озеро и потопили.

Въ 1259-мъ году Куремса вздумалъ наказать галицкаго князя за его явное возстаніе противъ своихъ поработителей. Онъ под-

ступилъ къ Владиміру-Волынскому, но ничего не могъ сдѣлать. Граждане прогнали его. Куремса пошелъ на Луцкъ. И тутъ неудача. Онъ поставилъ пороки и сталъ громить городъ камнями. Поднялся сильный противный вѣтеръ. Камни не долетали до города. Вѣтеръ перешелъ въ бурю и буря изломала его пороки. Тогда Куремса, опасаясь, какъ бы не напалъ тутъ на него самъ Даніилъ, поспѣшилъ уйти въ Приднѣпровскія степи. Затѣя его такимъ образомъ не удалась. Куремса пересталъ безпокоить галицкаго короля.

Но татары недолго оставляли Даніила въ покоѣ. На слѣдующій годъ (1260) на мѣсто Куремсы въ Приднѣпровье присланъ былъ другой темникъ—Бурундай. Это былъ сподвижникъ Батыя. Старый и опытный воинъ, онъ былъ очень суровъ и грубъ. Пришедши съ большимъ войскомъ на Волынь, онъ послалъ сказать галицкому князю:

— «Я иду на Литву. Если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ».

Задумался Даніилъ, услышавъ это. Сталъ совѣтоваться съ братомъ, что дѣлать, какъ тутъ быть?

— «По моему, не годится тебѣ, братъ, ѣхать»,—сказалъ Василько.—«За твою войну съ Куремсою изведутъ тебя татары. Лучше я поѣду, а ты скажись больнымъ. Я съ Куремсой не воевалъ».

Даніилъ поблагодарилъ брата и проводилъ его до Берестья. Василько на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ литовцевъ и разбилъ его. Онъ былъ золъ на нихъ за недавній разгромъ ими окрестностей Луцка. Василько привезъ Бурундаю отнятые у литовцевъ стяги и оружіе.

— «Братъ мой боленъ»,—сказалъ онъ татарскому баскаку, поклонившись ему чуть не до земли, «самъ ѣхать не можетъ, а по твоему наказу рать со мной тебѣ на подмогу прислалъ. Я вотъ уже успѣлъ литовцевъ побить, вотъ тебѣ и сайгатъ [1]) привезъ».

Бурундай былъ очень доволенъ этимъ, онъ похвалилъ Василька и не тронулъ галицко-волынской земли. Татары вмѣстѣ съ русскими разсыпались по Литвѣ и жестоко опустошили ее. Возвращаясь въ свои степи, Бурундай ласково простился съ Василькомъ и отпустилъ его домой съ миромъ.

Но на другой годъ (1261) Бурундай снова явился въ галицко-волынской землѣ. Онъ былъ теперь грознѣе прежняго. Онъ послалъ сказать братьямъ Романовичамъ:

---

[1]) Сайгатъ—военная добыча, трофеи.

— «Встрѣчайте меня, если вы въ мирѣ со мною, а кто меня не встрѣтитъ—съ тѣмъ я въ войнѣ».

Даніилъ Романовичъ опять не поѣхалъ къ нему. Вмѣсто себя онъ послалъ своего сына Льва и холмскаго епископа Ивана. Онъ уже зналъ, что татары уважаютъ духовныхъ особъ.

Василько, Левъ Даніиловичъ и владыка встрѣтили Бурундая подъ городомъ Шумскомъ. Они поднесли ему дары. Бурундай встрѣтилъ ихъ грозно. Принявъ дары, онъ началъ кричать на нашихъ князей.

— «Что, опять Даніилъ боленъ?»—напустился татаринъ на Василька и Льва.—«Вы думаете, такъ мы вамъ и повѣримъ? Знаю я всѣ ваши собачьи умыслы. Кто на насъ съ Литвою, да съ Польшей, да съ уграми (венграми) ссылался? Зазнался вашъ Даніилъ: сталъ королемъ прозываться, противъ хана идти задумалъ! Да вѣдаетъ ли онъ, что онъ такое передъ ханомъ? Червь, хуже червя. Ханъ повелитъ, такъ его конь дикій на полѣ измычетъ, татары пятами потопчутъ».

Во все время татарской брани владыка Иванъ стоялъ самъ не свой. Онъ оторопѣлъ, испугался и дрожалъ со страха. Молча, потупившись, стояли и князья наши.

Накричавшись вдоволь, Бурундай наконецъ успокоился и сказалъ Васильку и Льву:

— «Если хотите жить съ нами въ мирѣ,—размечите всѣ ваши города».

Князья совсѣмъ не ожидали этого... Что было тутъ дѣлать?.. Помощи ждать не откуда. Свои силы для борьбы съ татарами еще слабы. Станешь возражать, станешь говорить противъ—заберетъ ихъ обоихъ Бурундай и распуститъ татаръ по русской землѣ. Тогда дѣло будетъ совсѣмъ плохо... И Василько и Левъ, волею-неволею, принуждены были исполнить грозное требованіе татарскаго баскака.

По требованію Бурундая, наши князья разметали укрѣпленія Львова, Стожка, Кременца, Луцка и нѣкоторыхъ другихъ городовъ.

Бурундай съ Васильком отправился къ Владиміру Волынскому. Не доѣхавши немного до послѣдняго, онъ сказалъ Васильку:

— «Иди и размечи свой городъ».

Василько отправился въ свой стольный городъ, а владыка Иванъ—въ Холмъ.

Пріѣхавши къ Даніилу, владыка доложилъ ему о гнѣвѣ на него Буриндая и разореніи городскихъ укрѣпленій.

Галицкій король испугался и ушелъ въ Польшу, а оттуда—

въ Венгрію. Сопротивляться татарамъ онъ не могъ, а раболѣпствовать передъ ними считалъ для себя позорнымъ и невыносимымъ.

Между тѣмъ Василько, прибывши во Владиміръ, разсудилъ, что разбивать и разметывать городскія стѣны дѣло не легкое. Онѣ были толсты и обширны. Разметать ихъ скоро нельзя. Онъ приказалъ зажечь ихъ въ разныхъ мѣстахъ... И деревянныя городскія стѣны запылали. Всю ночь онѣ горѣли. На утро прибылъ къ городу и самъ Бурундай. Увидѣвъ, что городскія стѣны догораютъ, онъ похвалилъ Василько и поѣхалъ къ нему на обѣдъ. Василько угощалъ его на своемъ княжемъ дворѣ. На ночь Бурундай уѣхалъ изъ города. Утромъ явился къ Васильку посолъ съ новыми требованіями.

— «Бурундай приказалъ мнѣ»,—сказалъ посланный Васильку,—«раскопать твой городъ».

— «Дѣлай, что приказано тебѣ дѣлать»,—отвѣчалъ Василько.

Татары раскопали владимірскіе валы и засыпали рвы.

— «Ну, теперь пойдемъ къ Холму»,—сказалъ Бурундай Васильку;—«тамъ ваше главное гнѣздо. Собери своихъ бояръ и слугъ и пойдемъ туда».

Дѣлать было нечего. Василько съ Бурундаемъ пошелъ къ Холму.

Холмъ былъ хорошо укрѣпленъ, стѣны его были высоки, крѣпки и вооружены пороками и самострѣлами. На стѣнахъ стояли ратные люди. Воеводами тамъ въ ту пору были вѣрные и надежные бояре—Константинъ и Лука Ивановичъ.

Бурундай, прибывши къ Холму, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ увидѣлъ, что взять городъ невозможно. Съ нимъ была не особенно большая татарская рать.

— «Это городъ твоего брата»,—сказалъ Бурундай Васильку,—«ступай скажи жителямъ его, чтобы сдались».

Вмѣстѣ съ Василькомъ отправились три татарина и переводчикъ. Они должны были слушать, что будетъ говорить князь съ холмовцами. Бурундай не вѣрилъ нашему князю.

Подойдя къ городскимъ стѣнамъ, Василько набралъ камней въ руку. Увидѣвъ на стѣнѣ Константина и Луку Ивановича, онъ спросилъ ихъ:

— «Что это вы вздумали городъ запереть, когда я съ баскакомъ нашего государя, великаго хана пріѣхалъ?»

— «Въ городѣ нѣтъ короля»,—отвѣчали ему со стѣны,—«такъ и затворили его и безъ королевскаго приказа отворить его никакъ не можемъ».

Василько какъ будто разсердился и, бросивъ одинъ за другимъ три камня на землю, закричалъ:

— «Эй ты, холопъ Константинъ, и ты, другой холопъ Лука Иванычъ, это городъ брата моего и мой, сдавайтесь!»

Стоявшіе на стѣнѣ поняли значеніе бросанія камней Васильком. Они поняли, что этимъ онъ совѣтуетъ имъ не сдаваться, а защищаться камнеметательными орудіями.

— «Ступай прочь», — отвѣтилъ Василько бояринъ Константинъ:—«ступай, если не хочешь, чтобы тебя хватили камнемъ въ лицо; ты уже теперь не братъ своему брату, а врагъ его».

Татары передали Бурундаю, что слышали подъ холмскими стѣнами. Бурундай остался очень доволенъ Василькомъ и похвалилъ его за вѣрность.

Отъ Холма Бурундай пошелъ въ Польшу. Онъ взялъ съ собою туда и Василька съ русскою ратью. Нашему князю ужасно не хотѣлось идти въ Польшу. Тогдашній польскій князь Болеславъ Стыдливый былъ всегдашнимъ союзникомъ нашихъ Романовичей. Татары перешли Вислу и подступили къ Судомиру (Сендомиръ). Они окружили его телѣгами, валами, тыномъ и поставили пороки. Варвары день и ночь безостановочно бросали въ городъ камни и стрѣлы. Судомирцамъ нельзя было даже показаться на забралахъ. На четвертый день татары приставили къ стѣнамъ лѣстницы и ворвались въ городъ. Началась обычная татарская рѣзня. Варвары никому не давали пощады. Они убивали и старыхъ, и малыхъ, и женщинъ, и дѣтей. Они убивали всѣхъ подъ рядъ. Нѣкоторые прятались въ храмахъ съ деревянными крышами. Татары ихъ поджигали. Несчастные всѣ погибли въ пламени. Пожаръ распространился по всему городу. Прятаться было негдѣ. Судомирцы стали сдаваться. Варвары выводили ихъ за городъ и тамъ всѣхъ убивали.

Перебивши всѣхъ судомирцевъ и опустошивши городскія окрестности, Бурундай воротился въ приднѣпровскія степи. Проходя чрезъ волынско-галицкую землю, онъ на этотъ разъ ничего въ ней не тронулъ. Онъ былъ очень доволенъ поведеніемъ Василька Романовича и уничтоженіемъ городскихъ стѣнъ.

Такимъ образомъ Даніилъ Романовичъ и тутъ потерпѣлъ неудачу. Въ постройкѣ новыхъ городовъ и укрѣпленіи старыхъ онъ нашелъ надежное средство для борьбы съ татарами, но онъ рано началъ ее. Своихъ силъ было мало, а помощь, вопреки его ожиданію, ни откуда къ нему не явилась. И галицко-волынскіе князья, по требованію татаръ, сами же—своими же руками разметали стѣны многихъ своихъ городовъ и уничтожили укрѣпленія.

Потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ съ татарами, Даніилъ пріобрѣлъ за то большое значеніе въ Литвѣ и особенно въ землѣ ятвяговъ.

Литва въ ту пору значительно усилилась. Она расширялась на счетъ русскихъ владѣній. Одинъ изъ ея князей, Миндовгъ, былъ сильнѣйшимъ государемъ тогдашней восточной Европы. Жестокій, алчный, вѣроломный, онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Желая одинъ владѣть всѣми литовскими землями, Миндовгъ рѣшилъ погубить всѣхъ своихъ родственниковъ.Ославъ племянниковъ своихъ Тевтивилла и Эдивида и дядю ихъ Викинта [1]) противъ непріятелей, онъ приказалъ покончить съ ними на дорогѣ. Тѣ во время узнали объ этомъ и убѣжали за помощью къ Даніилу Романовичу. Послѣдній, женатый на сестрѣ Тевтивилла и Эдивида, принялъ сторону бѣглецовъ. Онъ заключилъ союзъ съ рижскими нѣмцами и пошелъ на Миндовга. Союзники стѣснили литовскаго князя. Не имѣя возможности бороться одновременно съ русскими и нѣмцами, Миндовгъ рѣшился разъединить ихъ. Онъ притворно крестился и принялъ латинство. Папа обрадовался и короновалъ его. Но литовскій король скоро понялъ, что отъ папы нечего ждать ему добра. Увидѣвъ, что ливонскіе нѣмцы начинаютъ стремиться къ порабощенію литовцевъ, Миндовгъ прервалъ съ ними всякія сношенія и обратился къ Даніилу. Онъ увидѣлъ, что лучше съ галицкимъ королемъ быть въ союзѣ, чѣмъ съ нѣмцами. Онъ рѣшилъ лучше что нибудь уступить Даніилу, чѣмъ подчиняться папству и нѣмцамъ.

Посредникомъ при заключеніи договора между Миндовгомъ и Даніиломъ былъ сынъ перваго, знаменитый Войшелкъ. Этотъ князь былъ сначала звѣрь-звѣремъ. Жестокій и кровожадный, онъ считалъ себя несчастнымъ въ тотъ день, когда ему не приходилось кого-нибудь убить. Потомъ Войшелкъ вдругъ перемѣнился. Онъ крестился, принялъ православіе и ушелъ въ монастырь.

Этотъ-то Войшелкъ не только примирилъ отца своего съ Даніиломъ, но и породнилъ ихъ. Сынъ послѣдняго, Шварнъ, женился на дочери Миндовга. Для скрѣпленія дружбы и союза, Миндовгъ даже отдалъ сыну Даніила, Роману, Новогродокъ, Слонимъ и Волковыйскъ.

Послѣ убійства Миндовга (1262), Войшелкъ сбросилъ съ себя монашескую одежду и сталъ мстить за смерть своего отца. Занявши литовскій столъ при помощи Шварна и Василька, онъ призналъ себя подручникомъ волынскаго князя.

[1]) Тевтивиллъ былъ тогда княземъ полоцкимъ, Эдивидъ—смоленскимъ, а Викинтъ—витебскимъ.

Еще удачнѣе были дѣла галицкаго короля въ землѣ ятвяговъ, принадлежавшихъ къ литовскому племени.

Ятвяги жили въ нынѣшней гродненской губерніи. Они жили среди болотъ и лѣсовъ дремучихъ. Грубые, дикіе и воинственные, они были настоящими разбойниками. Нападая на пограничныя русскія и польскія владѣнія, они сами подвергались нападенію враговъ только по зимамъ. Лѣтомъ изъ-за тамошнихъ болотъ нельзя было проникнуть вглубь ихъ владѣній.

Романъ Мстиславичъ, отецъ Даніила и Василька, не разъ дѣлалъ походы на ятвяговъ, но не могъ ихъ подчинить себѣ и даже смирить. Онъ заставлялъ плѣнныхъ ятвяговъ расчищать для пашни землю отъ корней, но большого толку отъ этого не было. Ятвяги продолжали дѣлать нападенія на галицко-волынскія земли.

Но чего не сдѣлалъ жестокій Романъ, того достигъ добродушный сынъ его, Даніилъ. Онъ подчинилъ себѣ дикихъ ятвяговъ и заставилъ ихъ платить себѣ дань. Въ 1251—мъ году, оба Романовичи, поляки и нанятые половцы выступили на ятвяговъ. Союзники рѣшили пробраться внутрь ятвяжской земли. Они рѣшили не жечь безъ нужды непріятельскихъ деревень. Но поляки не исполнили этого уговора. Лишь только союзники вошли въ непріятельскую землю, какъ они подожгли ятвяжское селеніе. Даніилъ разсердился. Пожаръ далъ знать варварамъ о вторженіи непріятелей въ ихъ землю.

— «Что это ты надѣлалъ, братъ?»—сказалъ Даніилъ польскому князю Семовиту;—«вѣдь теперь всѣ ятвяги узнаютъ о нашемъ походѣ, всѣ соберутся. А ужъ тебѣ извѣстно, каково воевать съ ними. Вездѣ лѣса и болота. Каково оттуда выбивать ятвяговъ?»

Дѣйствительно, ятвяги, увидѣвъ пожаръ, поняли, въ чемъ дѣло. Они тотчасъ же собрались и приготовились къ встрѣчѣ врага. Узнавъ о гнѣвѣ Даніила на поляковъ, они послали сказать ему:

— «Оставь намъ поляковъ, а самъ ступай домой съ миромъ».

Даніилъ не согласился на это.

Дѣло было къ вечеру. Русскіе на ночь расположились въ неукрѣпленномъ станѣ, а поляки стали укрѣпляться. Они огородились тыномъ, телѣгами и срубленными деревьями. Они чуяли опасность. И не ошиблись. Ночью на поляковъ, дѣйствительно, напали ятвяги. Они бросали въ ихъ станъ стрѣлы, камни и горящія головни. Поляки отбивались. Враги все наступали и наступали. Семовитъ послалъ къ Даніилу за помощью. Тотъ, хотя

и сердитъ былъ еще на него, однако исполнилъ его просьбу. Русскіе стрѣльцы отбили ятвяговъ отъ польскаго стана.

Союзники пошли дальше. Впереди шелъ Даніилъ съ своею дружиною. За нимъ, въ значительномъ отъ него разстояніи, двигались Василько и Семовитъ съ своими войсками. Позади всѣхъ шли половцы. Ятвяги, наблюдая за движеніемъ непріятелей черезъ своихъ лазутчиковъ, напали на половцевъ и потѣснили ихъ. Послѣдніе догнали Василька и Семовита. Союзники остановились. Начались схватки. Не надѣясь на побѣду, Василько послалъ за помощью къ Даніилу. Тотъ пришелъ и заставилъ ятвяговъ отступить опять.

Союзники перешли за р. Наревъ. Они вступили въ середину ятвяжской земли. Сожигая и уничтожая все на своемъ пути, они толпами забирали плѣнныхъ. Освободивши изъ неволи множество своихъ земляковъ, союзники съ большою добычею повернули назадъ и пошли домой. Тутъ они между р.р. Олегомъ и Лыкомъ запутались, заблудились и не знали, какъ выйти на настоящую дорогу. Къ счастью, развѣдчикамъ попались три прусса. Двоихъ они убили, а третьяго привели къ Даніилу.

— «Выведи меня на правый путь»,—сказалъ ему галицкій король,—«и получишь пощаду».

Плѣнникъ исполнилъ это требованіе. Онъ вывелъ союзниковъ на настоящую дорогу.

Между тѣмъ къ ятвягамъ пристали пруссы и вмѣстѣ съ ними пошли догонять союзниковъ, возвращавшихся домой. Они настигли ихъ расположившимися на одномъ станѣ. Союзники не стали дожидаться нападенія враговъ и сами вышли изъ стана. Они пошли навстрѣчу варварамъ стройными рядами. Блестящіе шлемы, щиты и длинныя копья соперниковъ произвели сильное впечатлѣніе на пруссовъ. Они смутились и сказали ятвягамъ:

— «Можете-ли дерева поддержать своими сулицами [1]) и дерзнуть на эту рать»?

Ятвяги отступили. Даніилъ возвратился въ свою землю съ большою добычею и множествомъ христіанъ, освобожденныхъ имъ изъ ятвяжскаго плѣна.

Спустя три года (1255), Даніилъ снова пошелъ на ятвяговъ На этотъ разъ Василька съ нимъ не было. Онъ хворалъ и остался дома. Съ Даніиломъ были—сынъ его Левъ и Семовитъ съ своею ратью. Русскіе захватили большое селеніе ятвяжскаго князя Стекинда. Послѣдній ушелъ въ лѣсъ и укрѣпился въ немъ.

---

[1]) Сулица—короткое метательное копье.

Левъ Даніиловичъ пошелъ отыскивать ятвяжскаго князя. Съ нимъ была небольшая конная рать. Стекиндъ вышелъ изъ лѣса и обратилъ въ бѣгство русскихъ всадниковъ. Тогда Левъ сошелъ съ коня и одинъ вступилъ въ битву. Видя это, нѣкоторые всадники устыдились и воротились на помощь своему князю. Левъ напалъ на самого Стекинда и убилъ его. Ранивъ и брата его, Левъ Даніиловичъ принесъ оружіе ихъ къ отцу своему. Даніилъ былъ очень радъ. Побѣжденные ятвяги заключили съ нимъ миръ. Они обѣщали платить ему дань.

Но обѣщаніе варваровъ и осталось пока только обѣщаніемъ. Въ слѣдующемъ 1256-мъ году опять предпринятъ былъ походъ на ятвяговъ. На этотъ разъ съ Даніиломъ были три сына его Левъ, Романъ и Шварнъ, братъ Василько и нѣкоторые подручные князья съ своими дружинами. Польскій князь Семовитъ, какъ и прежде, не отсталъ отъ нашихъ князей.

Союзники вошли въ ятвяжскую землю и составили военный совѣтъ.

— «Ты король»,—сказали князья и бояре Даніилу Романовичу,—«голова всѣмъ полкамъ: если кого-нибудь изъ насъ пошлешь напереди, то другіе не будутъ слушаться; а ты ратный чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя побоятся и постыдятся: ступай самъ напереди».

Даніилъ согласился, устроилъ полки и поѣхалъ напереди. Съ нимъ была небольшая дружина. Впереди его и по обѣимъ сторонамъ дороги шли стрѣльцы. Къ Даніилу присоединились и дѣти его—Левъ и Романъ. Извѣстный Андрей Дворскій ѣхалъ съ своимъ полкомъ немного позади Даніила. Въ хвостѣ ополченія были Василько и Семовитъ.

Дорогою Даніилъ узналъ, что главныя силы ятвяговъ, собравшись у селенія Привищи, хотятъ тутъ сразиться съ союзниками. Онъ послалъ сказать Дворскому: «Какъ скоро увидишь, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами, распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать, какъ можно, скорѣе».

Посланный молодой отрокъ, не понявши короля, передалъ приказъ его Дворскому въ обратномъ смыслѣ. Эта ошибка чуть было не погубила Даніила. Когда онъ подошелъ къ Привищамъ, ятвяги стали осыпать русскихъ сулипами. Наши бросились на нихъ и вогнали ихъ въ селеніе.

— «Бѣги, бѣги!»—закричали русскіе,—«бѣги!» Ятвяги испугались и побѣжали. Наши за ними. Но, добѣжавъ до середины селенія, ятвяги вдругъ остановились. Замѣтивъ, что русскихъ немного, они опять вступили съ ними въ битву. Не видя около

себя Дворскаго съ тяжеловооруженною конницею, Даніилъ и Левъ напрягли всѣ свои силы и съ отчаянностью бросились на враговъ. Тѣ не выдержали и вновь побѣжали. Наши погнались за ними, поражая ихъ въ тылъ. Поднялся отчаянный крикъ. Произошла давка. Наши били ихъ безъ пощады и всѣхъ выгнали изъ селенія въ другія ворота.

Когда уже совсѣмъ была одержана побѣда,—подошелъ и Андрей Дворскій съ своею тяжеловооруженною конницею. Даніилъ набросился было на него, но узнавъ, что тутъ во всемъ виноватъ отрокъ, невѣрно передавшій ему королевское приказаніе, пробралъ послѣдняго. Вскорѣ подошли Василько и Семовитъ со своими ратями. Союзники остановились въ Привищахъ и переночевали здѣсь. На другой день, ограбивши это селеніе, они сожгли его до-тла и пошли дальше.

Союзники истребляли все, попадавшееся имъ на пути. Они жгли селенія и все, чего не могли захватить съ собой. Всѣхъ, попадавшихся имъ на пути, они забирали въ плѣнъ.

Ятвяги, наконецъ, убѣдились, что имъ не подъ силу бороться съ русскими. Они стали просить мира. Одинъ за другимъ стали являться къ Даніилу ятвяжскіе князья и старѣйшины съ просьбою о пощадѣ. Они предлагали ему заложниковъ и просили не убивать плѣнныхъ. Они обѣщались платить ему дань и быть всегда вѣрными. Даніилъ потребовалъ, чтобы они въ своей землѣ строили ему города. Чтобы лучше держать страну ихъ въ покорности и повиновеніи, онъ хотѣлъ занять эти города своими гарнизонами. Ятвяжскіе кньзья и на это согласились.

Даніилъ возвратился домой съ большою добычей и славой. Въ 1257-мъ году, онъ послалъ къ ятвягамъ за данью. Посланный бояринъ возвратился къ нему съ черными куницами, бѣлками и серебромъ. Часть этой дани Даніилъ отослалъ полякамъ, своимъ союзникамъ. Пусть поляки знаютъ, что ятвяги покорены галицкимъ королемъ и платятъ ему дань.

Но всѣ эти успѣхи мало радовали Даніила Романовича. Вотъ еслибы сбылась мечта его относительно татаръ,—это было-бы другое дѣло. Тогда было бы чему радоваться. А то что же? Владѣешь юго-западною Русью, пользуешься уваженіемъ европейскихъ сосѣдей, имѣешь вліяніе на Литву, подчинилъ себѣ ятвяговъ—и все-таки ты данникъ дикаго азіата, рабъ татарскаго хана, и все-таки твоя земля—не свободная земля! Это угнетало Даніила. Онъ пробовалъ избавить свою землю отъ татарской зависимости. Онъ предпринималъ разныя мѣры для этого—и всѣ онѣ, какъ мы уже знаемъ, кончались ничѣмъ.

*

Возвратившись домой послѣ удаленія Бурундая изъ галицко-волынской земли, Даніилъ понялъ, что мечты его относительно сверженія татарскаго ига остались и останутся мечтами. Что онъ ни дѣлалъ для этого,—все кончилось ничѣмъ. Даніилъ разъ только былъ въ ордѣ (1250). Послѣ онъ уже не ѣздилъ туда. Его не звали къ хану. Онъ не кланялся татарамъ. Но за то послѣ Бурундая онъ уже ничего не предпринималъ противъ нихъ. Да и лѣта его уже были не молодыя. Наступившая старость и постоянные труды и безпокойство давали ему себя чувствовать. Даніилъ сталъ слабѣть, сталъ часто прихварывать. Въ 1264-мъ году его не стало. Онъ умеръ въ Холмѣ 64 лѣтъ. Даніила похоронили въ тамошней церкви Пресвятой Богородицы, имъ самимъ построенной.

Даніилъ Романовичъ былъ одинъ изъ выдающихся князей юго-западной Руси. Послѣ Владиміра Мономаха, врядъ ли кто изъ князей былъ благороднѣе, трудолюбивѣе и даровитѣе его. И по характеру своему и по политическимъ взглядамъ, онъ превосходилъ ихъ. Невзгоды и несчастія дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ не испортили его, не ожесточили. Даніилъ былъ мягокъ и добродушенъ. Онъ всегда почти снисходительно относился къ своимъ врагамъ, къ побѣжденнымъ и плѣннымъ. Онъ очень рѣдко бывалъ жестокимъ. Въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, онъ былъ разборчивъ. Въ отношеніяхъ къ своему брату Даніилъ отличался рѣдкою сердечностью. Онъ съ Василькомъ жилъ душа въ душу. Безъ совѣта съ нимъ онъ ничего важнаго не предпринималъ. И Василько платилъ ему тѣмъ же. Всегдашняя, безкорыстная дружба братьевъ Романовичей была рѣдкимъ явленіемъ въ жизни тогдашнихъ нашихъ князей.

Даніилъ постоянно велъ сношенія съ своими сосѣдями. Съ поляками онъ всегда почти былъ въ дружбѣ. Съ венграми онъ породнился. Онъ принималъ участіе въ дѣлахъ Средней Европы. Онъ былъ знакомъ съ германскимъ императоромъ и велъ извѣстныя сношенія съ римскимъ папою. Юго-западная Русь при немъ пріобрѣла большое значеніе среди своихъ западныхъ сосѣдей. Къ голосу ея они прислушивались. Въ своихъ сношенія съ европейскими государями Даніилъ былъ откровененъ и простъ. Онъ избѣгалъ хитрости и двоедушія. Самъ довѣрчивый и откровенный, онъ и въ сосѣднихъ государяхъ надѣялся видѣть такихъ же безхитростныхъ владѣтелей. И обманулся. Всѣ обѣщались помочь ему противъ татаръ. Но, когда онъ началъ открытую борьбу съ послѣдними,—никто не помогъ ему.

Даніилъ сдѣлалъ для своей земли столько, сколько можетъ сдѣлать только трудолюбивый и талантливый государь. Онъ скоро залѣчилъ раны, нанесенныя Юго-западной Руси Батыевымъ разгромомъ. Онъ строилъ города и укрѣплялъ ихъ. Онъ населялъ ихъ выходцами изъ разныхъ странъ. Земледѣліе, торговля и промышленность скоро опять стали процвѣтать въ его владѣніяхъ. Онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на Литву и подчинилъ себѣ ятвяговъ.

Галицкій король всю почти Юго-западную Русь подчинилъ своей власти. Онъ сдѣлалъ ее сильною, крѣпкою. Но прочныхъ устоевъ, прочныхъ задатковъ для дальнѣйшаго ея укрѣпленія и процвѣтанія онъ не положилъ. Разноплеменность ея населенія и политика его по отношенію къ татарамъ были не послѣднею тутъ виною. Считая позоромъ ухаживать за татарами, Даніилъ не искалъ въ нихъ поддержки для большаго укрѣпленія своей власти. Въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на Александра Невскаго и московскихъ князей. Тѣ кланялись татарамъ, ухаживали за ними—и варвары поддерживали ихъ. При помощи татаръ, князья усиливали свою власть и становились настоящими государями. А тутъ—на юго-западѣ Руси, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ было не то. Даніилъ даже не избавилъ ее отъ обязанности посылать варварамъ свое вспомогательное войско. И что же вышло?... Пока живъ былъ галицкій король—Юго-западная Русь была сильна и крѣпка. Умеръ Даніилъ—и она стала слабѣть, а потомъ и распадаться. Дѣти, внуки и правнуки Даніила Романовича уступали ему въ своихъ дарованіяхъ.

Преемники братьевъ Романовичей, князей галицкихъ.

Послѣ Даніила Романовича остались три сына — Левъ, Шварнъ и Мстиславъ. Какъ преемники его, они стали владѣть всѣмъ отцовскимъ княжествомъ. Галицкіе бояре не возражали противъ этого. Они теперь не крамольничали, какъ когда-то при ихъ отцѣ.

Левъ Даніиловичъ былъ храбръ, воинственъ, заносчивъ, гордъ и жаденъ. Онъ никогда не былъ доволенъ своимъ удѣломъ. Ему все казалось, что у другихъ князей больше, чѣмъ у него. Онъ старался расширить свои владѣнія то на счетъ Литвы, то Польши. Шварнъ и Мстиславъ Даниловичи были, напротивъ, просты и добродушны,—«мягкосерды». Эти князья были уважаемы и любимы всѣми—и своими и чужими.

Стараясь жить между собой въ согласіи, всѣ трое Данило-

вичей относились съ почтеніемъ и уваженіемъ къ дядѣ своему Василько Романовичу, князю волынскому. Послѣдній—былъ въ ту пору старшій въ родѣ Романа Мстиславича. Живя всегда дружно съ покойнымъ братомъ своимъ Даніиломъ, Василько и съ дѣтьми его былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Онъ всегда и во всемъ помогалъ имъ. Единеніе галицко-волынской Руси пока поддерживалось. Племянники слушались дяди, хотя иногда, по молодости своей, и не исполняли его совѣтовъ.

Вскорѣ послѣ смерти Даніила Романовича, на владѣнія Шварна напали поляки. Войска Болеслава краковскаго, пограбивъ ихъ, съ большей добычей пошли назадъ. Василько послалъ за нимъ въ погоню Шварна и сына своего Владиміра.

— «Не спѣшите вступать съ поляками въ битву»,—совѣтовалъ онъ имъ,—«но когда, воротясь въ свою землю, они раздѣлятся на части, тогда нападайте».

Шварнъ съ своимъ войскомъ шелъ впереди волынцевъ и своею горячностью испортилъ все дѣло. Едва поляки перешли границу, какъ онъ напалъ на нихъ. Забывъ совѣтъ своего дяди и не дождавшись волынцевъ, Шварнъ съ передовою дружиною ударилъ на поляковъ. Тѣ остановились. Произошла стычка. Поляки, превосходивъ численностію галичанъ, разбили ихъ наголову. Подошедшій съ волынцами Владиміръ Васильковичъ уже не могъ поправить проиграннаго дѣла.

Литва въ ту пору готовилась соединиться съ Русью подъ властью одного изъ сыновей Даниловыхъ.—Войшелкъ, насытившись местью за смерть отца своего Миндовга, сталъ опять думать о монастырѣ. Разъ пріѣхалъ къ нему въ гости Шварнъ Даниловичъ. Стали пировать и толковать.

— «Душевный ты человѣкъ»,—началъ говоритъ Войшелкъ своему зятю,—«хорошій. Знаешь, что я тебѣ скажу? Тяжело мнѣ народомъ править. Я, вѣдь, инокъ. А тутъ суди: одного покарай, другого смерти предай. Безъ этого нельзя... А когда о спасеніи души подумать? Вотъ и положилъ я въ сердцѣ своемъ отдать свой великокняжескій столъ сыну своему Шварну, а самому опять уйти въ тихую обитель».

— «Станемъ княжить вмѣстѣ»,—сказалъ на это Шварнъ.

Шварнъ боялся, какъ бы въ Литвѣ не произошло изъ-за этого безпорядковъ. Онъ опасался, какъ бы литовцы не произвели волненій въ пользу своихъ природныхъ князей.

— «Зачѣмъ вмѣстѣ?» — сказалъ Войшелкъ: «одинъ княжи! Много согрѣшилъ я предъ Богомъ и людьми: надо каяться. А ты княжи: земля тебѣ безопасна».

Войшелкъ такъ и сдѣлалъ. Онъ отдалъ свой литовскій великокняжескій столъ Шварну, а самъ поселился въ Угровскомъ-Даниловѣ монастырѣ.

Литовцы не возражали противъ этого. И Войшелкъ былъ доволенъ своимъ житьемъ.

— «Вотъ здѣсь»,—говаривалъ онъ,—«подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько [1]). Буду ими утѣшаться».

Но утѣшаться ему недолго пришлось, Шварнъ расхворался и скоро умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей.

Левъ Даниловичъ началъ дѣйствовать. Узнавъ о смерти Шварна, онъ захватилъ удѣлъ его и, какъ братъ покойнаго, предъявилъ свои права на Литву. Но это дѣло ему не удалось. Литовцы призвали къ себѣ въ князья Войшелка. Тотъ, оставивъ монастырь, снова сталъ великимъ княземъ литовскимъ.

Между Львомъ и Войшелкомъ началась вражда, начались непріязненныя дѣйствія. Василько Романовичъ вздумалъ ихъ примирить. — Онъ позвалъ ихъ обоихъ къ себѣ во Владимиръ-Волынскій. Тѣ пріѣхали и, при посредствѣ Василька, помирились и поцѣловались. На бѣду—позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ одинъ нѣмецъ, Маркольдъ. Отказаться было неудобно. Этотъ нѣмецъ былъ большимъ совѣтникомъ еще у покойнаго Даніила Романовича. Всѣ были веселы за обѣдомъ: много пили. Василько послѣ обѣда поѣхалъ домой, а Войшелкъ—въ Михайловскій монастырь, гдѣ онъ остановился. Литовскій князь легъ спать. Но не успѣлъ онъ еще заснуть, какъ къ нему явился полупьяный Левъ Даниловичъ.

— «Кумъ [2])!»—сказалъ онъ литовскому князю, — «попьемъ-ка еще!»

— «Что-же?»—отозвался Войшелкъ,—«можно».

Князья сѣли въ кельѣ за столъ и принялись за крѣпкій медъ.

Началась попойка.

— «Теперь мы съ тобой друзья»,—говоритъ Войшелкъ,—«какъ есть братья».

— «Да, какъ есть братья»,—подтвердилъ Левъ Даниловичъ.

— «Поцѣлуемся».

Поцѣловались.

Однако новые друзья — братья скоро начали возвышать голоса. Они стали говорить другъ другу колкости... Крикъ усили-

[1]) Войшелкъ Василька Романовича звалъ отцомъ, а Шварна сыномъ.

[2]) Войшелкъ былъ крестнымъ отцомъ Юрія, сына Льва Даниловича.

вался. Поднялась ссора. Началась драка. Пьяный Войшелкъ пустилъ въ Льва Даниловича стопу съ медомъ. Тотъ не выдержалъ. Весь задрожавъ, онъ поднялся, схватилъ ножъ и... Войшелкъ, какъ снопъ, повалился на землю.

Увидавъ на полу литовскаго князя, Левъ сразу отрезвился. Но помочь несчастью уже было нельзя: Войшелкъ уже былъ бездыханенъ. Да Левъ, впрочемъ, и не тужилъ о своемъ злодѣяніи. Онъ не сожалѣлъ даже о томъ, что убійствомъ Войшелка во владѣніяхъ Василька оскорбилъ своего родного дядю. Левъ былъ не изъ таковскихъ. Онъ опять началъ хлопотать о пріобрѣтеніи великокняжескаго литовскаго стола—и опять потерпѣлъ неудачу. Литовцы выбрали себѣ княземъ своего же литвина Тройдена.

Мирное соединеніе Литвы съ Русью, начавшееся такъ удачно, порвано было такимъ образомъ въ самомъ началѣ.

Въ 1271-мъ году умеръ Василько Романовичъ. Волынское княжество перешло къ сыну его Владиміру и отчасти къ Мстиславу Даниловичу. Послѣднему Василько оставилъ луцкую область.

Владиміръ Васильковичъ былъ рѣдкій по тому времени князь. Высокій, плечистый, красивый, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, онъ удивлялъ многихъ своимъ пріятнымъ басомъ. Владиміръ велъ очень воздержную жизнь. Онъ никогда не пилъ горячительныхъ напитковъ.

Владиміръ Васильковичъ былъ, по тогдашнему, очень образованъ. Онъ любилъ читать книги и собирать ихъ. Его называли «великимъ книжникомъ и философомъ». Владиміръ любилъ бесѣдовать о религіозныхъ вопросахъ съ архіереями, игуменами и другими духовными особами. Онъ самъ иногда занимался списываніемъ церковныхъ книгъ.

Владиміръ былъ умный и дѣятельный правитель своей земли. Онъ усердно трудился надъ постройкою и украшеніемъ своихъ городовъ. Онъ не щадилъ трудовъ и издержекъ на это [1]).

---

[1]) Не безынтересно построеніе имъ города Каменца. Желая защитить сѣверную границу своихъ владѣній отъ Литвы, Владиміръ Васильковичъ началъ думать, гдѣ бы ему за Брестомъ построить крѣпкій городъ. Раздумывая объ этомъ, онъ взялъ книги пророчествъ и развернулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: «Духъ Господенъ на мнѣ, его же ради помаза мя..... и созижютъ пустыни вѣчная, запустѣвшая прежде, воздвигнути городы пусты, запустѣвшая отъ рода». Прочитавъ это мѣсто, князь вспомнилъ, что мѣста на р. Лоснѣ когда-то населенныя, послѣ Романа Мстиславича остались запустѣлыми. Онъ послалъ туда строителя Алексу отыскать удобное мѣсто для постройки города. Этотъ Алекса былъ опытный строитель городовъ. При отцѣ его, онъ не мало построилъ бревенчатыхъ городскихъ стѣнъ. Алекса нашелъ такое мѣсто на берегу Лосны. Оно было покрыто дремучимъ лѣсомъ. Владиміръ, осмотрѣвъ его самъ, велѣлъ расчистить мѣсто и построить городъ. По причинѣ каменистой почвы, онъ назвалъ его Каменцомъ. Князь въ новомъ городѣ по-

Владиміръ Васильевичъ былъ очень благочестивъ. Какъ набожный человѣкъ, онъ любилъ строить храмы и украшать ихъ. Онъ строилъ ихъ въ Каменцѣ, Любомлѣ, Брестѣ и особенно въ стольномъ Владимірѣ. Волынскій князь не щадилъ средствъ на украшеніе ихъ. Онъ снабжалъ храмы золотыми и серебряными сосудами и иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ. Онъ дарилъ имъ богослужебныя книги, переписанныя своею рукою. Владиміръ дѣлалъ вклады не только въ свои волынскіе храмы, но иногда снабжалъ ими монастыри и храмы и другихъ княжествъ. Въ черниговскій Спасскій соборъ онъ подарилъ драгоцѣнное еван-

Церкви Успенія Пресвятой Богородицы и св. Василія въ селѣ Зимномъ, владиміро-волынскаго уѣзда, и остатки терема, по преданію, принадлежавшаго св. Владиміру.

геліе. Писанное золотомъ, оно оковано было серебромъ и украшено жемчугомъ. На верхней сторонѣ оклада посрединѣ находилось финифтяное изображеніе Спасителя. Въ Перемышльскій архіерейскій храмъ князь подарилъ евангеліе, самимъ имъ списанное. Оно тоже обложено было серебромъ и украшено жемчугомъ.

Но набожность Владиміра Васильковича и любовь его къ книгамъ не мѣшали ему быть храбрымъ и страстнымъ охотникомъ. Онъ былъ неустрашимъ. Встрѣчаясь на охотѣ съ медвѣдемъ или вепремъ, онъ, не дожидаясь своихъ слугъ, бросался на звѣря и убивалъ его. На войнѣ онъ былъ всегда впереди. До

строилъ соборную церковь въ честь Благовѣщенія и большую каменную сторожевую башню. Она была круглая и имѣла 17-ть сажень высоты и 16-ть сажень въ окружности. Она имѣла зубчатый верхъ, узкія окна и внизу погреба со сводами.

самой своей неизлѣчимой болѣзни, князь самъ всегда водилъ въ бой свои полки.

Добродушнаго, умнаго и симпатичнаго Владиміра Васильковича всѣ любили и уважали. Онъ никому не дѣлалъ зла. Съ своими двоюродными братьями Даниловичами и племянникомъ Юріемъ онъ старался жить въ согласіи и дружбѣ. Онъ и словомъ и дѣ-

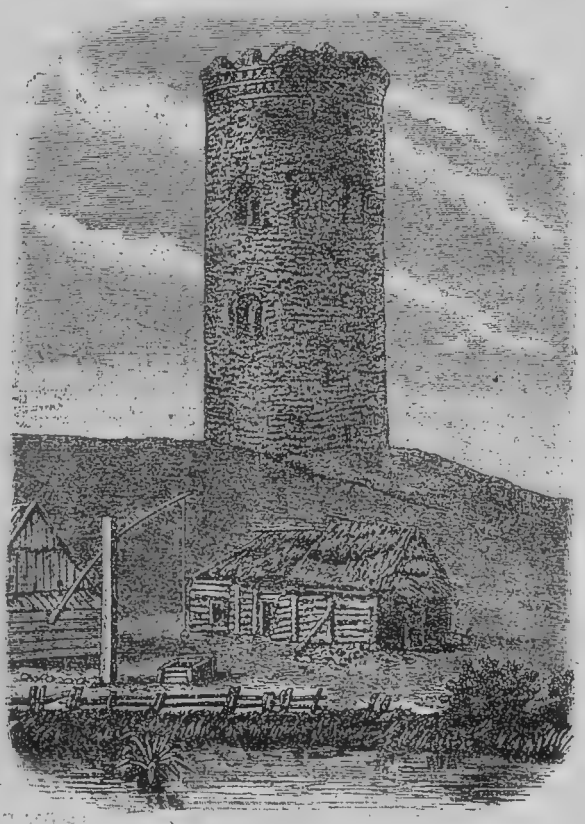
«Обыденная» церковь св. Василія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

ломъ помогалъ имъ во всемъ. И двоюродные братья всегда были почти расположены къ нему. Мстиславъ Даниловичъ особенно былъ преданъ Владиміру волынскому.

Живя между собой въ согласіи и заботясь о благосостояніи своей земли, галицко-волынскіе князья больше всего занимались внѣшними дѣлами. Они больше всего обращали вниманіе на Литву и Польшу. Эти усиливавшіяся сосѣднія государства нерѣдко безпокоили ихъ своими нападеніями. Да и Левъ Даниловичъ, большой охотникъ до земельныхъ пріобрѣтеній, иногда самъ вмѣшивался въ сосѣдскія дѣла. Двоюродные братья

въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ дѣйствовали всегда почти за-одно.

Въ 1274-мъ году галицко-волынскіе князья предпринимали походъ на литовскаго князя Тройдена. Послѣдній захватилъ городъ Дрогичинъ, принадлежавшій Льву Даниловичу. Галицкій князь не стерпѣлъ этого и обратился за помощію къ татарамъ. Татары пришли и потребовали, чтобы и другіе князья юго-западной Руси шли съ ними на Литву. И вотъ, помимо Льва и татаръ, отправились въ походъ Владиміръ Васильковичъ, Мстиславъ Даниловичъ, князья пинскіе, туровскіе, Глѣбъ смоленскій и Романъ брянскій. Послѣдній доводился тестемъ волынскому князю. Союзники въ походѣ не должны были отставать другъ отъ друга. Они положили вмѣстѣ нападать на непріятелей. Подошедши къ литовскимъ границамъ, союзники начали грабить ихъ и разорять. Левъ Даниловичъ отдѣлился съ татарами и прежде другихъ князей подступилъ къ Новогрудку. Желая только «съ погаными» воспользоваться добычей, онъ, не дожидаясь остальныхъ князей, напалъ на внѣшній городъ и взялъ его. Крѣпость Новогрудка устояла однако, не сдалась. Скоро подошли и другіе князья съ своими войсками. Узнавъ о вѣроломномъ поступкѣ Льва, они осердились и разсорились съ нимъ. Какъ Левъ Даниловичъ ни уговаривалъ ихъ идти дальше, они оставили его съ татарами и возвратились домой.



Башня XIII вѣка, построенная Владиміромъ Васильковичемъ близъ м. Каменца-Литовскаго.

Возвращаясь въ свой стольній городъ, Владиміръ Васильковичъ сталъ звать къ себѣ своего тестя.

— «Господинъ батюшка!»—говорилъ онъ брянскому князю

Роману,—«пріѣзжай, побудешь въ своемъ домѣ и дочери своей здоровье увидишь».

— «Сынъ Владиміръ!»—отвѣчалъ на это Романъ,—«не могу этого сдѣлать, не могу отъ своего войска уѣхать, хожу въ землѣ ратной. Кто проводитъ войско мое домой? Пусть вмѣсто меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ».

Въ 1276-мъ году множество пруссовъ появилось въ литовскихъ владѣніяхъ Тройдена. Не желая подчиняться тевтонскому ордену, они просили его поселить ихъ у себя. Тройденъ согласился и принялъ ихъ. Однихъ пруссовъ онъ поселилъ въ Гроднѣ на Нѣманѣ, а другихъ въ Слонимѣ.

Галицко-волынскимъ князьямъ это сосѣдство не понравилось. Оно показалось имъ опаснымъ. Левъ и Владиміръ, недолго думая, собрали рать и послали ее на Слонимъ. Русскіе разгромили тамошнихъ пруссовъ и взяли Турійскъ Нѣманскій. Тройденъ сталъ мстить за это.—Онъ сталъ разорять окрестности Каменца. Впрочемъ враждующіе скоро помирились и заключили между собой дружественный союзъ.

Но этотъ миръ продолжался очень недолго. Татары заставили нашихъ князей нарушить его. Въ 1277-мъ году татарскій ханъ прислалъ къ нимъ грамоту.

— «Вы все жалуетесь на Литву»,—писалъ онъ въ ней нашимъ князьямъ,—«такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою; ступайте съ нимъ на своихъ враговъ».

Князья не смѣли возражать на это. Зимою того же года Владиміръ, Мстиславъ и Юрій Даниловичъ отправились на Литву къ Новогрудку. Шли они не особенно торопливо. Подошедши къ Бресту, они совсѣмъ остановились. Узнавши тутъ, что татары ихъ опередили, что они уже у Новогрудка, наши князья стали совѣщаться на счетъ дальнѣйшаго своего движенія.

— «Что намъ идти къ Новогрудку?»—говорили они,—«тамъ татары уже все извоевали. Пойдемъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту».

Князья пошли къ Гроднѣ. Недалеко отъ Волковыйска русскіе остановились ночевать. Когда всѣ заснули,—Мстиславъ и Юрій тайкомъ послали нѣсколько лучшихъ своихъ бояръ и слугъ грабить и разорять окрестныя селенія. Во главѣ ихъ былъ воевода Тюйма. Повоевавши немного, посланные также расположились на ночлегъ, но расположились вдали отъ своихъ—отъ главной рати. Усталые, они сняли свои доспѣхи и не поставили даже сторожей. Увидѣвъ, что всѣ спятъ мертвымъ сномъ, одинъ измѣнникъ прибѣжалъ въ городъ и сказалъ жителямъ его, что въ та-

комъ-то мѣстѣ русскіе спятъ безъ военной охраны. Тѣ бросились на сонныхъ и жестоко отомстили имъ за грабежъ. Однихъ они убили, а другихъ забрали въ плѣнъ. Самого Тюйму повезли на саняхъ;—онъ былъ тяжело раненъ.

На утро князья узнали объ этомъ несчастіи. Погоревавъ и потолковавъ между собой, они рѣшили выручить своихъ плѣнныхъ. Во что бы то ни стало, они рѣшили взять городъ. Но какъ это было сдѣлать? Передъ городомъ стояла большая каменная башня, въ которой заперлись пруссы. Своею мѣткою стрѣльбою они не подпускали нашихъ къ городу. Горожане, стоя на забралахъ, смѣялись и издѣвались надъ нашими. Они считали свою башню неодолимою, неприступною. Но русскіе напрягли свои силы, бросились къ башнѣ и взяли ее. Стоявшіе на забралахъ помертвѣли отъ страха. Они стали плакать и просить о пощадѣ. Осаждающіе смиловались надъ ними и обѣщали не трогать ихъ города. Граждане выдали имъ всѣхъ бояръ и воиновъ, взятыхъ ими въ плѣнъ прошлою ночью.

Съ Польшею преемники Даніила и Василька находились то въ ладу, то въ ссорѣ. Они то заключали союзы съ тамошними князьями, то воевали съ ними.

Съ Болеславомъ краковскимъ, разбившимъ Шварна на польской границѣ, они не только скоро помирились, но даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ бреславльскимъ.

Въ 1279-мъ году у Владиміра волынскаго произошло столкновеніе съ Конрадомъ Семовитовичемъ мазовецкимъ. Въ этомъ году былъ большой голодъ въ Литвѣ и Польшѣ. Ятвяги обратились къ волынскому князю за хлѣбомъ.

— «Господинъ князь Владиміръ!»—говорили ему ятвяжскіе послы,—«пріѣхали мы къ тебѣ отъ всѣхъ ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье. Господинъ! не помори насъ, а перекорми; пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать. Что хочешь, то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ, серебро».

Владиміръ Васильковичъ сжалился надъ ятвягами и послалъ имъ жито изъ Бреста. Его отправили водой. Сначала лодки съ хлѣбомъ шли по Бугу, а потомъ вошли въ Наревъ. Плывя по этой рѣкѣ, волынцы остановились ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), находившимся во владѣніяхъ Конрада Семовитовича. Городскіе жители напали на нихъ ночью и всѣхъ ихъ перебили, жито они унесли, а лодки потопили. Владиміръ хотѣлъ узнать виновниковъ этого гнуснаго поступка. Онъ послалъ къ Конраду.

— «Подъ твоимъ городомъ перебиты мои люди»,—сказали послы его мазовецкому князю:—«либо ты приказывалъ ихъ убить, либо кто другой. Ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ, объяви мнѣ».

— «И самъ я не билъ,»—сказалъ на это Конрадъ,—«и другого никого не знаю».

Но Конрада выдалъ дядя его, Болеславъ краковскій, находившійся съ нимъ въ ссорѣ.

— «Конрадъ лжетъ», — послалъ онъ сказать волынскому князю,—«онъ самъ избилъ твоихъ людей. Перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, смой свой позоръ».

Владиміръ послушался и «смылъ свой позоръ». Онъ послалъ войско на Конрада. Волынцы опустошили западныя его владѣнія и забрали много плѣнныхъ. Конрадъ запросилъ пощады. Владиміръ согласился. Онъ не только примирился съ нимъ и возвратилъ ему всѣхъ плѣнныхъ, но даже обѣщался помогать ему въ нуждѣ. Съ тѣхъ поръ между Владиміромъ и Конрадомъ началась большая любовь и дружба.

И волынскій князь исполнялъ свое обѣщаніе. Немного спустя у Конрада началась вражда съ братомъ Болеславомъ Семовитовичемъ. Послѣдній жестоко обидѣлъ его. Конрадъ обратился за помощію къ Владиміру волынскому. Тотъ выслушалъ Конрадова посла, прослезился и сказалъ:

— «Скажи брату Конраду, скажи ему: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь».

Владиміръ Васильковичъ сталъ собираться въ походъ. Своей дружины показалась ему мало. Онъ послалъ звать съ собою на Болеслава племянника своего, Юрія Львовича.

— «Дядюшка!»—отвѣчалъ ему племянникъ,—«съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, но некогда: ѣду въ Суздаль жениться и съ собою беру немногихъ людей. Всѣхъ своихъ бояръ и людей поручало Богу да тебѣ; когда будетъ тебѣ угодно, тогда съ ними и ступай».

Волынскій князь собралъ большое войско и пошелъ съ нимъ на Болеслава. Дружина Юрія была съ нимъ.

Владиміръ послалъ предупредить Конрада о своемъ приходѣ. Посланный нашелъ польскаго князя среди бояръ. Зная, что не всѣ бояре расположены къ нему и что многіе изъ нихъ находятся въ сношеніяхъ съ Болеславомъ, онъ громко сказалъ Конраду:

— «Братъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать: съ радостію бы помогъ тебѣ, да нельзя: татары мѣшаютъ».

Сказавъ это, посолъ поклонился Конраду, взялъ его за руку,

сильно пожалъ ее и вышелъ изъ комнаты. Князь вышелъ за нимъ. Онъ догадался, что посолъ не задаромъ такъ пожалъ ему руку. Дѣйствительно, онъ тутъ услышалъ отъ него совсѣмъ другое.

— «Братъ твой Владиміръ», сказалъ теперь посолъ князю,— «велѣлъ сказать тебѣ: приготовляйся самъ и лодки приготовь на Вислѣ; рать у тебя будетъ завтра».

Конрадъ обрадовался и велѣлъ скорѣе готовить лодки.

На другой день, дѣйствительно, подошла русская рать. Переправившись черезъ Вислу, она вмѣстѣ съ Конрадовою дружиною вторглась во владѣнія Болеслава Семовитовича. Союзники осадили городъ Гостинный. Русскіе подошли къ городскимъ стѣнамъ. Осажденные, стоя на забралахъ, стали осыпать ихъ бранью и камнями. Наши принялись за копья. Одни поляки валились со стѣнъ, а другіе убѣгали съ нихъ. Союзники взяли городъ и жестоко расправились съ нимъ. Награбивши всякаго добра, они однихъ жителей его перебили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Самый городъ сожгли до-тла. Союзники возвратились домой съ большой добычею и «честью великою». Нашимъ этотъ походъ обошелся очень дешево. Они потеряли всего только двухъ человѣкъ, да и тѣ убиты были не подъ самымъ городомъ. Во время движенія союзниковъ на непріятельской землѣ, Владиміръ Василькевичъ наказывалъ своимъ воеводамъ не распускать своихъ войскъ. Они и шли вмѣстѣ до Сохачева. Но тутъ тридцать человѣкъ отдѣлились отъ войска и бросились въ лѣсъ. Они бросились за поляками, убѣжавшими туда изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Въ это время Болеславъ Семовитовичъ, стоявшій за лѣсомъ, ударилъ на нихъ. Всѣ разбѣжались. Остались только двое— Рохъ Михайловичъ, сынъ боярскій, да какой-то пруссъ. Они не сдались непріятелямъ, а вступили съ ними въ схватку. Пруссъ бросился на самого Болеслава, но былъ убитъ окружавшими его. Не сдобровалъ также и Рохъ, убившій знатнаго Болеславова боярина.

Около этого времени умеръ бездѣтнымъ Болеславъ краковскій. Преемникомъ ему сталъ двоюродный племянникъ, Лешко Черный. И краковцы ничего не имѣли противъ этого. Но нашъ князь Левъ Даниловичъ взглянулъ на это дѣло иначе. Не получивъ Литвы послѣ брата своего Шварна, онъ сталъ хлопотать теперь о пріобрѣтеніи Болеславова наслѣдства... Когда же и тутъ не имѣлъ успѣха,—онъ, съ досады, рѣшилъ овладѣть нѣкоторыми пограничными польскими городами. Левъ Даниловичъ обратился за помощію къ татарскому хану. Тотъ прислалъ ему войско и приказалъ волынскому князю и Мстиславу Даниловичу помогать

Льву. Владиміръ Васильковичъ и Мстиславъ не посмѣли ослушаться своего владыки. Противъ своей воли они пошли со Львомъ на Лешка Чернаго. Впереди шелъ съ сыномъ Юріемъ самъ Левъ Даниловичъ. Онъ шелъ съ гордостью. Онъ былъ увѣренъ, что русскіе съ татарами завоюютъ теперь для него не только пограничные польскіе города, но и самый Краковъ. Но жадность его скоро была жестоко наказана. Невдалекѣ отъ Сендомира встрѣтили его поляки и разбили наголову. Русскіе и татары повернули назадъ и воротились домой ни съ чѣмъ. Этого мало. Въ 1281-мъ году Лешко Черный отомстилъ за походъ этотъ нашимъ князьямъ. Одни поляки вторглись въ галицкую землю, а другихъ онъ послалъ на Волынь къ Бресту. Первые взяли городъ Переворескъ (Пршеворскъ) и сожгли его. Ограбленные жители всѣ были перебиты. Полякамъ же, отправившимся къ Бресту, не посчастливилось. Разграбивши десять селъ, они повернули назадъ. Довольные своей добычей, поляки возвращались домой съ важностью, съ веселыми пѣснями. Они не ждали бѣды, не ожидали погони. Но неожиданное-то и случилось. Жители Бреста, узнавъ о разореніи окрестныхъ селъ поляками, погнались за ними, настигли ихъ и схватились съ ними. Семьдесятъ берестянъ напали на 200 поляковъ и разбили ихъ на-голову. Восемьдесятъ поляковъ было убито, а остальные взяты въ плѣнъ. Все награбленное ими было возвращено пострадавшимъ.

Въ 1282-мъ году татары предприняли походъ на венгровъ. Проходя черезъ галицкую землю, они приказали и нашимъ князьямъ идти съ ними туда-же. Походъ этотъ былъ неудаченъ.

Въ Карпатскихъ горахъ татары заблудились и стали терпѣть страшный голодъ,—ѣли даже человѣческое мясо. Въ самой Венгріи они потерпѣли страшное пораженіе.

Въ отсутствіе галицко-волынскихъ князей, Болеславъ Семовитовичъ отомстилъ имъ за помощь ихъ брату его Конраду. Онъ напалъ на нашу границу, разорилъ нѣсколько селъ и захватилъ немного плѣнныхъ. Но этотъ набѣгъ не прошелъ ему даромъ. Возвратившись изъ венгерскаго похода, Левъ Даниловичъ рѣшилъ наказать грабителя. Онъ обратился къ Владиміру Васильковичу.

— «Братъ!»—сказалъ послѣднему посолъ Льва,—«смоемъ съ себя позоръ. Наведи Литву на Болеслава».

Волынской князь послушался и послалъ за помощью къ Литвѣ.

— «Владиміръ, добрый князь, правдивый!»—отвѣчали ему литовцы,—«можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы».

Владиміръ и Левъ съ своими дружинами пошли къ Бресту. Тутъ они стали дожидаться литовцевъ. Но тѣ что-то замѣшкались и долго не приходили. Прождавъ литовцевъ нѣсколько дней, наши князья отпустили свою рать въ Болеславову землю съ одними только своими воеводами. Вскорѣ послѣ этого пришли и литовцы. Они стали пенять Владиміру, что онъ не подождалъ ихъ.

— «Ты насъ поднялъ»,—говорили они ему,—«такъ веди насъ куда-нибудь, мы готовы, мы на это и пришли».

Князь не зналъ, куда ихъ послать. Своя рать ушла уже далеко. Ее трудно было догнать. Тутъ онъ вспомнилъ, что какъ-то люблинцы, по приказанію Лешка краковскаго, захватили одно пограничное волынское село. Теперь Владиміръ послалъ литовцевъ на Лешка. Тѣ пошли, пограбили окрестности Люблина и возвратились съ добычею и плѣнными. Спустя немного и русская рать возвратилась изъ польскаго похода. И она пришла съ большою добычею и множествомъ плѣнныхъ. Но Болеславъ Семовитовичъ не успокоился. Онъ все еще не переставалъ дѣлать нападенія на волынскія границы. И Владиміръ съ племянникомъ Юріемъ и литовцами снова ходилъ въ его владѣнія. На этотъ разъ ему удалось захватить городъ Сохачевъ. Союзники возвратились домой съ большою добычею. Болеславъ послѣ этого нѣсколько присмирѣлъ.

Въ 1287-мъ году татары пошли на Польшу. Съ ними вмѣстѣ, по приказанію хана Телебуги, пошли туда же и всѣ наши приднѣпровскіе князья.

Для всей юго-западной Руси тяжелъ былъ этотъ походъ, но для волынско-галицкой земли въ особенности. Владиміръ Васильковичъ, хворавшій въ ту пору гніеніемъ нижней челюсти, Левъ и Мстиславъ Даниловичи встрѣчали Телебугу на границахъ своихъ владѣній, встрѣчали съ дарами и напитками. Своею покорностью они старались поддержать прежнее доброе расположеніе къ себѣ хана. Они боялись, какъ бы татары не стали грабить ихъ земли и забирать города.

Татарско-русская рать двинулась къ Владиміру-Волынску. Жители стольнаго города пришли въ ужасъ. Они ежеминутно ждали погрома и плѣна. Однако этого не случилось. Остановившись невдалекѣ отъ города, татары только разграбили нѣсколько его лавокъ, да забрали много коней. Всякую мало-мальски порядочную лошадь они отнимали у тамошнихъ жителей.

Отправляясь въ Польшу, Телебуга оставилъ подъ Владиміромъ отрядъ татаръ для корма любимыхъ своихъ коней. Эти татары оказались настоящими разбойниками. Они разграбили и опусто-

шили всю окрестность на большое пространство. Они и самый Владиміръ держали какъ-бы въ осадѣ. Ни войти въ него, ни выйти изъ него было пельзя. Кто выйдетъ, того они хватали, грабили и убивали. Отъ недостатка хлѣба, въ городѣ открылись голодъ и большая смертность.

Возвращаясь изъ Польши, татары пошли въ свои степи черезъ галицкое княжество. Тутъ Телебуга простоялъ съ ними подъ Львовомъ двѣ недѣли. И здѣсь татары вели себя не лучше, чѣмъ на Волыни. Они грабили и убивали всѣхъ выходившихъ изъ города. Они ловили и раздѣвали до-нага окрестныхъ жителей. Татары нуждались въ одеждѣ;—на дворѣ стояли тогда большіе морозы. Многіе галичане гибли отъ холода и голода.

Вообще этотъ переходъ татаръ черезъ волынско-галицкую землю обошелся не дешево. Въ одной Галиціи, по подсчету Льва Даниловича, погибло отъ нихъ не менѣе тринадцати тысячъ человѣкъ.

Въ походѣ татаръ на Польшу (1287 г.), за исключеніемъ Владиміра, участвовали всѣ наши юго-западные князья. Волынскій князь не ходилъ туда по болѣзни. Гніеніе нижней челюсти не дозволяло ему предпринимать дальніе зимніе походы. Болѣзнь князя была очень опасна. Всѣ это видѣли. Не сомнѣвался въ смертельномъ исходѣ ея и самъ больной. Зная, что ему скоро придется отправиться къ праотцамъ, Владиміръ Васильковичъ рѣшилъ при жизни распорядиться своимъ волынскимъ княжествомъ. Не имѣя дѣтей, онъ хотѣлъ передать его кому-нибудь изъ своихъ родственниковъ. [1]) Выборъ его остановился на двоюродномъ братѣ, Мстиславѣ Даниловичѣ. Владиміръ любилъ его за добродушіе и кротость. Льва онъ не долюбливалъ за гордость, алчность и за убіеніе имъ Войшелка въ городѣ покойнаго своего отца. Да и къ племяннику Юрію, немного похожему характеромъ на своего отца, онъ къ концу жизни охладѣлъ.

Владиміръ передалъ свое наслѣдство Мстиславу при Золотоордынскомъ ханѣ. Когда Телебуга былъ еще на Волыни, онъ съ согласія хана послалъ сказать Мстиславу:

— «Братъ! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ. Такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города по смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ».

Владиміръ тутъ же послалъ сказать и другому двоюродному своему брату, Льву, и племяннику Юрію:

---

[1]) Бездѣтный Владиміръ взялъ къ себѣ на воспитаніе какую-то дѣвочку Изяславу. И онъ и жена его, княгиня Ольга, привязались къ ней и любили ее, какъ родную дочь.

— «Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города».

— «И хорошо сдѣлалъ, что отдалъ»,— отвѣчалъ на это Левъ,—«мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ далъ бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время».

Мстиславъ поблагодарилъ Владиміра Васильковича за передачу ему своего наслѣдства и съ своей стороны послалъ сказать Льву и его сыну:

— «Братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города. Если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ и его вельможи».

Левъ на это ничего не отвѣтилъ, но въ душѣ уже завидовалъ Мстиславу.

Телебуга изъ Волыни двинулся въ Польшу. И больной Владиміръ пошелъ съ нимъ, но дошелъ только до рѣки Сана. Тутъ онъ сталъ проситься у хана домой. И Телебуга, видя страданія русскаго князя, отпустилъ его, удержавъ при себѣ волынскую рать.

Возвратившись въ свой стольный городъ, больной князь не хотѣлъ здѣсь оставаться. Свирѣпствованіе татаръ, оставленныхъ подъ городомъ Владиміромъ для корма ханскихъ коней, возмущало его.

— «Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль»,—сказалъ онъ княгинѣ и боярамъ;—«сильно досадила мнѣ эта погань (татары). Я человѣкъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать. Пусть вмѣсто меня остается здѣсь епископъ Маркъ».

Оставивъ архіерея управлять городскими дѣлами, больной князь поѣхалъ въ любимый имъ Любомль. [1]) Но и здѣсь ему не было покоя;—и тутъ была «погань». Тогда Владиміръ уѣхалъ въ Брестъ, а изъ Бреста—въ Каменецъ. Тутъ князь совсѣмъ ужъ слегъ въ постель.

— «Когда эта погань выйдетъ изъ нашей земли»,—говорилъ князь своей княгинѣ и боярамъ,—«тогда мы опять переѣдемъ въ Любомль».

Нѣсколько дней спустя пришли къ нему слуги, ходившіе съ татарами на Польшу. Владиміръ сталъ разспрашивать о походѣ. Тѣ подробно ему все разсказали.

— «А Телебуга ушелъ ли изъ Польши»?

---

[1]) Любомль находился въ 30-ти верстахъ къ сѣверу отъ Владиміра-Волынска. Теперь это мѣстечко при Западномъ Бугѣ.

*

— «Ушелъ»—отвѣчали ему слуги.

— «А братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы—ли»?

Тѣ отвѣчали, что всѣ здоровы. При этомъ слуги передали князю, что Мстиславъ уже раздаетъ своимъ боярамъ села и города волынскіе.

Владиміръ обидѣлся и даже разсердился.

— «Вотъ оно что!»—началъ говорить онъ. «Я лежу боленъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни; я еще живъ, а онъ уже раздаетъ города мои и села. Могъ бы подождать, когда умру».

Больной князь отправилъ посла къ Мстиславу Даниловичу.

— «Братъ!» велѣлъ онъ сказать ему,—«вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни копьемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ,—что такъ со мною поступаешь! Ты мнѣ братъ, но вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ, и племянникъ Юрій. Изъ васъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города по своей смерти, а пока живъ, тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдавъ тебѣ землю за гордость брата Льва и племянника Юрія».

Мстиславъ понялъ свою ошибку и поспѣшилъ успокоить больного.

— «Братъ и господинъ!»—отвѣчалъ онъ ему на это:—«земля Божія и твоя и города твои, а я надъ ними неволенъ, самъ я въ твоей волѣ и дай мнѣ Богъ имѣть тебя, какъ отца, и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобы ты, господинъ, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя».

Это успокоило больного.

Изъ Каменца Владиміръ переѣхалъ въ городъ Рай. Тутъ онъ сталъ говорить своей княгинѣ.

— «Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, хочу урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю, какъ дочь родную. Богъ за грѣхи мои не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ.

Княгиня Ольга одобрила желанія своего мужа. Послали за Мстиславомъ. Тотъ пріѣхалъ въ Рай и остановился на подворьѣ.

Доложили больному о пріѣздѣ брата... Владиміръ, вставъ съ постели, принялъ его сидя. Начали разговаривать о походѣ. Мстиславъ сталъ разсказывать ему все по порядку. Больной, слушая его, сильно утомился. Замѣтивъ это, Мстиславъ простился

съ нимъ и возвратился на подворье. Нѣсколько спустя, пришли къ нему туда епископъ и два боярина.

— «Братъ!»—сказали они ему отъ имени князя,—«я за тѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобой о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей и объ ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писать».

— «Братъ и господинъ!» — отвѣчалъ на это Мстиславъ,— «я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ объявить, что отказываешь мнѣ свою землю. Если хочешь грамоты писать, то пиши, какъ Богу любо и тебѣ».

Владиміръ приказалъ писцу написать двѣ грамоты. Въ одной онъ отказывалъ Мстиславу всѣ свои города и землю, а въ другой — отказывалъ супругѣ своей Ольгѣ городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь святыхъ Апостоловъ съ селами же. «А княгиня моя»,—сказано въ концѣ второй грамоты,—«захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти».

Позвали Мстислава.

— «Цѣлуй крестъ на томъ»,—сказалъ ему больной князь,— «что не отнимешь ничего у моей княгини и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь».

Мстиславъ поцѣловалъ крестъ и поѣхалъ во Владиміръ. Тутъ онъ велѣлъ собрать въ соборный храмъ владимірскихъ бояръ съ гражданами и прочитать имъ духовную ихъ больного князя. Всѣ были довольны распоряженіемъ послѣдняго. Никто не возражалъ противъ этого. Епископъ Евсигней благословилъ Мстислава крестомъ.

Наступило лѣто. Больному князю, переѣхавшему въ Любомль, становилось все хуже и хуже. Ему нуженъ былъ полный покой, а его-то и было мало.

Къ больному пріѣхалъ посолъ отъ Конрада мазовецкаго,— того самаго, къ которому всегда благоволилъ Владиміръ Васильковичъ.

— «Братъ и господинъ!» — велѣлъ сказать ему Конрадъ:— «ты былъ мнѣ вмѣсто отца, и держалъ меня подъ своею рукою; тобою я княжилъ и города свои держалъ, и отъ братьи своей оборонялся; а теперь, господинъ, слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу: такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вмѣстѣ съ моимъ, чтобы и онъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты».

Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада. Онъ послалъ къ Мстиславу и передалъ ему просьбу его. Тотъ согласился. Онъ обѣщалъ не только не давать Конрада кому-либо въ обиду, но даже, въ случаѣ нужды, сложить за него свою голову.

Мстиславъ изъявилъ желаніе лично повидаться съ Конрадомъ. Тотъ согласился съ большою радостью. Заѣхавъ сначала въ Любомль къ Владиміру и поплакавъ надъ его болѣзнію, Конрадъ отправился въ Луцкъ къ Мстиславу. Послѣдній принялъ его съ большою честью.

— «Какъ тебя братъ мой Владиміръ честилъ и дарилъ,»— сказалъ онъ ему,—«такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидитъ».

Попировавши и повеселившись, Конрадъ сталъ собираться домой. Мстиславъ, при прощаньи, одарилъ польскаго князя красивыми конями и другими многими дарами.

Спустя немного, къ больному князю явился другой посолъ, не похожій на Конрадова посла. Этотъ посолъ былъ отъ Юрія Львовича. Не получивши ничего въ Польшѣ, гдѣ онъ, за смертью Лешка Чернаго, намѣревался было завладѣть Люблиномъ, Юрій хотѣлъ поживиться теперь на Волыни.

— «Господинъ дядюшка!» — сказалъ Владиміру Юрьевъ посолъ,—«Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя, какъ отца; чтобъ тебѣ сжалиться за мою службу? Теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ—Бѣльцъ, Червень и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ. [1]) Бью челомъ Богу и тебѣ: дай мнѣ, господинъ дядюшка, Брестъ.

Владиміръ понялъ, что отнятіе отцомъ у сына городовъ было только предлогомъ къ выпрашиванію у него Бреста. Онъ отказалъ Юрію.

— «Племянникъ», — велѣлъ онъ передать ему, — «не дамъ: самъ знаешь, что я не двурѣчивъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ: далъ ему всю землю и всѣ города, и грамоты написалъ».

Отказавши племяннику, Владиміръ тотчасъ же послалъ слугу своего къ Мстиславу Даниловичу. Зная его простоту, больной князь хотѣлъ предупредить его относительно алчности Юрія.

— «Присылалъ ко мнѣ племянникъ Юрій просить Бреста,»— велѣлъ онъ сказать ему, — «но я не далъ ни города, ни села. И ты не давай, и клока соломы никому не давай послѣ моей смерти».

---

[1]) Мѣстечко при Бугѣ, повыше Дрогичина.

— «Ты мнѣ и братъ»,—отвѣчалъ на это Мстиславъ Даниловичъ,—«ты мнѣ и отецъ, Данила король, когда принялъ меня подъ свои руки: что ни велишь мнѣ, все съ радостью исполню».

Однако Владиміръ Васильковичъ не отдѣлался отъ назойливости галицкихъ князей. На мѣсто сына явился самъ отецъ. Черезъ нѣсколько дней слуга доложилъ больному князю, что владыка пріѣхалъ.

— «Какой владыка?»—спросилъ Владиміръ.

— «Перемышльскій Мемнонъ отъ брата твоего Льва пріѣхалъ».

Владиміръ Васильковичъ сразу догадался, зачѣмъ пріѣхалъ владыка, однако велѣлъ позвать его. Владыка вошелъ и, поклонившись князю до земли, сказалъ:

— «Братъ тебѣ кланяется».

Больной князь пригласилъ владыку сѣсть; тотъ сѣлъ и заговорилъ.

— «Братъ твой велѣлъ сказать тебѣ, господинъ: дядя твой Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у св. Богородицы, а сыновья его, братья мои и твои, Романъ и Шварнъ, и всѣхъ кости тутъ лежатъ; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь тяжкую: что-бы тебѣ, братецъ, не погасить свѣчи надъ гробомъ дяди своего и братьи своей, дать-бы тебѣ свой городъ Брестъ? То бы твоя свѣча была».

Владиміръ—великій книжникъ и философъ—повелъ съ архіереемъ длинный разговоръ о разныхъ религіозно-нравственныхъ вопросахъ. Наговорившись вдоволь, онъ отпустилъ владыку и велѣлъ передать галицкому князю слѣдующее:

— «Братъ Левъ! ты, навѣрно, думаешь, что я уже изъ ума выжилъ и не пойму твоей хитрости? Мало тебѣ твоей земли, что еще Бреста захотѣлъ, когда самъ три княжества держишь: галицкое, перемышльское и бѣльзское, и того все мало? Мой отецъ и твой дядя лежитъ у св. Богородицы во Владимірѣ, а много ль ты надъ нимъ свѣчъ поставилъ? какой городъ далъ, чтобы свѣча была? сперва просилъ живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь: не дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣю я твою хитрость, не дамъ».

Движимымъ своимъ имуществомъ волынскій князь распорядился еще раньше,—когда былъ на ногахъ. Большую часть его онъ роздалъ бѣднымъ и неимущимъ. Большія серебряныя блюда, золотые и серебряные кубки онъ при себѣ велѣлъ перелить въ гривны. Половину изъ нихъ разослалъ онъ по монастырямъ, а другую—роздалъ неимущимъ. Коней изъ своихъ табуновъ онъ

роздалъ тѣмъ, у кого нѣтъ лошадей, кто лишился ихъ во время нашествія Телебуги.

Наступила зима. Болѣзнь князя все усиливалась и усиливалась. Онъ съ трудомъ уже поднимался съ постели. Чувствуя приближеніе смерти, Владиміръ причастился св. Таинъ. Духовникъ причастилъ его въ церкви св. Георгія, построенной самимъ княземъ. Больной всю обѣдню просидѣлъ въ алтарѣ на стулѣ. Возвратившись домой, князь уже потомъ не выходилъ изъ дворца. Болѣзнь совсѣмъ его обезобразила. Челюсть обнажилась отъ мяса. Гніеніе дошло до гортани. Больной въ теченіе семи недѣль принималъ понемногу почти одну только воду. Наконецъ страданія его кончились. Десятаго декабря 1289-го года Владиміра Васильковича не стало. Княгиня и придворные слуги, обмывъ тѣло, обвили его бархатомъ съ кружевами. Они положили покойника на сани и повезли во Владиміръ. Всѣ граждане Любомля—отъ мала до велика, съ громкимъ плачемъ, провожали тѣло добраго своего князя. Въ стольный городъ привезли его уже поздно вечеромъ въ тотъ же день. Одиннадцатаго декабря епископъ Евсигней съ игуменами совершилъ погребеніе. Тѣло Владиміра положили въ каменную гробницу и похоронили въ соборномъ Богородичномъ храмѣ. Княгиня Ольга, при погребеніи мужа, плакала навзрыдъ.

— «Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый!»— причитала она,—«вправду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ, великими добродѣтелями похожъ ты былъ на него [1]): много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобы ты отомстилъ имъ зломъ за зло.»

— «Хорошо бъ намъ было съ тобою умереть»,—причитали и бояре:—«какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть: солнце наше зашло, и остались мы въ обидѣ.»

Горе было общее. Надъ покойникомъ плакали и владимірскіе граждане—мужчины, женщины и дѣти, и новоградцы, и итальянцы. Жиды—и тѣ горевали и плакали, будто-бы, подобно своимъ отцамъ, когда ихъ вели въ плѣнъ вавилонскій.

Мстиславъ Даниловичъ не поспѣлъ на похороны волынскаго князя. Прибывъ послѣ во Владиміръ и поплакавъ на гробѣ своего благодѣтеля, онъ разослалъ гарнизоны по волынскимъ городамъ. Онъ боялся, какъ бы чего не сдѣлалъ Левъ съ сыномъ Юріемъ.

---

[1]) Иванъ—Божья благодать.

И опасеніе его было не напрасно. Юрій Львовичъ въ это время уже былъ въ Брестѣ. Жители послѣдняго, узнавъ о смерти волынскаго князя Владиміра, послали за Юріемъ. И тотъ поспѣшилъ занять не только Брестъ, но Бѣльцъ и Каменецъ. Луцкіе и владимірскіе бояре стали уговаривать Мстислава смыть свой позоръ.

— «Господинъ!»—стали они ему говорить,—«племянникъ осрамилъ тебя,—отнялъ то, что далъ тебѣ Богъ, братъ, молитва отцовская и дѣдовская; можемъ и съ дѣтьми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города—Бѣльцъ и Червень, а потомъ пойдемъ къ Бресту».

— «Не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную»,—отвѣчалъ на это Мстиславъ;—«я исправлю дѣло Богомъ и благословеніемъ брата своего Владиміра.»

Мстиславъ послалъ къ Юрію Львовичу посла.

— «Племянникъ»! — сказалъ ему тотъ отъ имени своего князя,—«добро бы ты не былъ самъ на томъ пути и ничего не слыхалъ: а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города всѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владиміръ, вамъ объ этомъ объявили. Если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? Теперь объяви мнѣ: самъ ли ты сѣлъ въ Брестѣ своею волею, или по приказанію отца своего? не на мнѣ будетъ кровь, а на виновномъ; я пошлю за татарами, а ты сиди, пожалуй; не поѣдешь добромъ, такъ зломъ поѣдешь».

Потомъ Мстиславъ послалъ владимірскаго епископа и къ брату Льву.

— «Жалуюсь Богу и тебѣ»,—сказалъ архіерей послѣднему отъ имени своего князя,—«потому что ты мнѣ больше всѣхъ по Богѣ, братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Брестѣ, или по твоему приказанію? если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я послалъ за татарами и самъ собираю войско;—какъ меня Богъ съ вами разсудитъ».

Левъ Даниловичъ испугался. Онъ еще не забылъ Телебугина пребыванія въ Галиціи.

— «Сынъ мой сдѣлалъ это,»—отвѣчалъ онъ своему брату Мстиславу,—«безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не безпокойся, я пошлю къ нему, чтобы онъ выѣхалъ изъ Бреста».

И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Левъ тотчасъ же послалъ гонца къ сыну.

— «Ступай вонъ изъ города»,—велѣлъ онъ сказать ему,—

«не погуби земли: братъ послалъ за татарами. Если же не поѣдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отрѣшу тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешь».

Юрій послушалъ отца. Онъ выѣхалъ изъ города, но выѣхалъ не одинъ и не съ пустыми руками. Онъ захватилъ съ собою сторонниковъ своихъ—бояръ крамольниковъ и дядино добро. Передъ выѣздомъ изъ Бреста, Юрій до-чиста обобралъ дома княжескіе въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ.

Спустя нѣсколько времени, пріѣхалъ въ Брестъ Мстиславъ Даниловичъ. Горожане встрѣтили его съ крестомъ и полною покорностью. Приведя ихъ на вѣрность себѣ присягой, князь спросилъ своихъ бояръ:

«А есть ли тутъ ловчее?» [1])

— «Нѣтъ»,—отвѣчали ему,—«тутъ этого никогда не бывало».

— «Не хочу казнить ихъ смертью»,—сказалъ Мстиславъ,—«а за ихъ крамолу на вѣкъ уставляю ловчее».

Княжескіе писцы переписали жителей Бреста и обложили ихъ поборами на содержаніе княжескихъ ловчихъ. Этого мало. Мстиславъ приказалъ извѣстіе о крамолѣ брестянъ внести въ лѣтопись на память потомству.

Утвердившись на Волыни, Мстиславъ Даниловичъ во всемъ сталъ подражать покойному Владиміру Васильковичу. Онъ оказался достойнымъ преемникомъ послѣднему. Мстиславъ укрѣплялъ города, украшалъ храмы, призывалъ къ себѣ отовсюду переселенцевъ. Онъ поощрялъ промышленность и торговлю. Онъ заботился о правосудіи.

Мстиславъ старался жить со всѣми въ ладу. Его всѣ любили, уважали и въ то-же время боялись. Двое литовскихъ князей, чтобы жить съ нимъ въ мирѣ и согласіи, отдали ему свой городъ Волковыйскъ. Конраду мазовецкому онъ, по обѣщанію, во всемъ помогалъ. Взявши его подъ свою руку, Мстиславъ помогалъ ему словомъ и дѣломъ. По просьбѣ Конрада, онъ посылалъ свое войско въ Польшу, гдѣ оно завоевало ему сендомирское княжество. Онъ и послѣ не разъ принималъ въ дѣлахъ польскихъ участіе, хотя оно было и не особенно значительно.

Въ этомъ отношеніи Мстиславъ уступалъ своему старшему брату Льву. Пылкій и неугомонный въ молодости, тотъ и подъ старость не остылъ еще совсѣмъ. Левъ и въ преклонныхъ лѣтахъ все еще мечталъ о бранныхъ подвигахъ и о пріобрѣтеніяхъ.

---

[1]) Ловчее—поборъ съ жителей на содержаніе княжеской охоты.

Когда въ концѣ XIII-го столѣтія въ Польшѣ возникли усобицы изъ-за краковскаго княженія,—онъ принялъ въ ней живое участіе.

По смерти Лешка Чернаго, Краковъ достался Болеславу Семовитовичу, старшему брату Конрада мазовецкаго. Но краковцы были этимъ недовольны. Они прогнали Болеслава и пригласили къ себѣ въ князья изъ Силезіи Генриха бреславскаго. Это былъ совсѣмъ онѣмечившійся полякъ. Генрихъ принялъ предложеніе и занялъ краковскій столъ. Но Болеславъ не хотѣлъ отказаться отъ послѣдняго. Пригласивши къ себѣ на помощь брата Конрада и Владислава Локотка (Маленькаго), князя куявскаго, онъ съ большимъ войскомъ подступилъ къ Кракову. Союзники осадили городъ, но въ продолженіе цѣлаго лѣта немногаго достигли. Городскимъ посадомъ они овладѣли, но крѣпость не могли взять. Тогда, по просьбѣ Болеслава, явился къ Кракову Левъ Даниловичъ галицкій. Онъ привелъ съ собою большую рать. Какъ старшій между князьями, онъ принялъ главное начальство надъ союзными войсками. Левъ рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть крѣпостью. Онъ ѣздилъ около нея, стращалъ гарнизонъ, но на приступъ не рѣшался. Крѣпость была очень сильна. Вся каменная, она была снабжена пороками и самострѣлами, поворачивающимся во всѣ стороны. Наконецъ Левъ пошелъ на приступъ, но потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ, съ досады, послалъ свое войско въ Силезію къ Бреславлю. Опустошивши наслѣдственную Генрихову волость, русскіе возвратились оттуда съ большою добычею и плѣнными. Вслѣдъ за этимъ Левъ отправился на свиданіе съ чешскимъ королемъ Вячеславомъ II-мъ. Это тоже былъ претендентъ на краковское княжество. Заключивши дружественный союзъ съ чешскимъ королемъ, галицкій князь возвратился домой (1291).

Вскорѣ Генрихъ силезскій умеръ, и краковскій столъ опять сталъ свободнымъ. Краковцы пригласили на него Вячеслава чешскаго. Тотъ не отказался. Но противъ этого возсталъ Владиславъ Локотокъ. Какъ братъ Лешка Чернаго, онъ больше всѣхъ имѣлъ право на краковское княженіе. Въ Польшѣ началась усобица. Левъ галицкій снова вмѣшался въ нее и на этотъ разъ не даромъ. Пользуясь смутою, онъ пріобрѣлъ теперь то, о чемъ такъ долго мечталъ съ своимъ сыномъ. При помощи татаръ, Левъ овладѣлъ наконецъ городомъ Люблиномъ. Но это было уже незадолго до его смерти. Левъ Даниловичъ скончался въ 1301-мъ году.

Судьба Волынско-Галицкой земли.

Преемникомъ Льва Даниловича былъ уже извѣстный намъ сынъ его Юрій. Похоронивъ отца, онъ тотчасъ же переѣхалъ въ стольный городъ Львовъ, украшенный и укрѣпленный покойнымъ княземъ. Около того же времени (1301 г.) померъ и Мстиславъ Даниловичъ. И его владѣнія, по праву наслѣдства, перешли къ Юрію. Послѣдній, такимъ образомъ, сталъ владѣть и Галичиной и Волынью. Имѣя затѣмъ подъ своею рукою князей пинскихъ, полѣсскихъ и кіевскихъ, Юрій Львовичъ является главою юго-западной Руси. Въ лицѣ его судьба опять объединила всю заднѣпровскую Русь. Она, повидимому, готовила ему и его преемникамъ завидную долю,—положить прочное начало самостоятельности и могуществу этой Руси. Но это только было повидимому. На самомъ дѣлѣ, прочнаго объединенія и при Юріѣ не было, и при его преемникахъ не могло быть.

Удаленная отъ нашего сѣверо-востока, юго-западная Русь по многимъ причинамъ не могла образовать изъ себя плотной, крѣпкой, сильной и самостоятельной земли. Внутри она страдала разноплеменностью населенія. Послѣ Батыева нашествія, галицко-волынскіе князья приглашали къ себѣ поселенцевъ изъ разныхъ странъ. Города Галиціи и Волыни наполнялись армянами, нѣмцами и, въ особенности, евреями. Торговля и промышленность, главнымъ образомъ, была въ ихъ рукахъ. Преслѣдуя свои личныя выгоды, эти инородцы всегда ставили ихъ выше общественныхъ и государственныхъ. Жиды и нѣмцы чужды были русскаго патріотизма. Они поддерживали то, что имъ нравилось, что имъ было выгодно, а не то, что клонилось къ общей пользѣ, къ усиленію новаго ихъ отечества. Да и тамошніе наши бояре не всегда поддерживали своихъ князей.

И отъ сосѣдей нельзя было ждать добра. Пока Литва и Польша дѣлились на удѣлы, пока онѣ были слабы,—юго-западная Русь, находившаяся подъ властью татаръ, была цѣла. Но какъ только наши сосѣди стали усиливаться,—какъ только въ Литвѣ и Польшѣ появилось единовластіе, они стали напирать на наши юго-западныя земли и понемногу завоевывать ихъ. Литва, при князѣ своемъ Миндовгѣ и ближайшихъ его преемникахъ, уже владѣла полоцкимъ княжествомъ, туровскимъ и отчасти волынскимъ.

Чтобы препятствовать напору Литвы и Польши, чтобы защитить себя отъ нихъ, юго-западной Руси надо было имѣть князей

сильныхъ, мужественныхъ и предпріимчивыхъ. А этого-то, къ несчастью, тогда и не было тамъ. Не говоря уже о мелкихъ князьяхъ ея,—преемники Льва Даниловича—и тѣ были слабы и малодѣятельны. Самыя извѣстія о нихъ очень скудны; — видно, нечего было говорить про нихъ.

Юрій 1-й Львовичъ при жизни отца подражалъ ему. Онъ старался о расширеніи своей земли на-счетъ Волыни и Польши. Сдѣлавшись же княземъ Галиціи и Волыни, онъ сталъ мало заботиться о цѣлости своихъ владѣній. Въ первый же годъ его княженія, Польша отняла у него Люблинъ, пріобрѣтенный его отцомъ, и Юрій не постарался возвратить его. Противъ Литвы

Гербъ Владиміро-Галицкой земли.

онъ находился въ союзѣ съ нѣмецкимъ орденомъ. Вообще замѣтно, — онъ отличался теперь большимъ миролюбіемъ, чѣмъ прежде,—при своемъ отцѣ. Юрій 1-й скончался въ 1316 мъ году.

Преемниками его были дѣти его—Андрей и Левъ. Они раздѣлили его владѣнія между собою. Старшему досталось больше, чѣмъ младшему. Андрей сталъ владѣть Галиціей и частью Волыни, а Левъ — луцкимъ удѣломъ. Но это не мѣшало братьямъ жить въ согласіи.

Оба князя поддерживали союзъ съ нѣмецкимъ орденомъ. Только толку изъ этого не выходило. Этотъ союзъ не помогалъ дѣлу, — не могъ остановить напора литовцевъ. Рѣшивъ подчинить себѣ юго-западную Русь, литовскій князь Гедиминъ напалъ на стольный городъ Владиміръ-Волынскій. Жители Владиміра сначала защищались, но потомъ, обезсиленные голодомъ, сдались. Они отворили Гедимину городскія ворота. Побѣдитель обѣщался

оставить имъ прежнія права, не трогать ихъ вѣры и обычаевъ. За Владиміромъ подчинились Гедимину и многіе другіе волынскіе города [1]). Но послѣ этого у братьевъ-князей завязались мирныя сношенія съ своими сосѣдями. Андрей выдалъ дочь свою Марію за мазовецкаго князя Тройдена Болеславича, а Левъ — за Любарта, сына Гедимина. Около 1324-го года оба князя скончались.

О Юріи II-мъ, сынѣ Андрея, совсѣмъ почти нѣтъ свѣдѣній. Отъ него остались только четыре грамоты, подтверждающія старинные дружественные договоры съ нѣмецкимъ орденомъ. Въ нихъ Юрій II-й называется прирожденнымъ княземъ «всея Малыя Руси», называется княземъ «Божіею милостію». Но этотъ князь Божіею милостію ничего важнаго не предпринималъ безъ совѣта бояръ своихъ и дружины. Грамоты его подписаны не имъ только однимъ, а и нѣкоторыми боярами. Юрій II-й скончался около 1337-го года.

Со смертію Юрія II-го Андреевича, пресѣклось мужское потомство Романа Мстиславича и сына его Даніила. Галицкіе бояре пригласили къ себѣ въ князья Болеслава Тройденовича. Это былъ сынъ Маріи Андреевны, вышедшей замужъ за мазовецкаго князя Тройдена.

Болеславъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе галицкихъ бояръ. По требованію ихъ, онъ поклялся не нарушать ихъ старыя права, не трогать ихъ вѣры, обычаевъ и не расхищать княжескихъ сокровищъ, хранившихся въ замкахъ города Львова.

Но легкомысленный полякъ скоро сталъ нарушать свою клятву, скоро сталъ не исполнять своихъ обѣщаній. Болеславъ Тройденовичъ, поселившись во Львовѣ, окружилъ себя поляками, нѣмцами и чехами. Онъ сталъ имъ раздавать земли и важныя должности. Галицкіе бояре указали ему на нарушеніе имъ своей клятвы. Болеславъ не обратилъ на это вниманія. Онъ пошелъ дальше. Онъ сталъ притѣснять народъ тяжелыми налогами, сталъ обирать его. И, насмѣхаясь надъ православною вѣрою галичанъ, онъ сталъ открыто насильничать и развратничать. Болеславъ не давалъ пощады даже женамъ и дочерямъ своихъ бояръ. Онъ издѣвался надъ всѣмъ, что такъ дорого каждому русскому человѣку. Галицкіе бояре вышли наконецъ изъ терпѣнія и раздѣ-

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, Волынь перешла мирнымъ путемъ къ сыну Гедимина Любарту, женатому на дочери Льва Юрьевича. «Не имѣя дѣтей, послѣдній отдалъ, будтобы, въ приданое за дочерью Луцкъ, Владиміръ-Волынскъ и другіе волынскіе города».

лались съ нимъ по своему. Боясь открыто напасть на своего князя, окруженнаго иноземною стражею, они на одномъ пиру угостили его отравленнымъ напиткомъ. Отрава была очень сильна. Тѣло Болеслава разнесло на куски.

Узнавъ о гибели Болеслава Тройденовича, польскій король Казиміръ III-й Великій поспѣшилъ въ Галичъ [1]). Онъ явился туда съ небольшою дружиною и подступилъ ко Львову. Жители этого стольнаго города хотѣли-было защищаться, но не смогли. Казиміръ напугалъ ихъ пожарами и избіеніемъ жителей городского предмѣстья. Неподготовленные къ осадѣ и не имѣя достаточныхъ средствъ къ защитѣ, они сдались. Граждане отворили городскія ворота, и Казиміръ вошелъ во Львовъ. Побѣдитель обѣщался не трогать ихъ, не стѣснять ихъ вѣры и обычаевъ.

И Казиміръ сдержалъ свое слово. Онъ не тронулъ жителей Львова, но за то ограбилъ два замка княжескихъ, находившихся въ Львовѣ. Мало того, что ограбилъ,—онъ сжегъ длинныя, толстыя деревянныя ихъ стѣны. У короля не было войска, которымъ онъ могъ бы занять эти замки. Взявши съ жителей города на вѣрность себѣ присягу, Казиміръ оставилъ Львовъ и пошелъ домой. Онъ возвращался въ Польшу съ большими сокровищами, захваченными имъ въ княжескихъ замкахъ. Онъ унесъ съ собою много серебра, золота, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и разнаго другого добра.

Отдохнувши немного въ Краковѣ, Казиміръ Великій снова пошелъ въ Галицію. На этотъ разъ онъ шелъ туда съ большимъ войскомъ. Онъ теперь хотѣлъ довоевать и покорить всю галицкую землю.

И король вполнѣ достигъ этого. Не приготовленные къ самозащитѣ, галичане не могли бороться съ сильнымъ непріятельскимъ войскомъ. Одни галицкіе города сдавались Казиміру добровольно, а другіе послѣ небольшого сопротивленія. Король оставлялъ въ нихъ свои гарнизоны и приводилъ жителей къ присягѣ. Казиміръ въ короткое время завоевалъ и подчинилъ себѣ все наше галицкое княжество.

Это было въ 1340-мъ году.

Такимъ образомъ Волынь и Галиція отошли къ сосѣдямъ. Первую завоевала—Литва, а вторую—Польша. Съ тѣхъ поръ эти старинныя, коренныя русскія земли надолго—на цѣлыя столѣтія

---

[1]) Казиміръ III-й Великій былъ сынъ Владислава Локотка, положившаго начало единовластія въ Польшѣ.

отдѣлились отъ сѣверо-восточной Руси. Много горя и бѣдствій перенесли онѣ за это время отъ своихъ единоплеменниковъ-поляковъ. Защищая отъ нихъ свою вѣру и народность, волынцы и галичане вынесли больше страданій, чѣмъ сѣверо-восточные ихъ братья отъ «поганыхъ» татаръ [1]).

---

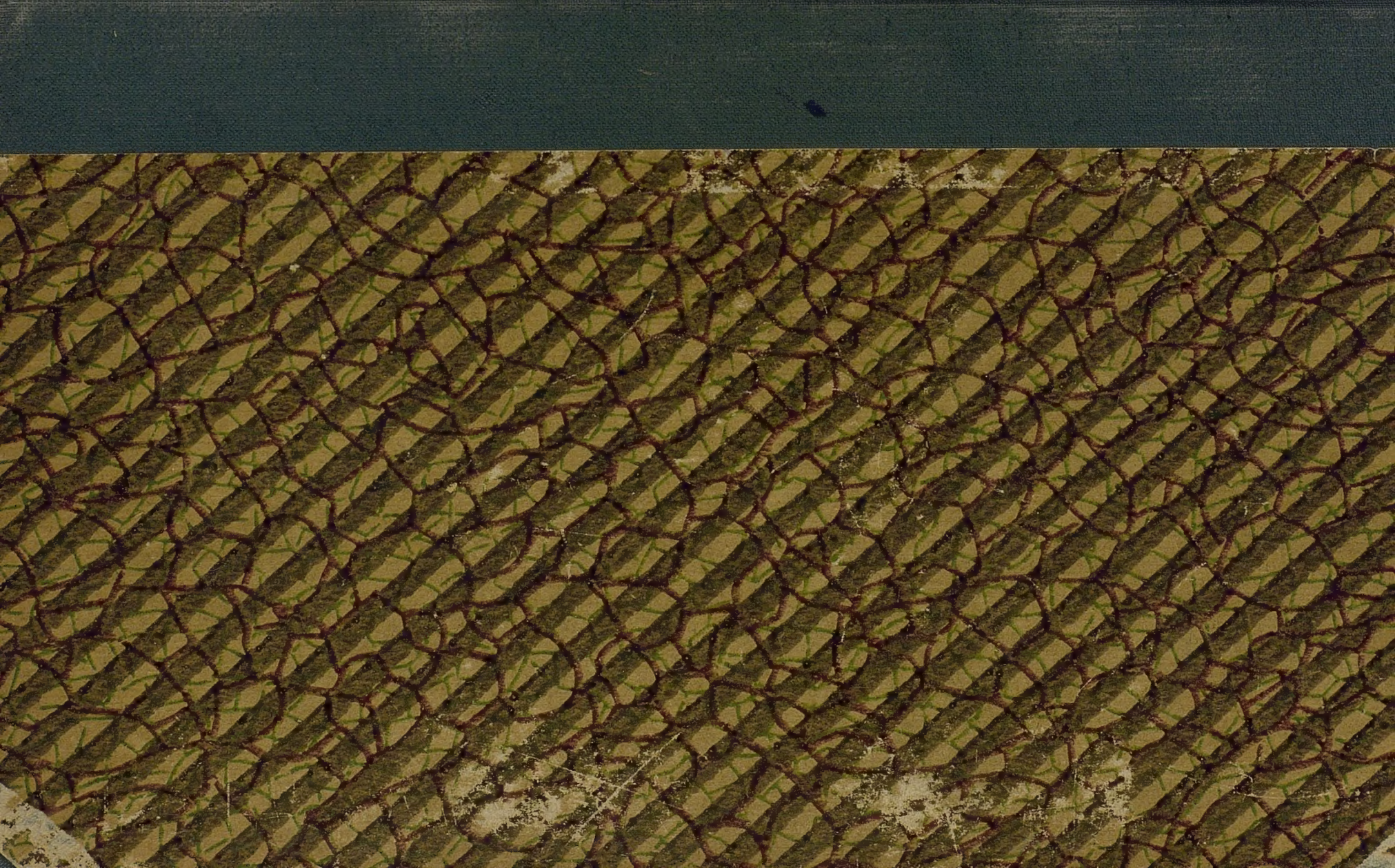
[1]) Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, судьба Волыни и Галича измѣнилась. Въ 1793-мъ году Волынь возсоединилась съ Россіей, а Галиція перешла въ другія руки, только не наши. Она еще прежде, по первому раздѣлу Польши (1772 г.), отошла къ Австріи, которой и теперь принадлежитъ.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—**2**) Краткій молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к. —**3**) Псалтирь учебная, въ бум. 25 к.— **4**) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—**5**) Октоихъ сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6**) Церковно-славянская азбука. Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій:* книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—**7**) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ училищахъ съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій.* Книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, ц. въ бум. 20 к.— **8**) *Тернавцевъ.* Наша школа. Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—**9**) *Кл. Лукашевичъ.* Сѣятель. Азбука и первое чтеніе, съ рис., ц. 25 к.— **10**) Ея же. Сѣятель. Первая послѣ азбуки книга. для чтенія, съ рис., ц. 35 к.—**11**) Ея же. Сѣятель. Второй годъ обученія, съ рис., ц. въ бум. 40 к—**12**) Ея же. Сѣятель. Третій (и четвертый) годъ обученія, съ рис., ц. 60 к.—**13**) *Крупская, М.* Букварь, ц. 12 к.—**14**) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ, въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—**15**) *М. Нодольскій.* Ручеекъ. Книга для чтенія, ц. 40 к.—**16**) Его же. Ручеекъ. Букварь, ц. — **17**) Начальные уроки по Закону Божію. *П. С.*, въ бум. 5 к.—**18**) Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., въ бум. 20 к.—**19**) Начатки христіанскаго ученія, ц. 6 к.—**20**) Прот. *П. Смирновъ.* Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—**21**) Еписк. *Аѳеодоръ.* Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—ц. 15 к.—**22**) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена,* съ рис., въ бум. 20 к.—**23**) *Титовъ, Ѳ.*, прот. Отечественная исторія церковная и гражданская, ц. 80 к.—**24**) Обиходъ учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ, ц. 60 к.—**25**) Краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум. 25 к.—**26**) Азбука хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум., 50 к.—**27**) *Касторскій.* Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—**28**) *Цвѣтковъ.* Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, и новая система рѣшенія задачъ, ц. 15 к.—**29**) Его же. Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ— ц. 10 к.—**30**) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—**31**) 1000 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум. 15 к.—**32**) Программы для школъ: а) церковно-приходскихъ ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—**33**) Правила и программы испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы, въ бум., ц. 5 к.—**34**) Правила для церковно-учительскихъ школъ, ц. 5 коп.—**35**) Правила для второклассной школы, ц. 5 коп.—**36**) О мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ ц.-пр. школахъ, ц. 5 к.—**37**) *Михалевъ,* свящ. Диктанты, ц. 25 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38)— Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рисунками, исполненными художникомъ *В. А. Серебряковымъ.* Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—**39**) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Правила богоугодной жизни, въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія. Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—**40**) Поученія и слово въ недѣлю Ѳомину. Протоіерея *І. И. Сергіева* (Кронштт.) Спб. 1903. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—**41**) Слова и поученія въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—**42**) Слова и поученія въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ. Его же. Спб. 1903, Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—**43**) Слова и поученія въ недѣлю о самаряныни. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 коп.— **44**) Слова въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.— **45**) Слова въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.— **46**) Бесѣды о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—**47**) Бесѣды о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—**48**) Св. Игнатій Богоносецъ, 6 к.—**49**) Св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій, 6 к.—**50**) Св. Іустинъ Философъ, 6 к.—**51**) Св. Поеинъ и Ліонскіе мученики, 4 к. —**52**) Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, 8 к. —**53**) Святые епископы: Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій 8 к.—**54**) Свя-

тый великомученикъ Георгій, 5 к.—**55**) Фабіола или катакомбы. Сочин. кардинала. *Уайзмена*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—**56**) *Иннокентій*, арх. Херсонскій. Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, ц. 60 коп.—**57**) Его же. Первая седмица Великаго поста, ц. 25 коп.—**58**) Его же. Молитва святаго Ефрема Сирина, ц. 15 к.—**59**) Его же. Страстная седмица Великаго поста ц. 35 к.—**60**) Его же. Свѣтлая седмица, ц. 30 к.—**61**) Краткое сказаніе о жизни и трудахъ святыхъ славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Съ рис. и нотнымъ перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ*. 5 к.—**62**) Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи (980—1200 г.). Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—**63**) Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449, 60 к.—**64**) Боярынъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова*. 15 к.—**65**) *Гречулевичъ*. Праздники Богородичные, ц. 12 к.—**66**) Приключенія Оливера Твиста. Соч. *Диккенса*. Перев. съ англ. школьнаго изданія, 40 к.—**67**) Сельская школа. Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго*. Изданіе 5-е. Спб. 1902. Стр. 1—371, 75 к.—**68**) *Рачинскій С. А.* Школьный походъ въ Нилову пустынь. Ц. 15 к.—**69**) *Черепнинъ, П.* Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (ц. 12 к.—**70**) *Вадковскій, С.* Бесѣды о пользѣ пчеловодства. Ц. 8 к.—**71**) Избранныя сочиненія *В. А. Жуковскаго*, ц. 45 к.—**72**) Мысли о воспитаніи и ученіи Спб. 1889. Ц. 5 к.—**73**) Школьная библіотека и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ ц. 3 к.—**74**) Сборникъ методическихъ разъясненій, Ц. 60 к.—**75**) *Загоскинъ*. Юрій Милославскій, Ц. 50 к.—**76**) Его же. Кузьма Рощинъ, ц. 15 к.—**77**) Его же. Брынскій лѣсъ, ц. 35 к.—**78**) Его же. Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія, ц. 35 к.—**79**) *Козловъ*. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, ц. 7 к.—**80**) *Фонвизинъ*. Недоросль, Ц. 12 к.—**81**) *Загоскинъ*. Кузьма Петровичъ Мирошевъ, ц. 50 к.—**82**) Его же. Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году, ц. 50 к.—**83**) Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви. Протоіерея *Г. Дьяченко*, ц. 5 р.—**84**) *Завьяловъ*. Римскія катакомбы, съ рис., ц. 80 к.—**85**) Его же. Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ, ц. 1 р. 30 к.—**86**) Свящ. *К. Ивановскій*. Преподобный Серафимъ Саровскій, ц. 45 к.—**87**) То же, сокр. изд., ц. 10 к.—**88**) *Поповъ А.* Сборникъ духовныхъ стихотвореній, ц. 35 к.—**89**) Его же. Императоръ Александръ III, съ рис., ц. 80 коп.—**90**) *Д. И. Троицкій*. Домонгольская Русь, ц. 1 р.—Его же. Русь въ мангольскій періодъ, ц. 50к.—**91**) *Хитровъ, М.* прот. Годъ православнаго христіанина, ц. 50 к.—**92**) *Арсеньева С.* Разсказы изъ русской исторіи, съ рис., Царствующій домъ Романовыхъ. вып. I. Ц. 60 к.—**93**) То же. Вып. II. ц. 60 к.—**94**) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—**95**) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—**96**) То же. Вып. V, ц. 60 к.—**97**) Ея же. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. I Ц. 60 к.—**98**) То же. Вып. II. Ц. 60 к. —**99**) Вып. III. Ц. 60 к.—**100**) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—**101**) То же. Вып. V. Ц 60 к.—**102**) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—**103**) Свящ. *К. Ивановскій*. О христіанскомъ воспитаніи. Ц. 20 к.—**104**) *Введенскій, Д.* За счастье дѣтей. (Вопросы христіанскаго воспитанія), ц. 1 р.—**105**) Его же. Небесныя звѣздочки, ц. 80 к.—**106**) *Ельницкій К.* Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Ц. 10 к.—**107**) *Анастасіевъ А.* Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ. Ц. 30 к.—**108**) Очеркъ просвѣтительной дѣятельности *Н. И. Ильминскаго*. Ц. 20 к.—**109**) *Маляревскій І.* Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы. Ц. 18 к.—**110**) *Воронова Е.* Школа въ Алуштѣ. Ц. 25 к.—**111**) *Крестьянполь П.* Руководственныя указанія по черченію. Ц. 30 к.—**112**) *К. Лукашевичъ*. Кирюша юродивый и Бѣлогрудка, ц. 15 к.—**113**) Ея же. Бѣднота, ц. 15 к.—**114**) Старый Памфилычъ, ц. 15 к.—**115**) Тихонъ Михайловичъ, ц. 20 к.—**116**) Завѣтное окно, ц. 12 к.—**117**) Изъ жизни бѣдняковъ, ц. 20 к.—**118**) *Бахтіаровъ А.* Исторія первой печатной книги, ц. 30 к.—**119**) Его же. Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ, ц. 25 к.—**120**) *Я. И. Рудневъ*, Очерки странъ и народовъ, вып. I. ц. 40 к.—**121**) Его же. Вып. II. ц. 70 к.—**122**) *Вирениусъ*. Куреніе табака, ц. 10 к.—**123**) Его же. Спиртные напитки, ц. 12 к.—**124**) *Соловьевъ-Несмѣловъ Н.* Первый день Рождества, ц. 10 к.—**125**) Его же. Аѳросимычъ, ц. 10 к.—**126**) Его же. Скрипачъ, ц. 12 к.—**127**) Его же. Панкратъ, ц. 10 к.—**128**) Его же. Савельичъ, ц. 8 к.—**129**) Его же. Настя, ц. 10 к.—**130**) Его же. Подъ снѣгомъ и метелицей, ц. 12 к.—**131**) Его же. Христа ради, ц. 10 к.—**132**) Его же. Христославы, ц. 8 к.—**133**) Его же. Въ степи, ц. 10 к.—**134**) *Поселянинъ Е.* Святыя дѣти русскія и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ, съ рис., ц. 30 к.—**135**) *С. Аксаковъ*. Избранныя сочиненія. Аленькой цвѣточекъ, п. 5 к.—**136**. Его же. Изъ записокъ ружейнаго охотника, ц. 7 к.—**137**) Его же. Семейная хроника, ц. 25 к. **138**) Его же. Дѣтскіе годы Багрова внука, ц. **139**) *Д. И. Троицкій*. Оборона Севастополя, ц. 35 к.